

ISSN 2619–0214

**НАСЛЕДИЕ
И
СОВРЕМЕННОСТЬ**

2018, том 1
№ 4

НАСЛЕДИЕ И СОВРЕМЕННОСТЬ

Издаётся с 2018 года

2018, т. 1, № 4

ISSN 2619–0214

Международный научно-методический журнал о культурном наследии

Включен в каталог периодических изданий Ulrichsweb (Ulrich's Periodicals Directory)
Размещается на платформах eLIBRARY.RU и КиберЛенинка

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

Р.М. Валеев – доктор исторических наук, профессор (г. Казань, Россия)

ЗАМЕСТИТЕЛИ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

П.М. Шульгин (шеф-редактор) – кандидат экономических наук (г. Москва, Россия)

Р.Р. Хайрутдинов – кандидат исторических наук, доцент (г. Казань, Россия)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

А.Г. Ситдилов (председатель) – член-корреспондент Академии наук Республики Татарстан, доктор исторических наук (г. Казань, Россия)

Г.Н. Василевич – кандидат экономических наук (с. Михайловское, Россия)

Ю.А. Веденин – доктор географических наук, профессор (г. Москва, Россия)

Д.Д. Иманкулов – доктор архитектуры, профессор (г. Бишкек, Кыргызстан)

В.Н. Калущков – доктор географических наук, профессор (г. Москва, Россия)

А.А. Литвин – доктор исторических наук, профессор (г. Казань, Россия)

И.Э. Мартыненко – доктор юридических наук, профессор (г. Гродно, Беларусь)

А.С. Пилипосян – доктор исторических наук (г. Ереван, Армения)

А.В. Работкевич – кандидат культурологии (г. Москва, Россия)

Р.Р. Фахрутдинов – доктор исторических наук, профессор (г. Казань, Россия)

Ф.Г. Мухаметзянова – доктор педагогических наук, профессор (г. Казань, Россия)

О.Л. Панченко – кандидат социологических наук, доцент (г. Казань, Россия)

А.В. Фахрутдинова – доктор педагогических наук, профессор (г. Казань, Россия)

РЕДАКЦИОННО-ИЗДАТЕЛЬСКАЯ ГРУППА

О.Е. Штеле (ответственный секретарь) – кандидат географических наук (г. Москва, Россия)

С.И. Мурашкина (научный редактор) – кандидат географических наук (г. Москва, Россия)

Е.В. Витоль (ответственный за выпуск) – (г. Казань, Россия)

Редактор-составитель **М.Е. Кулешова**

Учредители: Хайрутдинов Рамиль Равилович, Ситдилов Айрат Габитович

Издатель: АНО «Институт культурного наследия»

Адрес: ул. Кремлёвская, 10/15, г. Казань, Россия, 420111. Тел.: +7 (843) 221-33-21

Email: worldheritage2018@mail.ru

Сайт: <https://n-i-s.ru>

Адрес редакции: ул. М. Межлаука, 3, каб. 117, г. Казань, Россия, 420008

Зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-71548 от 13.11.2017 (печатное СМИ, журнал)

Периодичность: 4 выпуска в год

Подписка и распространение: на оформлении

Дата выхода в свет: 22.12.2018. Бумага офсетная. Печать цифровая. Формат 70x108 1/16. Тираж 500 экз.

Заказ 181/3. Отпечатано с готового оригинал-макета в типографии
Издательства Казанского университета.

Адрес: ул. Профессора Нужина, 1/37, г. Казань, Россия, 420008.

Тел.: +7 (843) 233-73-59, +7 (843) 233-73-28.

Перепечатка материалов допускается только с письменного разрешения редакции.

Редакция не несёт ответственности за содержание публикаций.

Распространяется бесплатно.

HERITAGE AND MODERN TIMES

Published since 2018

2018, vol. 1, no 4

ISSN 2619–0214

**International scientific-methodical journal
for cultural heritage issues**

Included in the Ulrichsweb (Ulrich's Periodicals Directory)
Placed in the platforms of eLIBRARY.RU and CyberLeninka

EDITOR-IN-CHIEF

P. Valeev – Doctor of History, Professor (Kazan, Russia)

DEPUTY CHIEF EDITORS

P. Shulgin (deputy editor-in-chief) – Ph.D. in Economics (Moscow, Russia)

R. Hayrutdinov – Ph.D. in History, Associate Professor (Kazan, Russia)

EDITORIAL BOARD

A. Sitdikov (Chairman) – Corresponding member of the Tatarstan Academy of Sciences, Doctor of History

G. Vasilevich – Ph.D. in Economics (Mikhailovskoe, Russia)

Y. Vedenin – Doctor of Geography, Professor (Moscow, Russia)

D. Imankulov – Doctor of Architecture, Professor (Bishkek, Kyrgyz Republic)

V. Kalutskov – Doctor of Geography, Professor (Moscow, Russia)

A. Litvin – Doctor of History, Professor (Kazan, Russia)

I. Martynenko – Doctor of Law, Professor (Grodno, Republic of Belarus)

A. Piliposyan – Doctor of History (Yerevan, Republic of Armenia)

A. Rabotkevich – Ph.D. in Culturology (Moscow, Russia)

R. Fakhrutdinov – Doctor of History, Professor (Kazan, Russia)

F. Mukhametzanova – Doctor of Pedagogics, Professor (Kazan, Russia)

O. Panchenko – Ph.D. in Sociology, Associate Professor (Kazan, Russia)

A. Fakhrutdinova – Doctor of Pedagogics, Professor (Kazan, Russia)

EDITORIAL AND PUBLISHING GROUP

O. Shtele (Executive Secretary) – Ph.D. in Geography (Moscow, Russia)

S. Murashkina (Scientific Editor) – Ph.D. in Geography (Moscow, Russia)

E. Vitol (Executive Editor) – (Kazan, Russia)

Editor-compiler of the issue **M. Kuleshova**

Certificate number	ПИ No.ФC 77 – 71548
Certificate status	Actual
Media name	Heritage and Modern Times
Date of registration	11/13/2017
Distribution pattern	Printed media-journal
Periodicity	4 issues per year (quarterly)
Distribution territory	Russian Federation, foreign countries
Founders	Hayrutdinov Ramil, Sitdikov Ayrat
Editorial address	of. 117, 3, M. Mezhlauk str., Kazan, Russia, 420008
Languages	Russian, English
Email:	worldheritage2018@mail.ru
website:	https://n-i-s.ru

Approved for printing on 12/22/2018. Offset paper. Digital printing. Format 70x108 1/16. Circulation 500 pieces. Order: 181/3. Printed from ready-to print file in the printing house of Kazan University Publishing house. 420008, Kazan, Prof. Nuzhin St., 1/37. Ph.: +7 (843) 233-73-59, 233-73-28.

Reprint of materials is allowed with the written permission of editorial board only.
Editorial office is not responsible for the contents of publications.

СОДЕРЖАНИЕ

Слово редактора-составителя	5
Колбовский Е.Ю. КУЛЬТУРНЫЙ ЛАНДШАФТ: В РАЗНООБРАЗИИ ЗНАЧЕНИЙ НЕ УТЕРЯВШИЙ СМЫСЛ.....	8
Крестев Т. АРХИТЕКТУРА И ЦЕННОСТИ: ЛАНДШАФТ – КУЛЬТУРНАЯ СРЕДА	23
Веденин Ю.А. КУЛЬТУРНО-ЛАНДШАФТНОЕ ПРОСТРАНСТВО МОСКВЫ: ПРОБЛЕМЫ ОХРАНЫ И РАЗВИТИЯ	44
Горбатенко С.Б. ОХТИНСКИЙ МЫС В КУЛЬТУРНОМ ЛАНДШАФТЕ САНКТ-ПЕТЕРБУРГА	59
Крупник И.И. ЛЕДОВЫЕ ПРОСТРАНСТВА АРКТИЧЕСКИХ МОРЕЙ КАК АБОРИГЕННЫЙ КУЛЬТУРНЫЙ ЛАНДШАФТ	73
Желамский А.Г. НЕУГАСИМАЯ РОДИНА: К ТЕМЕ ОБРАЗНОГО ВОСПРИЯТИЯ ЛАНДШАФТОВ	95
Кулешова М.Е. КУЛЬТУРНЫЕ ЛАНДШАФТЫ, ИХ МЕСТО В СПИСКЕ ВСЕМИРНОГО НАСЛЕДИЯ И ПЕРСПЕКТИВЫ РОССИЙСКОГО ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВА	111

CONTENTS

From the compiling editor.....	5
Kolbovsky E. CULTURAL LANDSCAPE: THE SENSE IS NOT LOST DESPITE VARIETY OF MEANINGS	8
Krestev T. ARCHITECTURE AND VALUES: LANDSCAPE – CULTURAL ENVIRONMENT	23
Vedenin Yu. CULTURAL SPACE AND TOWNSCAPE OF MOSCOW: PROBLEMS OF PROTECTION AND DEVELOPMENT	44
Gorbatenko S. OKHTA CAPE IN ST. PETERSBURG CULTURAL LANDSCAPE	59
Krupnik I. ARCTIC SEA ICE AS INDIGENOUS CULTURAL “SCAPE”	73
Zhelamsky A. INSENSIBLE MOTHERLAND: TO THE TOPIC OF LANDSCAPE IMPRESSION	95
Kuleshova M. CULTURAL LANDSCAPES, THEIR PLACE IN THE WORLD HERITAGE LIST AND PROSPECTS OF RUSSIAN REPRESENTATION	111

Слово редактора-составителя

Вы открыли номер журнала, тематика которого посвящена проблемам культурных ландшафтов – достаточно широко употребляемой ныне категории, интерес к которой растёт с начала 90-х годов. Именно тогда данная категория стала рассматриваться в качестве культурной ценности благодаря её введению в систему объектов Всемирного наследия, и именно в тот период в российской истории настало время очередных коренных преобразований ландшафтов страны, поставив под угрозу уничтожения многие ценные исторические пейзажи и комплексы наследия. С начала 2000-х годов культурный ландшафт был введён в законодательство о культурном наследии, а спустя примерно десятилетие – в законодательство об особо охраняемых природных территориях. Будучи феноменом достаточно сложным и комплексным, культурный ландшафт предполагает междисциплинарность при его изучении, а междисциплинарность всегда таит в себе искушение переместиться с профессиональной исследовательской планки на убогий дилетантизм, что, к сожалению, приходится нередко наблюдать воочию. О культурных ландшафтах пишут и говорят очень много и, одновременно, очень мало, если критически отнестись к сопровождающему эту тему информационному шуму. С другой стороны, важность этой темы чрезвычайно, ведь мы живём, творим и общаемся именно в культурном ландшафте – вопрос, в каком именно, и как он воздействует на наш образ мыслей и чувств. Наследие отбирается поколениями, и отношение к разным его составляющим меняется, как и к культурным ландшафтам, многие из которых имеют основания стать национальным достоянием. Мир слишком быстро меняется и надо успеть защитить хотя бы некоторые ценностные реперы ландшафтной среды, а значит, надо владеть адекватными сложности задачи опытом, методами, знаниями, чтобы прилагаемые усилия имели достойный результат.

Авторы этого номера журнала – известные специалисты в своей области, а также новые оригинальные исследователи, географы и архитекторы, этнографы, биологи и историки – предлагают вниманию читателя результаты своих разработок, наблюдений и размышлений. Их объединяет высокая степень ответственности за научную состоятельность излагаемых концептов, и высокая степень заботы о нашем ландшафтном будущем, в созидании которого принимает участие практически каждый человек, но далеко не каждый об этом знает.

Номер открывается статьёй Евгения Колбовского, известного своими работами по территориальному планированию, эстетике и динамике культурных ландшафтов с использованием ГИС-моделирования. В данной публикации автор показывает широкий спектр возможностей восприятия культурного ландшафта и использования данного концепта в науке и практике. Этап очередного переформатирования ландшафта,

который мы наблюдаем, отражает очень сложные социальные механизмы утверждения новой системы ценностей и отношений в обществе, взаимовлияние общества и ландшафта приводит к конкретным практическим результатам. Соответственно дальнейшее развитие теории культурного ландшафта – важное условие формирования нашего будущего, и выполнение этой задачи требует адекватного уровня ответственности и понимания предмета.

О профессиональной ответственности архитектора и своём жизненном выборе рассказывает болгарский исследователь Тодор Крестев, известный российским специалистам как эксперт ИКОМОС, регулярно привлекаемый ЮНЕСКО для проведения мониторинговых миссий и подготовки заключений по многим российским объектам всемирного наследия. В 2018 году он стал лектором московской Школы Наследия и был удостоен Премии Алексея Комеча за свой вклад в защиту наследия России. Культурный ландшафт, пейзаж или культурная среда? Автор полагает эти понятия близкими и взаимозаменяемыми, главное – умение выявлять и сохранять свидетельства исторической памяти в окружающем нас мире, сохранять его многочисленные культурные ценности – не только отдельные памятники, а целостные ландшафтные/средовые фрагменты. Умение сочетать новое в градостроительстве с сохранением культурных ценностей среды – лейтмотив публикации.

Тему бережного отношения к исторической памяти в культурном ландшафте, с чем неразрывно связана возможность формирования комфортной для человека городской среды, продолжает Юрий Веденин – основоположник информационно-аксиологической школы культурного ландшафта и первый директор первого в мире Института Наследия, провозгласившего целостность и неразрывность природных и культурных ценностей. Автор рассматривает возможности применения культурно-ландшафтного подхода на примере Москвы и говорит о важности культурно-исторического и природно-экологического каркаса в формировании городского пространства.

Ландшафтный подход к обоснованию стратегии защиты наследия представлен в статье Сергея Горбатенко, посвященной северной столице России – Санкт-Петербургу, самому сложному и многокомпонентному российскому объекту в Списке всемирного наследия. Именно благодаря исследованиям этого автора к Санкт-Петербургу в полную меру стала применяться парадигма культурного ландшафта, которая начиная с 2010-х годов активно внедряется в управление городскими номинациями всемирного наследия. Автор рассматривает один из участков номинации – Охтинский мыс, демонстрируя его роль в городском ландшафте и перспективах городского развития.

Если в предыдущих статьях рассматривались в основном городские ландшафты, то последующая публикации посвящена другому полюсу культурно-ландшафтного разнообразия – этнокультурным ландшафтам Арктики. Ледовые культурные ландшафты северных морей – научно-исследовательская новелла последних лет, разработка этой темы принадлежит Игорю Крупнику – известному исследователю народов Арктики и традиций их природопользования. Его исследования показывают, что культурный ландшафт может быть сезонным, эта позиция очень важна для изучения и других типов ландшафта, имеющих различное культурное наполнение в разные циклически повторяющиеся периоды времени. Ввиду необычности феномена автор скрупулёзно аргументирует свою позицию, показывая, какое богатство культурных навыков, представлений и традиций аборигенных арктических народов, в частности морских зверобоев, таит в себе ледовый ландшафт, который с точки зрения европейца – лишь безмолвная белая пустыня.

Удивительный пример сочетания научного подхода к изучению ландшафта и личного переживания проблем запустения родной земли даёт нам статья Александра Желамского. Автор создал в своей деревне Чернецово в Псковской области музей – не просто краеведческий, что само по себе не ново, но музей пейзажного наследия с промыслительным названием «Окоём», и осуществляет проект презентации пейзажа не только средствами искусства, но через создание «топообразов земель», предлагая вниманию соотечественников азы экологически грамотного землеустройства и ландшафтного проектирования.

Завершает наш ландшафтный номер статья редактора-составителя, Марины Кулешовой, посвящённая современным тенденциям использования культурно-ландшафтного концепта и подхода при формировании Списка всемирного наследия ЮНЕСКО, затрагивающая также российские перспективы в данном направлении. Автор упорно возвращается к определению основного понятия – культурный ландшафт – полагая, что определённая в понятиях способствует определённости в методах охраны и препятствует управленческой невнятности.

Тема культурных ландшафтов – очень интересное исследовательское поле, мы показали только некоторые аспекты его научного освоения и надеемся, что эта тема не оставит читателя равнодушным и займёт достойное место на страницах научного журнала «Наследие и современность». Без культурного ландшафта наследие не может быть всесторонне представлено, а усеченное в своём разнообразии наследие приводит к оскудению современности.

Марина Кулешова

КУЛЬТУРНЫЙ ЛАНДШАФТ: В РАЗНООБРАЗИИ ЗНАЧЕНИЙ НЕ УТЕРЯВШИЙ СМЫСЛ

Е.Ю. Колбовский

kolbowsky@mail.ru

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, г. Москва, Россия

Аннотация. Термин «культурный ландшафт» несет в себе множество значений, которые, с одной стороны, определили разнообразие исследовательских подходов, с другой – привели к некоторому «размыванию смыслов», сложившихся в широком диапазоне концептов: археологических и исторических, географических и социальных, эстетических и философских. Тем не менее, две наиболее существенные «половинки» этого «географического орешка» – социальная и природная – постоянно «взаимодействуя» между собой, продолжают генерировать смыслы, остающиеся важными для любой исторической эпохи, и современность не исключение. Можно утверждать, что любая эпоха «модернизма» переписывает ландшафт физически (по причинам социально-экономического порядка), но одновременно – запускает сложные процессы рефлексии, результаты которых проявляются в целом комплексе настроений, индивидуальных переживаний и общественных инициатив, которые составляют существенную часть классического и современного природоохранного (а ныне – энвайронменталистского) движения. В этом, на наш взгляд – важнейшая функция теории культурного ландшафта (так же, как и практик его формирования).

Ключевые слова: культурный ландшафт, гуманитарная география, восприятие ландшафта, энвайронментализм.

Для цитирования: Колбовский Е.Ю. Культурный ландшафт: в разнообразии значений не потерявший смысл. *Наследие и современность = Heritage and Modern Times*. 2018;1(4):8–22.

Ландшафт – «концепт высокого напряжения». Зачем думать, говорить и тем более писать что-то о ландшафте? Наука, как ни странно, создает свои мифы. Один из них, «посеянный», вероятно, еще древними греками, относительно недавно воспроизведенный Ф. Энгельсом в его «Диалектике Природы» и активно распространяемый современными астрофизиками заключается в том, что человечество обитает на вполне обычной планете типичной звездной («солнечной») системы в пределах заурядной галактики, в свою очередь расположенной где-то «на обочине» бесконечной Вселенной. Между тем все перечисленное – заблуждение от начала и до конца. Мы занимаем абсолютно уникальное место в рамках каждой из этих внешних систем отсчета, поскольку при изменении любого из мыслимых параметров нас просто бы не было (либо мы были бы «другими», но с этим – к писателям-фантастам).

Другое заблуждение, порожденное современной экологической наукой, и тесно с нею связанной природоохранной деятельностью, заключается в том, что человек способен безбедно и счастливо жить где-то за пазухой «матери-природы». Полагаем не без оснований, что абсолютно не способен: отдельно взятый человек и человечество как сообщество более-менее организованных особей могут существовать только в пределах очень тонкой «пленки» на поверхности планеты. Эта плёнка названа «ландшафтной оболочкой», что тоже не совсем корректно, ибо никакой оболочки нет, а есть фрагменты суши, разорванные огромными пространствами океанов, ледниковых шапок Земли и барьерами заснеженных высокогорий. Но и эти фрагменты – еще не есть «наш дом», ибо придется вычесть обширные и непригодные для постоянного обитания экосистемы – влажные экваториальные леса, болота на низменностях умеренного пояса, суровые почти безжизненные пустыни. Оставшееся, обжитое человеком пространство, как раз и есть «ландшафт» в самом общем и исторически первичном (!) значении слова. В другом – вертикальном – измерении ландшафт очень «тонок» даже по земным меркам и распространяется (если не вдаваться в детали) от корней до крон самых высоких деревьев. И именно в этом смысле ландшафт как объект – уникален и заслуживает внимания, потому что, несмотря на прогресс и безусловные достижения человеческой цивилизации, мы за последние несколько столетий сильно «истожили» эту пленку жизни.

Ландшафт – одно из самых сложных понятий современной географии, возможно, он не столько «существительное», сколько «глагол» – ибо апеллирует к действию, как отметил профессор чикагского университета Уильям Митчелл [1]. Человек познает ландшафт, только вживаясь в его пространство и переживая его обстоятельства, проще говоря – взаимодействуя с ним. Отсюда – непреодоленная двойственность ландшафта как сложного комплекса условий природной среды, с одной стороны, и как феномена культуры – с другой. Естественнонаучная, инженерная, онтологическая, идеологическая и сценическая сущности ландшафта плохо «умещаются» в рубрикаторы любой науки. В этом смысле ландшафт – классический «квазиобъект», не совместимый без изъянов ни с одной из мыслимых своих проекций и проявлений.

Для любого человека ландшафт может быть одновременно реальным местом жизни и отдаленным, отчасти воображаемым объектом. Ландшафт неисчерпаем в его восприятии – даже хорошо знакомая местность может удивлять вновь увиденными деталями, сезонными изменениями, оттенками цвета, полутонами теней и даже запахами – эффект, хорошо знакомый географам, проводящим многолетние исследования в одних и тех же местах. Ландшафт практически невозможно запомнить и «взять с собой» целиком – в нем навсегда остается нечто, что ускользает от глаза даже очень опытного наблюдателя.

Ландшафт непостоянен – он меняется в течение суток, по временам года и в отрезки времени, соизмеримые с жизнью человека. Иногда такие изменения происходят постепенно и незаметно, иногда – быстро и драматично. Однако помимо этих видимых и ощутимых перемен, ландшафты менялись весьма существенным образом за последние несколько тысяч лет в направлении, вектор которого был задан самим ходом человеческой истории. Заклучая в себе «следы времени», ландшафты вовлечены во взаимодействие между прошлым и настоящим и, таким образом, обеспечивают человеку, группам людей и целым нациям ощущение «самости» в локальном, региональном и национальном масштабах. В этом смысле ландшафты «многослойны» и «археологичны», они представляют собой живые формы памяти – «палимпсесты», в которых запечатлена история последовательно сменявшихся друг друга периодов человеческой деятельности на поверхности планеты.

Отношение к ландшафту существенно трансформировалось с течением истории – по мере того как изменялось человеческое восприятие и интерпретация ландшафта. Поразительно, что ландшафты, которые сегодня представляются нам наиболее ценными по эстетическим или экологическим соображениям, когда-то формировались по большей части неосознанно, как побочный продукт усилий многих поколений. Давно известно, что этнически укорененный («национальный») сельский пейзаж любой страны чрезвычайно красив – будь то виноградники Шампани, огороженные стенами боярышника зеленые пастбища Англии или разбросанные по холмам среди лесов поля России. Почему, каким образом тяжкий труд человеческих коллективов по освоению девственной природы приводил к появлению в ней не просто полезных свойств, позволявших регулярно получать продукцию и кормиться, живя на земле, но способствовал возникновению пейзажей, признаваемых в течение столетий «дивными»?

Герберт Спенсер трактовал красоту сельских видов как «забытую полезность», ссылаясь на то вроде бы верное наблюдение, что утилитарные объекты из прошлых эпох становятся эстетическими в последующих [2]. Однако удовлетворит ли нас подобное объяснение?

И сегодня, в 21 веке люди имеют весьма различные воззрения на ландшафт, связывают с ним разнообразные ассоциации и ожидания, и предъявляют к нему противоречивые требования, – все это, по выражению Барбары Бендер, делает ландшафт «концептом высокого напряжения» [3].

Ландшафт «многоликий» во множестве восприятий. Даже в пределах одной культуры и социальной группы ландшафт воспринимается людьми по-разному: каждому человеку свойственна собственная позиция восприятия, свои средства различения и оценивания, и потому совокупные впечатления разных людей могут содержать

разительные различия. Дональд Мейнинг предположил [4] по меньшей мере 10 различных вариантов восприятия ландшафта:

– как отражение Сил Природы (при таком подходе мы безотчетно для себя изымаем человека с его деятельностью, чтобы вернуть пейзажу первозданный вид);

– как местообитание человека (взгляд свойственный ранним антропогеографам, полагавшим рукотворный ландшафт совместным творчеством Природы и Человека);

– как полный артефакт (природа «предоставила» лишь сцену для деятельности, но все что мы видим сейчас – дело рук человека);

– как система (сугубо научный взгляд, представляющий ландшафт как совокупность сложно взаимодействующих частей с потоками вещества и энергии – как природных, так и направляемых человеком);

– как проблема (прежде всего – экологическая, носители такого восприятия видят в ландшафте прежде всего негативные следы антропогенной деятельности);

– как собственность (сочетание сервисов и качеств, которые могут быть оценены экономически, ландшафт как проявление богатства, достояния);

– как «презентация» природы (обретаемая в поисках «чистых» экосистем, зачастую с недостаточным пониманием следов человеческой деятельности);

– как идеология (выражение культурных ценностей, социального устройства, либо целой философии);

– как история (хронология событий, запечатленных в ландшафте, своего рода «палимпсест»);

– как эстетическая ценность (т.е. как окружающая нас природная и рукотворная красота, часто противопоставляемая современной урбанизированной предметно-пространственной среде мегаполиса).

Разумеется, маловероятно, чтобы какой-нибудь вариант восприятия мог быть единственным для конкретного человека, уж слишком одинокой должна быть личность. С другой стороны, есть множество свидетельств тому, что земельный спекулянт воспринимает ландшафт в терминах стоимости, артист – в «облаке» художественных ассоциаций, а ученый – в терминах экологических процессов и взаимодействий.

Не только академический интерес заставляет нас интересоваться особенностями восприятия ландшафта человеком: то, что люди делают со своим окружением, непосредственно определяется тем, как они видят и воспринимают это самое окружение. Следовательно, восприятие

значимо для организации повседневной жизни в ландшафте: никакие законы не в состоянии полностью урегулировать взаимоотношения человека и природы, значительная часть такой регуляции заключена в повседневных нормах поведения человека в ландшафте, и эти нормы традиционно формировались восприятием.

Восприятие ландшафта – исторический феномен, тесно связанный с освоением природы и формированием культурных ландшафтов. Каждый народ взаимодействовал с «приданным ему вариантом природы» и возделывал собственный культурный ландшафт, отражавший коллективное сознание народа. Созданные таким образом, в основном на доиндустриальной стадии развития, укорененные «этнические ландшафты» служили впоследствии опорой национальному характеру и условием проявления национальной идентичности. В эпоху национальных империй (Италия и Британия, Голландия и Португалия, Франция и Испания, может быть менее других – Россия) такие ландшафты – романтизированные и идеализированные – осознанно и безотчетно «транслировались» на вновь открываемые и захватываемые земли, что порой сопровождалось насаждением систем земледелия и градостроительства «поперек» местных физико-географических условий. В этом проявлялось воздействие культуры на природные и социальные условия освоения – своего рода эффект обратного влияния образов и стандартов восприятия на структуру, пространственную организацию и функциональные качества вновь формируемых ландшафтов [2].

Исторические и этно-национальные различия сохраняют свою значимость и в наше время: американцы благоговеют перед немногими «возвышенными» (“*sublime*”) фрагментами «дикой природы» североамериканского материка; англичане предпочитают «прекрасную» (“*lovely*”) аккуратную сельскую местность с ясными референциями к историческому прошлому «старой, доброй Англии»; россияне тяготеют к варианту, который в равной степени содержит и признаки окультуренности (поля на водоразделах, сенокосы на поймах, разбросанные по косогорам деревеньки), и черты «дремучей тайги» в форме крупномассивных (пусть и вторичных – по большей части) лесов, или «бескрайней степи» в виде раскинувшихся до горизонта злаковников.

Старый географический «орешек»: *landschaft*, *landscape*. Термин «ландшафт» охватывает завораживающее разнообразие значений и как никакой другой «растворен» во множестве определений. Это неудивительно: ландшафт, как выразительно заметил исландский географ Карл Бенедиктсон – «старый географический орешек» [5], который после снятия с него этимологической «скорлупы» обнаруживает две равнозначимые половинки – германо-скандинавскую (*landschaft*) и англофонскую (*landscape*). Обе традиции словоупотребления берут начало в позднем средневековье, но если первая связана с

социальной «матрицей» пространства и означала, прежде всего, «владение», то вторая апеллирует к пейзажу или «висте» («прозору») и воссоздает образ человека, стоящего на вершине холма и всматривающегося в дали. Возможно, первым человеком, оставившим упоминание об осознанном совершении такого действия, был Петрарка, хотя было бы легкомысленным полагать, что никто не делал этого до него.

По сути, обе традиции связаны с культурным ландшафтом, но, вероятно, до эпохи великих географических открытий европейцы не испытывали нужды в дополнительном термине, просто потому, что веками жили на земле своих предков, каковая хоть и сохраняла кое-где остатки «дремучих» лесов, но была, тем не менее – освоенным пространством. Не случайно термин «культурный ландшафт», авторство которого приписывают Отто Шлютеру [6], получил развернутое толкование в работе американского географа Карла Зауэра «Морфология ландшафта», определившего его как проекцию культуры на природный ландшафт [7].

М.В. Рагулина полагает, что Зауэру удалось почти на полвека опередить (а возможно – и предопределить) направление развития современной гуманитарной географии Запада [8], в рамках которой ландшафт – синтез объективно существующей реальности и способа ее восприятия, переживания и осмысления. В такой трактовке “*landscape*” – несомненно “*lifescape*” – пространство обитания, и к этому значению в русском языке ближе всего стоит слово «местность». Подход К. Зауэра и основанная им в университете Беркли традиция изучения ландшафта концентрировались, прежде всего, на видимых формах ландшафта, таких как мозаика («паттерны») полевых систем, региональные типы сельскохозяйственных сооружений (домов, ферм, амбаров и т.д.), и в этом отношении он был очень близок к европейской (и русской!) этнографии. Чтобы убедиться в этом, достаточно открыть «классику» – книгу Д.К. Зеленина «Восточнославянская этнография», изданную впервые в 1927 г. (на немецком языке).

Культура рассматривалась Карлом Зауэром просто как набор свойственных конкретным человеческим сообществам практик, которые наследовались и передавались последующим поколениям; соответственно ландшафт трактовался как своего рода итог борьбы за существование человеческих коллективов, пытающихся удовлетворить свои базовые нужды посредством использования специфических технологий на фоне естественного окружения. Подобный подход впоследствии был назван «культурным детерминизмом» и подвергся критике за излишнюю «приземленность» и игнорирование идеологии и внутреннего мира людей, определивших те самые сохранившиеся до нашего времени физические признаки ландшафта.

Ландшафт в гуманитарной географии. Критика «культурного детерминизма» привела к тому, что в позднейших исследованиях ландшафта в рамках гуманитарной географии акцент сместился в сторону нематериальных составляющих культуры – верований, ценностей, моделей поведения и навыков, которым научается группа людей и которые она привносит в окружающую среду. В своем крайнем выражении этот подход концентрируется более на символических качествах ландшафта, чем на его физических параметрах. Ландшафт трактуется как набор знаков, воспринимаемых через субъективный человеческий опыт, притом не столько знаков видимых, сколько конструируемых в нашем воображении и трактуемых нашим восприятием.

Мы не можем сегодня знать доподлинно, как соотносились непосредственное физическое и умозрительное восприятие ландшафта у различных народов в разные, и особенно – отдаленные исторические эпохи. Характерно, что для реконструкции подобной связи недостаточно чисто научных методов: возможно наилучший результат обеспечивает сочетание фантазии художника со «многими знаниями» специалиста. Так в замечательном романе «Имя розы», принадлежащем перу итальянского писателя и профессора семиотики Болонского университета Умберто Эко, мы обнаружим множественные свидетельства подобного восприятия ландшафта: его герои (помещенные в XIV век) «видят» предметы и объекты в ландшафте не только и не столько глазами, сколько через собственные представления и канонические интерпретации.

Современная гуманитарная география пристально изучает пути и средства, с помощью которых общество меняло ландшафт в разные времена и на различных масштабных уровнях: от сельской общины к провинции, от национального государства к колониальной империи с проявляющейся характерной стилистикой проработки пространства. Социальные, экономические, политические и идеологические коннотации понятия «ландшафт» присутствуют в наиболее широко известных и часто цитируемых в англо-американской литературе определениях ландшафта. Джей Эплтон: «Ландшафт это своего рода фон («задник») ко всей сцене человеческой деятельности» [9]. И-Фу Туан: «Ландшафт – это термин, который использовался с 17 столетия, и это мыслительная конструкция в той же степени, в какой - физическая и измеряемая сущность» [10].

Постмодернистские трактовки ландшафта в рамках гуманитарной географии породили впечатляющее разнообразие сквозных и междисциплинарных исследований, для обзора которых потребовалось бы написать отдельную работу. Нельзя, однако, не упомянуть два важных концепта.

Первый заключается в понимании ландшафта как «текста» и принадлежит классику английской исторической географии Уильяму Хоскинсу, автору ставшей уже классической книги *“Making of the English Landscape”* [11]. Его метафора «ландшафт-текст», который необходимо уметь «читать» многократно использовалась и обыгрывалась другими авторами, например, в замечательной работе Майкла Эстона «Интерпретируя ландшафт» [12]. Однако реальные исследования доказывали, что если ландшафт и «текст», то текст, многократно стираемый и переписываемый заново, отсюда – понятие «палимпсеста», введенное английским медиевистом Мэйтлендом и использованное известным «археологом ландшафта» Освальдом Кроуфордом, который первым догадался наложить исторические шестидюймовые карты графств на аэрофотоснимки середины 20-го века: «Поверхность Англии как палимпсест, документ, который был написан и стерт раз за разом, и дело археолога – расшифровать эти письма. Знаки, которые должны нас интересовать – это, разумеется, поля и полевые границы, леса, фермы и поселения, а также все иные продукты человеческой деятельности – это и есть буквы и слова, начертанные на поверхности земли» [13].

Второй концепт, сформировавшаяся не без влияния марксистской социологии и связанный с именем хорошо известного (и чаще других цитируемого в России) Дениса Косгроува, трактует ландшафт как способ видения, укорененный в идеологии. Так, определенные классы людей обозначают себя и свой мир через воображаемые отношения с природой, и сообщают свою социальную роль самим себе и окружающим: «Ландшафт – это культурный образ, художественный способ репрезентации, структурирования и наделения символами нашего окружения» [14]. Новые ландшафтные образы впервые появились в Ренессансную эпоху в Италии и связаны с восприятием пространства городскими купцами, приобретающими сельские поместья. Открытие линейной перспективы, изобретение картографических проекций, пейзажная живопись и конструирование «экономических» ландшафтов «латифундий» – все эти процессы в сложном взаимодействии сформировали идеал Аркадии, носителями которого были представители господствующего класса, находившиеся (что характерно) вне непосредственных взаимоотношений с землей. Это был новый элитный способ видения мира, возникший в Европе при переходе от феодализма и его ценностей, связанных с землей, к иному «протокапиталистическому» способу производства, при котором ландшафт вместе с помещенными в нем ресурсами становится как бы формой капитала. Новые богатые землевладельцы специально оформляют ландшафт, привлекая ландшафтных архитекторов для реконструкции их особняков и строительства парков, а затем заказывая картины с пейзажами собственных владений [15; 16].

В такой интерпретации ландшафт – уже не только феномен восприятия, но форма репрезентации, свое значение обретают не просто культурный ландшафт как реальный объект, но и его живописные изображения, словесные описания. Последние могут анализироваться как закодированные «послания», чей смысл может быть раскрыт лишь тем, кто знает «ключ» и видит как внешние признаки, так и скрытые символы. Этот заимствованный из семиотики и иконографии подход оказался чрезвычайно плодотворным в современной гуманитарной географии, поскольку позволил осмыслить символизм визуальных изображений и текстовых описаний ландшафтов в европейской культуре.

Исследования, освещающие все новые и новые аспекты этого концепта, были популярны в гуманитарной географии Запада последние два-три десятилетия и остаются таковыми до сих пор. Обнаруженные тесные связи между топографической съемкой и портретированием мест коммерческих усадеб нового класса землевладельцев (а затем и городской буржуазии) заставили посмотреть на всю иконографию ландшафта как на средство визуального и идеологического контроля над территорией. А в особенности – как на декларацию доминирования в пространстве, проявлением которого были не только военные фортификации, но и парковые ландшафты, огороженные поля и пастбища, особые, доступные только для элиты, охотничьи угодья.

Культурный ландшафт как политическая конструкция и проецируемый объект. На страновом и далее – на глобальном уровне постмодернистские трактовки привели к вполне содержательным обобщениям, поскольку выяснилось, что образы ландшафтов, которые на первых порах (в XVII–XIX вв.) использовались для конструирования национальной идентичности, затем при становлении империй служили средством проецирования и переноса национальных стилей освоения на новые регионы и материки. В результате формировались так называемые «ландшафты колониализма и постколониализма» [17], приведшие к одним из первых в новейшей истории человечества экологическим катастрофам. Эти катастрофы просто не были осмыслены в свое время ввиду отсутствия того, что мы называем теперь медийным пространством, и просто вследствие «неважности» этих обстоятельств (тотальной эрозии, утраты плодородия, полного уничтожения местной фауны и флоры) на «каких-то там островах», «индиях» и провинциальных «америках» для набравшего силу европейского империализма.

Ландшафт – предмет охраны или среда «очеловечивания»?

Не вдруг возросшее в последние годы внимание к нематериальным сервисам ландшафта на самом деле всего лишь возродило полузабытые коннотации эпохи модерна столетней давности. Очутившись

в силках потребительского капитализма отдельный «простой человек» вдруг вспомнил, что ландшафт – это чувство «малой родины», «гений места», траектория «дауншифтинга» и потенциал для эскапизма – бегства от бессмысленности конsumerизма и пресса городской жизни. Целые народы, оказавшись в тесных объятиях глобализации, осознали, что ландшафт – это колыбель национального духа, возможность самоидентификации для отдельно взятой личности, и даже объект, вокруг которого представляется вероятным примирение и единение самых разных (и конфликтующих) социальных групп. Неслучайно британские историки и географы объясняют отсутствие серьезных социальных потрясений в стране после середины XVIII века именно общенародной приверженностью к ландшафту, известной как феномен особой ландшафтной «английскости» (“*englishness*”) [18].

Национальные представления о ландшафте предопределили страновые стратегии природопользования, поскольку большая часть кажущихся нам современными парадигм охраны природы, районной планировки и градостроительства сформированы модернистскими и постмодернистскими «открытиями» в ландшафте: прежде всего эстетическими, этико-философскими, идеологическими, и только потом уже – собственно научными. Кажущаяся нам современной «экологическая» идеология вышла из «моральной» географии XX века, порожденной модернистской философией почвенничества и органицизма, этно-исторической инициативой краеведов и путешественников, чуть более поздней литературной традицией писателей-деревенщиков, а также подвижничеством первых чудаковатых диссидентов-дауншифтеров, отправлявшихся жить на лоно природы.

Эстетика ландшафта, с начала Нового Времени игравшая заметную роль в формировании национальной культуры, а затем в XIX веке и санкционированной государством «народности», сегодня становится едва ли не главным внутренним импульсом экологического движения во всем мире. Именно «моральная» география ландшафта ответственна за рекреационный *style-life* нескольких поколений и его реинкарнацию – современный туризм и отдых на природе (“*outdoor recreation*”).

Широкие круги населения в разных странах и различные профессиональные группы (от архитекторов до кинематографистов) обнаружили растущий интерес к национальным историческим ландшафтам в связи с их сценической, экологической и рекреационной ценностью. Формируются общеевропейская политика и национальные инструменты охраны и управления ландшафтами, возникла и совершенствуется процедура ландшафтного планирования.

Это движение отчетливо отличается от привычного уже энвайронментализма (в российской традиции – охраны природы), поскольку оно мотивировано не только желанием защитить места выдающей-

ся естественной красоты, но и сельскую местность, воспринимаемую как средоточие «национального» ландшафта.

Культурный ландшафт в российской науке и действительности. Прошедшие после миллениума (совпавшего с подписанием Европейской ландшафтной конвенции в 2000 г.) годы, казалось бы, не ознаменовались заметными событиями в науке о ландшафтах в ее российском инварианте. Призрак «природного ландшафта», существование которого до сих пор не получило достаточных доказательств с использованием новых методов и так называемых «больших данных», в российской (постсоветской) географической традиции продолжает довлеть над «культурным ландшафтом», получившим «прописку» только в узко специализированных исследованиях на территориях выдающейся историко-культурной ценности (национальных парках, музеях-заповедниках). И эта коллизия не могла не сказаться на судьбе парадигмы так называемого ландшафтного планирования на всем постсоветском пространстве. Страна все еще не подписала упомянутую Ландшафтную Конвенцию, в российских школьных учебниках все также отсутствует понятие «ландшафт», как отсутствует оно и в рубриках документов территориального планирования.

Между тем остальная «реальность», разумеется, не стоит на месте – жизнь «идет своим чередом»: на арену экономической деятельности вышло новое поколение россиян, практически не обремененных «ландшафтным зрением», а сам ландшафт – как это всегда бывает в эпоху перемен – оказался заложником новой действительности: с одной стороны возникли и получили развитие новые формы освоения территории, с другой – огромные пространства подверглись запустению, оказавшись во власти так называемой «экореконструкции». Явления эти не уникальны и отнюдь не являются принадлежностью только российской действительности: каждая вновь наступавшая историческая эпоха в любой стране разрушала (или, во всяком случае, деформировала) привычный культурный ландшафт, меняла фокусы пространственной активности, переписывала систему расселения и создавала по выражению В.П. Семенова-Тян-Шанского ареалы «одичания» [19].

В рамках цивилизации потребления и сама сельская местность с традиционными ландшафтами становятся аренной, на которой сталкиваются интересы девелоперов и застройщиков, сторонников интенсификации товарного сельского хозяйства и дачников, активных рекреантов и охотников, туристов, любителей природы. Размещение ветряных ферм и новая застройка, ритэйлинг и индустриальное развитие, устройство длинных туристских трасс и парков активного отдыха – все эти виды деятельности привели к коммодизации ландшафта. Новая экономическая реальность повсеместно – где быстрее, где медленнее, где явно, где исподволь разрушает привычный ландшафт, уничтожая прежнюю

систему сельского расселения, устанавливая иной пространственный масштаб сельскохозяйственного производства, стирая древние межевые элементы и в итоге – меняя всю мозаику, весь рисунок освоения.

На Русском Севере и в обширных областях Нечерноземья происходит массовое запустение и забрасывание земель: зарастают лесом поля, исчезают сенокосные долинные луга, закочкариваются и забиваются кустарником пастбища – культурный ландшафт деформируется и постепенно растворяется в окружающем пространстве так называемой экореабилитации. В южных Черноземных областях России сельское хозяйство сохраняет товарный характер, но и здесь меняется масштаб и рисунок освоения: производство укрупняется и стягивается к крупным агрохолдингам, сравнительно небольшие поля, когда-то нарезанные между ответвлениями овражно-балочной сети, сменяются крупными контурами распашки «от бровки до бровки», что сопровождается уничтожением межевых элементов, ремезов и лесополос. Это приводит к соответственному запустению мелких хуторов с небольшими деревеньками. Уже сегодня операторы, снимающие фильмы о «русской глубинке», испытывают ощутимые сложности с поиском «натуры», возможно через 10–15 лет ее нельзя будет найти и вовсе, и тогда фильмы о России придется снимать в Финляндии.

Отнюдь не в первый раз трансформация ландшафтов вызывает оживление ностальгических мотивов, в данном случае модернистских, которые уже возникали после первой мировой войны, будучи вызванными происходившей повсеместно в Европе коммодизацией сельской местности и утратой национального ландшафта. Так представлялось современникам, вспомним хотя бы Сергея Есенина с его «стальными конями» паровозов и причитаниями пионера Пети – «стал им нужен трактор». Эстетические, этические и моральные коннотации, ассоциировавшиеся с восприятием признаков культурного ландшафта предшествующих эпох (вполне утилитарных – в свое время!) в головах нынешнего поколения теоретиков оформились в виде сложного комплекса «топофилии» и актуальной нынче «идентичности». К последней причисляют предоставляемую культурным ландшафтом возможность ощутить историчность, «связь с предками», а также целый набор внутренних устремлений, определяемых через такие термины как «эскапизм», «воодушевление», «обретенный покой» [2].

Однако, не должны ли современники, возлагающие столь большие надежды на ландшафт, чуть повнимательнее в него всмотреться? Откуда «взялся» тот самый ландшафт, который поддерживает весь необходимый комплекс условий нашего существования? Какие его свойства продиктованы природной обстановкой, а какие – следствие социальных обстоятельств и культурных влияний? Каким образом ландшафт влиял на культуру, а культура в свою очередь изменяла ланд-

шафт? Почему целые страны стремились сначала заимствовать образы идеального ландшафта, чтобы воспроизводить их на своей «почве», а впоследствии и экспортировать на «вновь открытые миры»? Можно ли строить экологическую политику, во всем руководствуясь растиражированным высказыванием Барри Коммонера «природа знает лучше»? Почему сохранение культурного ландшафта России сегодня не менее важная задача чем «экологическая реабилитация» территории? Можно ли сохранить исторический традиционный ландшафт в условиях меняющейся экономики и запущенного маховика гигантского земельного передела? Реально ли ставить задачу восстановления (реставрации) уже утрачиваемых ценных ландшафтов? Все эти вопросы ждут своего разрешения.

Августин Берк, возможно, не вполне серьезным образом, но весьма содержательно охарактеризовал признаки «ландшафтообразующей цивилизации», и похоже, что Россия им вполне соответствует: присутствие в народном просторечии слов, выражающих идею ландшафта («местность», «урочище»), развитая литература со значимыми описаниями природы и пейзажей (тут перечень настолько велик, что нет смысла перечислять – от Пушкина и Лермонтова до Бродского и Евтушенко в поэзии, от Тургенева и Бунина до Белова и Астафьева в прозе, выдающийся пейзажный жанр в живописи (Васильев, Левитан, Шишкин, Саврасов...), наконец – наличие практического удовольствия в садоводстве (без комментариев). Хотелось бы надеяться, что внутри этой цивилизации мы обречем, наконец, сначала понимание, а потом – и чувство ответственности за окружающий нас ландшафт.

Литература

1. *Mitchell W.J.T.* Landscape and Power. University of Chicago Press; 2nd edition 2002. 383 p.
2. *Колбовский Е.Ю.* Ландшафт и национальный пейзаж: опыт культурологического исследования // Ярославский педагогический вестник. 1999. № 3–4. С. 53–62.
3. *Bender B.* Time and Landscape // *Current Anthropology*. Vol. 43. No. S4. Special Issue Repertoires of Timekeeping in Anthropology (August/October 2002), pp. 103–112.
4. *Meinig D.W.* The Beholding Eye: Ten Versions of the Same Scene. The Interpretation of Ordinary Landscapes: Geographical Essays, edited by D.W. Meinig and John Brinckerhoff Jackson. New York: Oxford University Press, 1979, pp. 3–19.
5. *Benediktsson K.* “Scenophobia”, geography and the aesthetic politics of landscape // *Geografiska Annaler: Series B, Human Geography*. Volume 89. Issue 3. September 2007. Pp. 203–217.
6. *All Possible Worlds: A History of Geographical Ideas*. Preston Everett James, Geoffrey J. Martin. John Wiley & Sons, 1981. Science. 508 p.
7. *Sauer K.O.* The Morphology of Landscape. University of California Press, 1925. 53 p.
8. *Рагулина М.В.* Географические исследования культуры: синтез подходов / Теория и практика общественного развития. 2013. С. 374–375.
9. *Appleton J.* The Experience of Landscape. London: John Wiley. 1975. 311 p.

10. Tuan Y.-F. *Landscapes of Fear*. Minneapolis: University of Minneapolis Press. 1979. 262 p.
11. Hoskins W.G. *Making of the English Landscape*. Bristol, SOM, United Kingdom: Book Club Associates, 1955. 232 p.
12. Aston M. *Interpreting the Landscape: Landscape Archaeology and Local History*. London. Routledge Pages. 1985. 168 p.
13. Crawford O.G.S. *Archaeology in the Field* London: Phoenix House. 1953. 272 p.
14. Cosgrove D.E. *Social Formation and Symbolic Landscape*. Croom Helm, London. 1984. 212 p.
15. Cosgrove D.E. Prospect, Perspective and the Evolution of the Landscape Idea. *Transactions of the Institute of British Geographers*. 10 (1):45 1. 1985, pp. 45–62.
16. Denis Cosgrove and Stephen Daniels. *The Iconography of Landscape: Essays on the Symbolic Representation, Design and Use of Past Environments*. Progress in Human Geography Cambridge: Cambridge University Press, 2011, pp. 264–270.
17. Whyte Ian D. *Landscape and History since 1500*. Reaktion Books, 2003. 256 p.
18. Matless D. *Landscape and Englishness*. London, Reaktion Books. 1998. 368 p.
19. Семенов-Тянь-Шанский В.П. *Город и деревня в Европейской России*. СПб., 1910.

**CULTURAL LANDSCAPE:
THE SENSE IS NOT LOST DESPITE VARIETY OF MEANINGS**

E. Kolbovsky
kolbovsky@mail.ru

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

Abstract. *The term "cultural landscape" carries many meanings that, on the one hand, have defined research approaches variety, on the other – have led to some "blurring of meanings", that resulted in developing wide range of concepts: archaeological and historical, geographical and social, aesthetic and philosophical. Nevertheless, the two most significant "halves" of this "geographical nut" – social and natural – constantly "interacting" with each other, continue to generate meanings that remain important for any historical epoch, and our era is not an exception. One may argue, that any epoch of "modernism" rewrites the landscape physically (for the reasons of socio-economic structure), but at the same time – launches complex processes of reflection, the results are usually manifested in a whole set of moods, individual experiences and social initiatives, that constitute essential part of the classic and present day environmental movement. According to the author's opinion, this is the most important cultural landscape theory function, as well as practices, concerning its reproduction.*

Keywords: *cultural landscape, human geography, perception of landscape, environmentalism.*

For citation: Kolbovsky E. Cultural landscape: the sense is not lost despite variety of meanings. *Heritage and Modern Times*. 2018;1(4):8-22.

References

1. Mitchell W.J.T. *Landscape and Power*. University of Chicago Press; 2nd edition 2002. 383 p.
2. Kolbovskij E.Yu. Landshaft i nacional`ny`j pejzazh: opy`t kul`turologicheskogo isledovaniya // Yaroslavskij pedagogicheskij vestnik. 1999. № 3–4, s. 53–62.
3. Bender B. Time and Landscape // *Current Anthropology* Vol. 43, No. S4, Special Issue Repertoires of Timekeeping in Anthropology (August/October 2002), pp. 103–112.
4. Meinig D.W. *The Beholding Eye: Ten Versions of the Same Scene. The Interpretation of Ordinary Landscapes: Geographical Essays*, edited by D.W. Meinig and John Brinckerhoff Jackson. New York: Oxford University Press, 1979, pp. 3–19.

5. *Benediktsson K.* “Scenophobia”, geography and the aesthetic politics of landscape // *Geografiska Annaler: Series B, Human Geography*. Volume 89, Issue 3, September 2007, pp. 203–217.
6. *All Possible Worlds: A History of Geographical Ideas*. Preston Everett James, Geoffrey J. Martin. John Wiley & Sons, 1981. Science. 508 p.
7. *Sauer K.O.* *The Morphology of Landscape*. University of California Press, 1925. 53 p.
8. *Ragulina M.V.* *Geograficheskie issledovaniya kul`tury` : sintez podxodov // Teoriya i praktika obshhestvennogo razvitiya*. 2013. P. 374–375.
9. *Appleton J.* *The Experience of Landscape*. London: John Wiley. 1975. 311 p.
10. *Tuan Y.-F.* *Landscapes of Fear*. Minneapolis: University of Minneapolis Press. 1979. 262 p.
11. *Hoskins W.G.* *Making of the English Landscape*. Bristol, SOM, United Kingdom: Book Club Associates, 1955. 232 p.
12. *Aston M.* *Interpreting the Landscape: Landscape Archaeology and Local History*. London. Routledge Pages. 1985. 168 p.
13. *Crawford O.G.S.* *Archaeology in the Field* London: Phoenix House. 1953. 272 p.
14. *Cosgrove D.E.* *Social Formation and Symbolic Landscape*. Croom Helm, London. 1984. 212 p.
15. *Cosgrove D.E.* *Prospect, Perspective and the Evolution of the Landscape Idea*. *Transactions of the Institute of British Geographers* 10(1):45 1. 1985, pp. 45–62.
16. *Denis Cosgrove* and *Stephen Daniels*. *The Iconography of Landscape: Essays on the Symbolic Representation, Design and Use of Past Environments*. *Progress in Human Geography* Cambridge: Cambridge University Press, 2011, pp. 264–270.
17. *Whyte Ian D.* *Landscape and History since 1500*. Reaktion Books, 2003. 256 p.
18. *Matless D.* *Landscape and Englishness*. London, Reaktion Books. 1998. 368 p.
19. *Semenov-Tyan-Shanskij V.P.* *Gorod i derevnya v Evropejskoj Rossii*. SPb., 1910.

Сведения об авторе

Колбовский Евгений Юлисович, д.г.н., проф., ведущий научный сотрудник географического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова, г. Москва, Россия.
E-mail: kolbowski@mail.ru

Author of the publication

Evgeny Kolbovskij, Doctor of Geography, Professor, Leading Researcher of the Geographical Department of Lomonosov Moscow State University. Moscow, Russia.
E-mail: kolbowski@mail.ru

Дата поступления 15.11.2018

АРХИТЕКТУРА И ЦЕННОСТИ: ЛАНДШАФТ – КУЛЬТУРНАЯ СРЕДА

Т. Крестев

tkrestev@gmail.com

ИКОМОС, г. София, Болгария

Аннотация. В настоящей статье показано, как индивидуальный профессиональный путь специалиста по сохранению культурного наследия переплетается с исторической эволюцией идей в этой области; как профессиональные пути разных специалистов пересекаются и взаимно дополняют друг друга. И как персональный выбор пути, который предстоит осуществить специалисту, может отразиться на будущем самого культурного наследия.

Ключевые слова: помнящая архитектура, наследие, ценности унаследованной среды, исторический ландшафт, культурная среда, интегрированная консервация, территориальный подход, культурная память, культурный контекст.

Для цитирования: Крестев Т. Архитектура и ценности: ландшафт – культурная среда. *Наследие и современность = Heritage and Modern Times*. 2018;1(4):23-43.

Введение

Я работаю архитектором уже более 55 лет. Мой профессиональный путь начался с архитектурного проектирования, и тогда же возник интерес к следам прошлого в унаследованной среде, и начали формироваться мои исследовательские подходы. С годами я понял, что этот интерес разделяют специалисты в самых разных областях: историки, географы, археологи, искусствоведы, культурологи, этнологи и др. Каждый из них занимает разную исходную позицию, однако все они встречаются на одной общей площадке – нас интересуют *ценности*¹ унаследованной среды. В результате пересечения этих разных профессиональных траекторий представления о ценностях среды в последние десятилетия радикально изменяются и расширяются. Каждая специальность способствует тому, воздействуя на остальные.

В 1999 году я впервые встретился с Юрием Александровичем Ведениным в Варшаве на заседании рабочей группы Совета Европы по теме «Идентичность и разнообразие». Тогда он мне подарил свои «Очерки по географии искусства» (1997). Для меня было исключительно интересно узнать, как он на основании географических методов и подходов вы-

¹ Здесь и далее «ценность» понимается в широком аксиологическом смысле, а не только в узком юридическом её значении в некоторых государствах (например, в болгарском *Законе о культурном наследии, 2009*, где «культурная ценность» представляет собой статус юридической защиты объекта культурного наследия).

являет в пейзаже/ландшафте² территориальные взаимодействия *культуры* и *пространства* – эта исследовательская область в то время меня особенно интересовала. Понял, что с ним продвигаемся разными путями, но, полагаю, к одной общей цели. На протяжении многих лет наблюдал, как более поздние исследования Ю.А. Веденина, М.А. Кулешовой, а также их единомышленников успешно развивают ландшафтный подход к наследию, способствуя обновлению доктрин *консервации*³.

Несколько ранее я познакомился и с другими профессиональными ракурсами, с иными исследовательскими практиками, ведущими к той же цели. Например, в период 1984–1993 гг. была опубликована фундаментальная французская серия «Места памяти» [1] под редакцией Пьера Нора, в которой была предложена другая оптика во взгляде на культурное наследие в связи с коллективной памятью.

Жаль, что не всегда и не каждое из этих направлений имели склонность к взаимодействию с остальными, иногда они зорко охраняют свою профессиональную площадку. В этом смысле нынешний номер издания «Наследие и современность» будет весьма полезным для такого взаимного обогащения и взаимопроникновения разных точек зрения на наследие и его сохранение.

Этапы исследовательского пути

На примере моего собственного профессионального пути архитектора-консерватора, охваченного идеей о сохранении ценностей среды, я подведу некоторые итоги. Начну с самого начала.

Годы 1960-е. После получения высшего архитектурного образования в 1962 году, я поступил на работу в районную проектную организацию в моем родном городе Бургасе. Чем именно я хотел бы заниматься, открылось благодаря случайному событию. Зимой 1963 года мостик на пляже в Бургасе обледенел и обломился, мне поручили разработку проекта нового мостика.

Вначале я не имел представления, на что опереться в своём проекте. Мостик на пляже, который заходил в море, был традиционным местом для Бургаса. Первый, деревянный мостик здесь был построен в 1925 году, а в 1933 году его заменил второй из железобетона. Сейчас Город настаивал на строительстве третьего в том же месте. Я задавал себе вопрос: почему мостик представляет собой *ценность* для Бургаса? Постепенно понял, что вопрос затрагивает *город в целом*. Мостик был продолжением извечной городской традиции – «движения» (прогулки)

² Употребляю оба равнозначных понятия – «пейзаж» и «ландшафт», хотя лично я, как франкофон, предпочитаю скорее понятие «пейзаж». В знак уважения к обозначенной тематике данного номера журнала далее буду использовать понятие *ландшафт*.

³ Использую понятие *консервация* в его широком международном смысле как деятельность, направленную на сохранение культурного наследия.

из сердца города к Морскому саду, по направлению к морю и горизонту. Через мостик Город *раскрывается* к широкому миру. Именно в этом заключается его *ценность* – в устремлении в бесконечность, в ощущении вольности. Следовательно, ничто не должно мешать такому раскрытию. Мостик должен быть открытым: без архитектурных акцентов, без закрытых пространств, без пергол, козырьков и пр., без других отвлекающих функций (питание, торговля). Там человек должен найти место для своего интимного диалога с природой: морем и небом, восходом и закатом. Вот почему архитектуре здесь не следует вступать в конкуренцию, она должна быть предельно дискретной, лаконичной, нейтральной. Представлял себе ленту, устремленную к горизонту, легкую и скользящую над волнами как лунная дорожка – с невидимой под нею конструкцией и скрытым освещением. Короткая поперечная лента в конце мостика (параллельная горизонту!), в направлении пути перелетных птиц – Виа Понтика, уводит вниз к морской поверхности – на более низкую платформу-пристань с одного конца, а с другого – вверх к небу, на более высокий уровень с широким видом на залив (рис. 1).

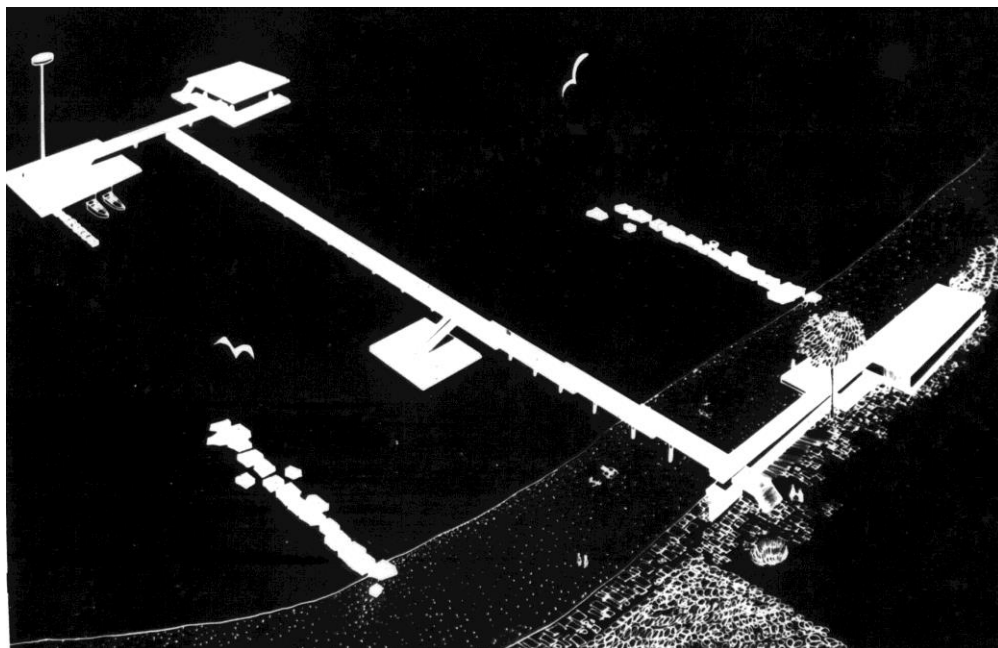

Рис. 1. Мостик на пляже в г. Бургас (Т. Крестев). Развитие идеи. 1964 г.

Мостик был построен в 1975 году (рис. 2). В 2008 году жители признали его «Символом Бургаса». Сегодня я бы определил этот проект как попытку проникнуть в бургасские *ценности* – в *дух места* и его *контекст*, однако в те времена таких понятий в архитектуре не употребляли. Я был тогда в начале Пути, однако понимал, что желаю заниматься именно этим делом: такой диалог с ценностями среды был для меня интереснее любого другого.

Рис. 2. Мостик на пляже в г. Бургас (Т. Крестев). Состояние на 2017 г.

Годы 1970-е. В начале 1970-х я попал в Институт по территориальному устройству, в Софии, где передо мною раскрылось новое, незнакомое архитектурное поле деятельности – высокие уровни архитектуры. Я приобрёл совершенно новую точку зрения на профессию – *территориальный подход к среде*.

На основании этого подхода в период 1977–1979 гг. нашим коллективом были разработаны два экспериментальных проекта, относящихся к культурному наследию двух богатых и исторически многослойных территорий: одна из них находилась южнее Пловдива, в подножье Родопских гор – «Эксперимент Първенец-Храбрино»⁴, другая – в юго-западной части Болгарии – «Эксперимент Благоевград»⁵.

В те времена представление о культурном наследии не выходило за пределы традиционного представления о памятнике. Территориальный подход в этой области был немыслим. Перед нашим не обремененным взором возникла поразительная картина того, сколь скудная часть унаследованного богатства на этих территориях была выявлена и защищена как ценность. Проекты систем расселения, разработанные в те времена, нисколько не отражали этого богатства.

Возьмём, например, место сражения у горы Беласица: в 1014 году здесь состоялась битва между войсками болгарского царя Самуила

⁴ Эксперимент «Първенец-Храбрино», 1977. Авторы: Т. Крестев – руководитель, Н. Карадимов, М. Марангозова, В. Иванов, Р. Минков, Ив. Колев, Ив. Попов, А. Топалова.

⁵ Эксперимент «Благоевград», 1979. Авторы: Т. Крестев – руководитель, Р. Минков, А. Александров, Л. Миланов, М. Марангозова.

и византийского императора Василия Второго, исход которой был для болгар драматичным – они были разбиты, а пленных воинов ослепили – на 100 слепых оставили только одного с единственным глазом... Этот пейзаж находится как будто вне времени, между горами Беласица и Огражден, пересекаемый глубокой долиной с протекающей там рекой Струмешница, с вековыми платанами. Единственным выявленным и защищенным свидетельством его драматической истории были остатки башни прежнего земляного укрепления, названного «Крепостью Самуила» (единственный защищенный объект со статусом «памятник культуры»).

Мы беседовали со многими местными жителями, преимущественно пожилыми людьми. Оказалось, что веками местное население хранит в своей памяти точный «сценарий» этой битвы, отраженный также в микропонимии местностей (*Чукалък, Кокалица, Хлипаница, Смърдещница, Очевад, Къоравата пътека, Почивалото*)... – свидетельство сражений, крови и смерти. Легенды и предания связывались с местными традициями. На скале в местности Очевад, обозначенной в местной памяти как место ослепления болгарских воинов, каждый год зажигали свечи, невзирая на запрет местного партийного руководства. Археологи рассказали нам о находках системы укреплений, следах античного и средневекового поселения и т.д. Возникли очертания огромного видимого и невидимого культурного богатства. Нет сомнений, что все это богатство территории нельзя свести только к единственному защищенному памятнику культуры.

Основываясь на опыте работ макротерриториального уровня, мы попытались представить территориальную макроструктуру системы ценностей, интегрированную в среду (точки, зоны) и связи между ними, разными историческими темами и пластами (рис. 3 и 4). Выявились сложные нематериальные, названные нами «духовными», свидетельства разных времен (понятие «нематериальное наследие» тогда еще не имело применения). Очевидными оказались материальные ценности, а вглубь ушли скрытые, закодированные духовные ценности. Исторические пути и дороги, связующие все эти ценности, были также отнесены к культурному наследию (тема «культурные маршруты» еще не была сформулирована). Интуитивно мы чувствовали, что понятие «культурное наследие» имеет гораздо более широкое применение. Ценной была *среда в целом*, а не только ее избранные точки и фрагменты. Ценными были также невидимые связи и взаимоотношения в среде – иногда неожиданные и необъяснимые. Например, во время работы над другим проектом «Първенец-Храбрино», в центре села Беласица, близ Пловдива, увидели на вековом платане, воспетом болгарскими поэтами, надпись: «*Посажен воинами царя Самуила*»... Почему люди связывают его с платанами

на поле битвы у горы Беласица в другом конце Болгарии? Как вообще эти ценности и связи можно выявить, интерпретировать и защитить посредством архитектурной организации? Убеждён, что это бесконечно интересное поле для профессиональной работы.

Рис. 3. Эксперимент «Първенец-Храбрино» (авторский коллектив, руководитель Т. Крестев). Структура исторических путей и дорог. Фрагмент схемы. 1977 г.

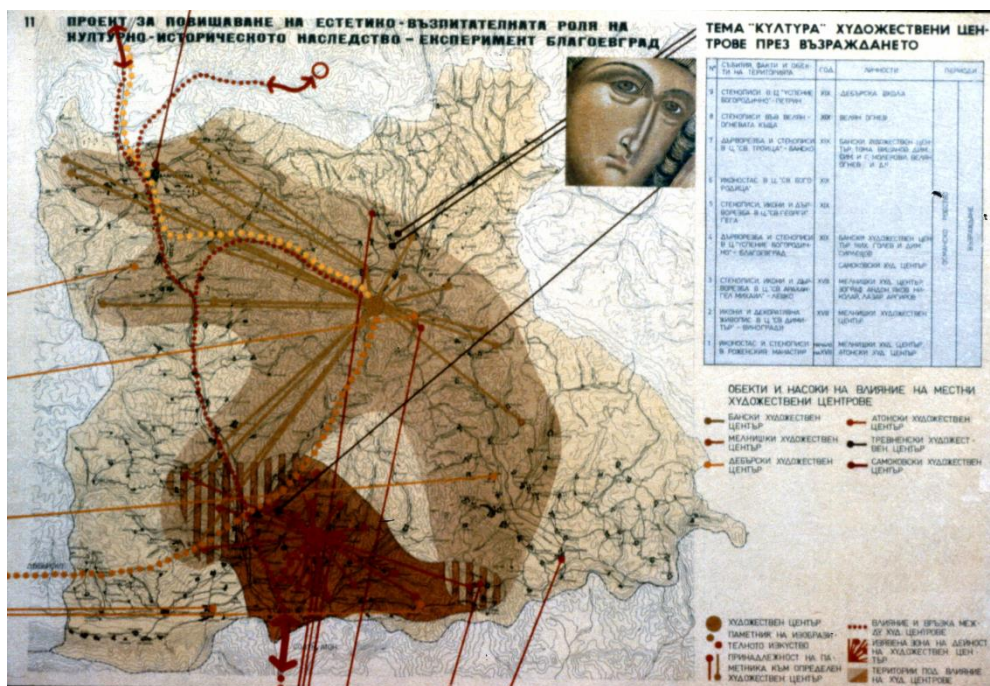

Рис. 4. Эксперимент «Благоевград» (авторский коллектив, руководитель Т. Крестев). 1979. Территориальная структура художественных центров в период Болгарского национального Возрождения (XVIII–XIX вв.)

Годы 1980-е. В начале 1980-х я принял приглашение возглавить в качестве директора (1982–1991 гг.) Национальный институт памятников культуры (НИПК). Очутился непосредственно в мире Сохранения, в «кипящем котле» реальной практики по сохранению, в среде исключительных профессионалов, воспитанных в духе европейской консервации. Восхищался ими – они сражались за спасение ценностей на многих фронтах. Первый директор Института – проф. Пею Бербенлиев, создал школу борцов за сохранение наследия.

Здесь мне пришлось изучить действующую систему охраны наследия и разобраться в её несовершенствах. Например, шокирующим было расхождение между правовым положением ценностей, защищенных статусом памятника культуры, с одной стороны, и глобально незащищенным культурным богатством территорий, с другой. Реальная практика показывала, что даже если памятники на данной территории будут корректно сохранены, ценность всей территории может быть уничтожена.

Размышляя над этим обстоятельством, в 1985 году я предпринял попытку систематизации ценных свидетельств прошлого в среде: *материальные и нематериальные; элементы и взаимоотношения; взаимоотношения в пространстве и взаимоотношения во времени.* Назвал эту систему свидетельств «Памятью среды». Она создает

определенный *Контекст во времени* [2] – в совокупности всех исторических пластов. Этот контекст определяет смысл и значение любой ценности в среде. Следовательно, новой архитектуре следовало бы его учитывать.

Практика, однако, находилась в остром противоречии с такой логикой. В Институте для нас было ясно, что существует разрыв между *сохранением* и *архитектурной практикой* – между прочим, разрыв исторический, начавшийся уже с первых проявлений модернизма. В Институт поступали для согласования градостроительные планы без какой-либо урбанистической стратегии сохранения ценностей, их вписывания в современную среду. Прерывалась связь между новой архитектурой и ценностями среды. Так пришло понимание, что даже наилучшая система сохранения может рухнуть из-за архитектуры, не учитывающей особенности среды. Наоборот, архитектура, в согласии с контекстом, могла бы в известной степени компенсировать недостатки системы сохранения. Какой тогда должна быть связь между *памятью среды* и *архитектурным творчеством*? Попытка дать ответ на этот вопрос содержится в моей диссертационной работе «Память жизненной среды и архитектурное творчество» (1989), она стала продолжением моей книги 1979 года «Архитектурное творчество» [3]. По этой теме продолжаю работать и поныне.

Годы 1990-е и начало XXI века. Для меня, свидетеля первого телевизора в Болгарии (разумеется, советского), это был период фантастических изменений. Мир изменяется под давлением новых реалий: глобализация и мультикультурность, информационно-сетевое общество с невероятным бумом коммуникаций, промышленные революции – третья действующая и наступающая четвертая – глобальная связанность через интернет, ожидаемые новые фундаментальные изменения, например, в демографии, в связи с волнами миграции. Все это требует переосмысления многих стереотипов.

Параллельно с этими изменениями и в связи с ними менялось также представление о ценностях унаследованной среды в рамках масштабного международного дискурса в области сохранения наследия. Я имел возможность непосредственно участвовать в формировании этих представлений в экспертных кругах ИКОМОС (совместно с такими моими российскими друзьями, как Наталия Душкина, Олег Швидковский и др.) и Совета Европы – именно там я познакомился с Юрием Ведениным.

Прежде всего, развивалась традиционная точка зрения на консервацию, основанная на принципах современной консервации, определенных Венецианской хартией ИКОМОС [4]. Получили признание новые виды культурных ценностей, которые значительно

расширили территориальный охват наследия: *культурные маршруты* (на местном, национальном и, даже, континентальном уровне) [5]; *культурные ландшафты* – обширные территории «*сотворчества человека и природы*», иллюстрирующие эволюцию человеческого общества и его поселений во времени [6]. Вашингтонская хартия [7] заострила внимание на интегральных структурных ценностях исторического города. Убежден, что такая эволюция является результатом проникновения географических подходов, подразумевающих интеграцию ценностей среды в контексте *ландшафта*⁶. В этом духе Рекомендации ЮНЕСКО от 2011 [8] способствовали созданию непосредственной связи с географической концепцией ландшафта, продвигая понятие *городской исторический ландшафт*, понимаемый как интегральная ценность, требующая интегрированного подхода к его сохранению. Именно в развитии этой логики следует также оценивать вклад российской школы, применяющей ландшафтный подход к рассмотрению наследия в качестве сложного территориального комплекса, носителя совокупности ценностей.

Такая новая позиция способствовала последующим изменениям. Так, заговорили о роли *контекста* и *духа места* [9]. Признали значение *нематериального наследия*, формирующего интегральные *культурные пространства* [10]. Изменились также представления об *аутентичности* [11], в мире, отличающемся исключительным культурным многообразием. Оценили новые *функции наследия* [12; 13] в современной жизни, такие, как ресурс, устойчивое развитие, качество жизни и межкультурный диалог. Осознали, что *право на культурное наследие* [12; 14] является неотъемлемой частью прав человека. Следовательно, наследие данного сообщества может оказаться неприемлемым для другого. Очевидно, необходимы были новые инструменты гармонизации интересов в отношении наследия. При наличии этих новых представлений, признание связи между сохранением и градостроительной деятельностью уже довлело в качестве абсолютного императива. Именно таким был смысл идеи об *интегрированной консервации* [15–17]. С этой целью началось применение таких новых инструментов, как Планы консервации, Планы управления и т.д.

Архитектура может отразить эти новые представления о наследии, причём в новом информационном мире, с новыми возможностями распространения знаний [18] – через коммуникации наследия.

⁶ Эта логика получила развитие в нескольких важных международных документах, как: *Recommendation concerning the Safeguarding of Beauty and Character of Landscapes and Sites*. UNESCO. 1962; *European Landscape Convention*. Council of Europe. Florence, 2000; *Florence Declaration on Landscape*, UNESCO. Florence, 2012; *The Florence Declaration on Heritage and Landscape as Human Values*. ICOMOS. Florence, 2014.

Проектная практика

Упомянутая эволюция была для меня в целом истинным откровением. С одной стороны, находились подтверждения некоторым моим прежним предположениям. С другой, раскрывались новые, неисследованные пути. Необходимо было экспериментировать и проверить накопившиеся идеи в реальной архитектурной практике. И они были воплощены на различных территориальных уровнях проектирования, пространственно связанных между собой. Вот некоторые проекты того времени:

На самом высоком *макротерриториальном* уровне меня особенно привлекала (уже с начала экспериментов в 1970-е) идея о *макроструктуре* наследия и роли *культурных путей* в ней, как глобальной культурной инфраструктуры. Понятие *культурный маршрут* уже получило свою легитимность. В 1999 году наш коллектив в ИКОМОС/Болгария разработал и предложил модель Национальных культурных маршрутов⁷. Впервые была составлена база данных о культурном наследии в формате ГИС. В 2000 году (в период войны в Югославии!) была сформирована сеть экспертов из всех стран Юго-Восточной Европы, с которыми были созданы первые карты *Культурных маршрутов региона*⁸ (рис. 5).

Эта работа получила неожиданное развитие после ее перехода из научно-профессионального дискурса в политический. На Региональном политическом форуме «Культурные коридоры Юго-Восточной Европы» (Варна, 2005) с участием глав государств региона и руководителей ЮНЕСКО, Совета Европы и ИКОМОС, была принята Декларация Варна-2005, о будущем устойчивом развитии региона объединенными политическими усилиями, которая основывалась именно на проекте 2000 года. Наш коллектив продолжил эту тему применительно к новой области – был создан веб-сайт «Открой клад», адресованный детям Юго-Восточной Европы, дабы пробудить их интерес к культурным ценностям региона.

⁷ *Национальная сеть культурных маршрутов*, 1999. Авторы: Т. Крестев – руководитель, Р. Ангелова, М. Ваклинова, Хр. Ганчев, А. Константинова, Ив. Великов, Д. Калоянов. ИКОМОС/Болгария, с финансовой поддержкой Британского Совета в Болгарии. Большой приз Европейской Комиссии в Болгарии, 2002.

⁸ *Cultural Itineraries in South-Eastern Europe, 2000*. Транснациональный проект сети экспертов из всех стран региона. Коллектив ИКОМОС/ Болгария: Т. Крестев – руководитель проекта, М. Ваклинова, Р. Ангелова, Хр. Ганчев, А. Константинова, Д. Калоянов, Ив. Великов. ПРИХЕР Фонда имени короля Бодуэна, Бельгия, 2000.

Рис. 5. Культурные маршруты Юго-Восточной Европы (транснациональный проект, руководитель Т. Крестев). 2000 г.

На уровне *городского исторического ландшафта* были применены разные урбанистические стратегии выявления и интерпретации памяти городской среды и ее культурного контекста. Отметим лишь две из них, разработанные для многопластовых исторических городов Пловдив и Старинный город Несебр (Всемирное наследие). В стратегии для Пловдива территория города трактовалась именно как интегральный городской исторический ландшафт, включающий систему ценностей, в ряду которых особенной значимостью выделялись Запа-

ведник «Старинный Пловдив» и археологический комплекс времен античной эпохи и средневековья. Для Заповедника была предложена *Стратегия сохранения и устойчивого развития*⁹ с конкретными реализуемыми показателями на первом этапе. Для сохранения и выявления городской археологии была предложена *Стратегия организации Подземного музея Филиппополь*, она была подготовлена в рамках Генерального плана Пловдива¹⁰ (рис. 6).

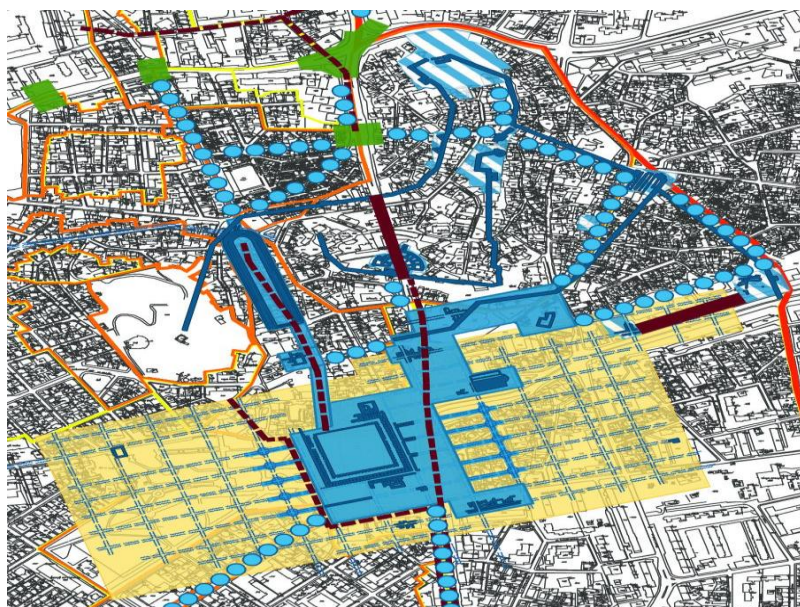

Рис. 6. Территориальная стратегия «Подземный музей Филиппополя» в Генеральном плане г. Пловдив, часть Культурное наследие (коллектив, руководитель Т. Крестев). Предложение о единой пространственной структуре, включающей археологические следы античного Филиппополя. Ситиплан. 2007 г.

В наши дни городские археологические следы сильно фрагментированы, вот почему они непонятны и неинтересны для публики. Была предложена единая пространственная система их презентации, которая проникает в городскую память и формирует общий пространственно-временной контекст, чтобы были явлены обществу смысл и значение каждого фрагмента в комбинации с городскими функциями. К Старинному городу Несебр впервые в Болгарии применили новые инструменты интегрированной консервации: План сохранения и управления совместно с Планом действий на период до 2032 года направлены на исследование характеристик городского исторического ландшафта и определение стратегических мер по его сохранению и развитию (рис. 7).

⁹ Концепция сохранения и устойчивого развития архитектурно-исторического заповедника «Старинный Пловдив». Авторы: Т. Крестев – руководитель, Д. Костов, В. Коларова, Хр. Станева, 2002.

¹⁰ Генеральный план Пловдива со стратегией Подземный музей Филиппополя, 2007. Авторы: Т. Крестев – руководитель, Д. Костов, Д. Георгиева, Сити план.

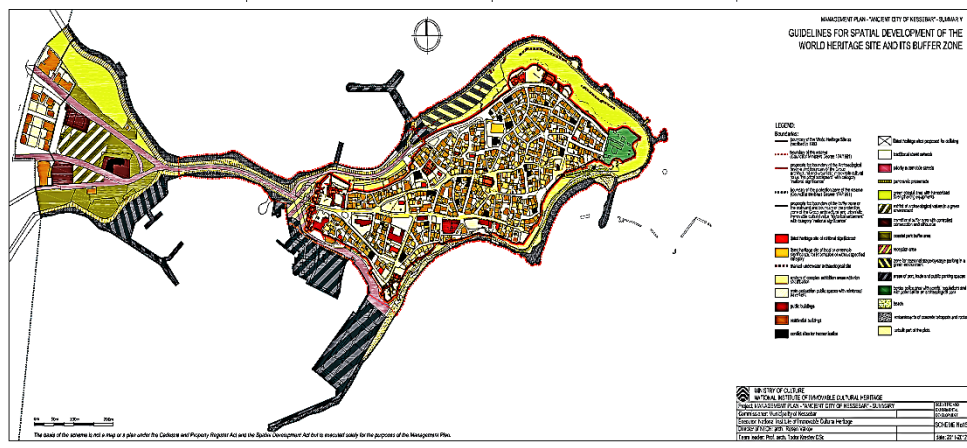

Рис. 7. План сохранения и управления «Старинный город Несебр», Всемирное наследие. НИПК (коллектив, руководитель Т. Крестев). 2012 г.

На *местном уровне* осуществлялась поэтапная реализация урбанистических стратегий в отношении Пловдива в Заповеднике «Старинный Пловдив» – это международный проект консервации и реставрации памятников, разработанный ИКОМОС/Болгария и ИКОМОС/Япония 2003–2008¹¹ (рис. 8).

Рис. 8. Международный проект сохранения памятников культуры в заповеднике «Старинный Пловдив», ансамбль «Дома Баятова-Бакалова». ИКОМОС/Болгария и ИКОМОС/Япония, 2003–2008 гг.

¹¹ Conservation of Monuments in the Ancient Plovdiv Reserve, Bulgaria. T. Krestev, A. Ishii, Hr. Staneva. UNESCO/Japan Trust Fund. Sofia-Tokio, 2008.

Проект сохранения и реабилитации Античного стадиона Филиппополя¹² в Историческом центре Пловдива (рис. 9) стал этапом реализации Стратегии организации Подземного музея Филиппополя. Проектом предусмотрено полное сохранение аутентичных ценностей; он содержит археологически достоверную модель культурного контекста города (используется 3D моделирование); в нём предложена интерпретация пропавших контекстуальных связей посредством архитектурной режиссуры. Такая режиссура включает пейзажное моделирование, городской дизайн, мультимедиа, информационную систему и другие формы обеспечения доступности и жизненности культурных ценностей в их сочетании с привлекательными городскими функциями.

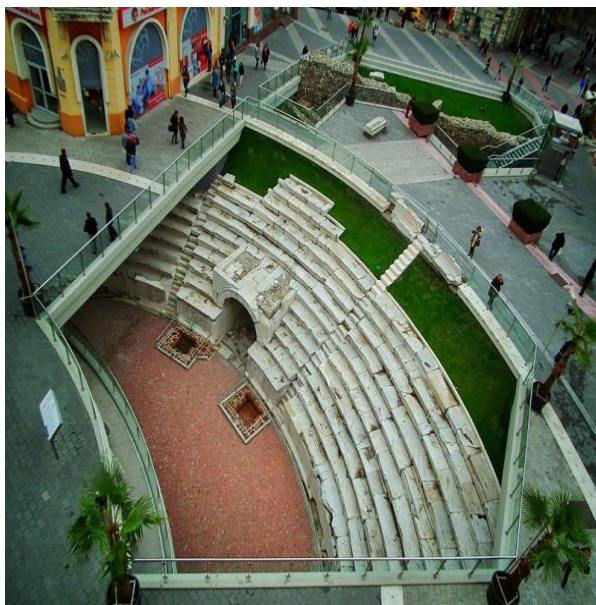

Рис. 9. Сохранение и реабилитация Античного стадиона Филиппополя – поэтапная реализация стратегии «Подземный музей Филиппополя» (коллектив, руководитель Т. Крестев). 2012 г.

Итоги профессионального пути

На протяжении многих лет я выстраивал свои убеждения, которые складывались с учётом и моих личных ошибок, и удачных решений в конкретных проектах и исследованиях, которые формировались также под влиянием профессионального обмена опытом в сообществе единомышленников и партнеров.

¹² Сохранение и реабилитация Античного стадиона Филиппополя, Пловдив, 2012. Авторы архитектурного проекта: Т. Крестев – руководитель, Р. Пройкива, Д. Георгиева, М. Велков, Ж. Ташков, В. Коларова, Д. Мушанова, Н. Стоянов, Б. Георгиев, Ж. Джугаланова, М. Мартинова-Кютова. Реализацию Проекта осуществила, с помощью Финансового механизма Европейского экономического пространства, Администрация области Пловдив в сотрудничестве с Муниципалитетом Пловдива, Ассоциацией культурного туризма и Норвежским директором культурного наследия. Специальный приз и награда публики – Здание года, 2014.

Прежде всего, для меня очевидна необходимость переосмысления понятия «культурное наследие» с тем, чтобы изменить традиционную точку зрения на консервацию. Ее не следует ограничивать только сохранением отдельных ценных объектов и фрагментов исторической среды, необходимо обратить внимание на культурные параметры унаследованной среды в целом, на интегральную ценность среды. Мои российские друзья, приверженцы ландшафтной парадигмы наследия, видят эту ценность как *ландшафт*, что в большей степени соответствует их географическому настрою. Я, как архитектор-консерватор, предпочитаю говорить о *культурной среде* с её *культурной памятью*, которая представляет собой своеобразный *культурный контекст* любой конкретной ценности. Культурные измерения среды составляют специфический *дух места*, различный для разных сообществ и определяющий *идентичность* среды, или скорее плюрализм присутствующей в ней идентичности. *Ландшафт* или *культурная среда*? По-моему, оба понятия имеют равное право на жизнь, ибо отражают принципиально сходную логику территориального подхода к среде как к интегральной ценности. Важно, что обе профессиональные траектории пересекаются на одной общей площадке, взаимно обогащая друг друга. Однако, возникает вопрос, как сохранить эту интегральную ценность, и какие условия необходимы для этого?

Первое условие, думаю – это формирование адекватной системы сохранения, понимаемой как триединство:

а) политики и стратегии интегрированной консервации;

б) эффективности инструментов сохранения (юридические статусы, режимы – границы и правила сохранения, градостроительные, консервационные планы, планы управления, а также другие инструменты);

в) работоспособной системы управления, которая регламентирует взаимоотношения между объектами и субъектами-партнерами в процессе сохранения.

Второе важное условие находится в сфере ответственности *Архитектуры*, которая материализует стратегии и политики, визуализирует их цели. Здесь уже имеет значение личный архитектурный выбор Архитектора. Архитектурная режиссура должна иметь возможность представить людям образ времени, сохраняя аутентичность и целостность ценностей; интерпретировать культурный контекст среды посредством воссоздания исчезнувших контекстуальных связей, объясняющих смысл и значение ценностей; обеспечить коммуникацию ценностей посредством распространения знаний о них; обеспечивать жизненность ценностей; создавать архитектуру, выявляющую память среды, создавать помнящую архитектуру.

Примеры из мировой практики

На протяжении многих лет я имел возможность ознакомиться с самыми разнообразными архитектурными реализациями, особенно в качестве эксперта ИКОМОС по Всемирному наследию. Видел примеры, раскрывающие разные подходы и тенденции, причем, в то же время, подсказывающие возможные сценарии будущей судьбы культурных ценностей – как оптимистические, так и пессимистические.

Некоторые примеры воодушевляют. Отмечу следующие.

– Археологическая зона в Кальяри, Сардиния (Пьеро Газзола – автор Венецианской хартии), в которой он осуществляет интегритет культурной памяти с диапазоном времени в четыре тысячелетия.

– Творческие произведения Ричарда Ингланда и Ренцо Пиано в Ла-Валетте (Мальта), Всемирное наследие – контекстуальные, сохраняющие аутентичность древние исторические пласты в диалоге с современной архитектурой.

– Франклин Корт в Филадельфии (Роберта Вентури), создавшего целый мир посредством интерпретации культурного контекста вокруг аутентичных следов дома, в котором жил Франклин.

– Главный штаб, Эрмитаж (братья Явейны) в Санкт-Петербурге, корректный к ценностям Главного штаба, однако с новаторским подходом в предложении новых современных идей.

– Гостиничный комплекс Жана Нувеля в Бордо – слабо известный, однако достопримечательный своей верностью как региональному, так и местному контексту.

– Парк Хай Лайн в Нью-Йорке (Диллер, Скофидио, Ренфро) – пример того, как заброшенная, обреченная ценность может не только сохранить городскую память, но и приобрести жизненность самого активного компонента города.

– Дороги паломников в горах Кири (Япония), Всемирное наследие – блестящая архитектурная организация макроструктуры культурной среды.

– Античный театр в Пловдиве (Вера Коларова, Румяна Пройкова, Лили Ботушарова), который интерпретирует структуру античной среды с уважением к аутентичности ее субстанции, включенной в сложный многопластовый контекст заповедника (рис. 10).

– Флигель «Руина», Музей архитектуры имени А.В. Щусева в Москве (бюро «Рождественка», руководитель Неринэ Тютчева) – интерпретация памяти места и его культурного контекста (рис. 11).

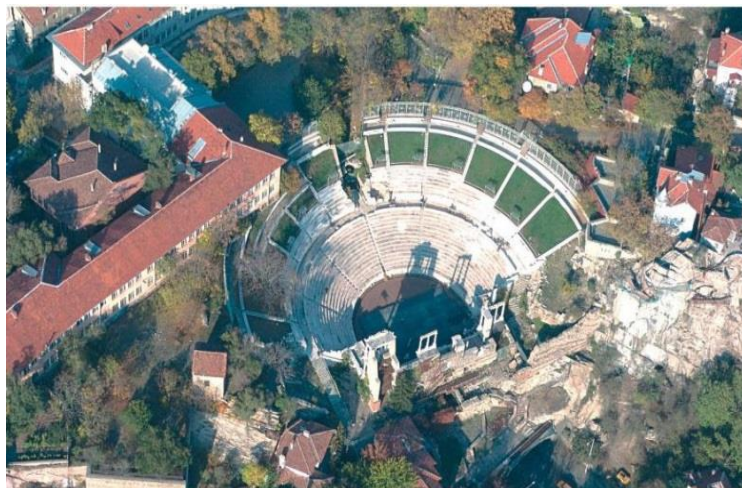

Рис. 10. Консервация и реставрация Античного театра в г. Пловдив (В. Коларова, Р. Пройкова, Л. Ботушарова, П. Манов). 1981 г.

Рис. 11. Флигель «Руина». Музей архитектуры имени А.В. Щусева в Москве (бюро «Рождественка», руководитель Неринэ Тютчева). 2017 г.

Это абсолютно разные решения, однако все они объединены высокой чувствительностью к ценностям среды, ее памяти, контексту, духу и идентичности. При этом – смелые и новаторские!

Примеры раскрывают возможный *Сценарий «А»* – созидания мира будущего: среда, обладающая идентичностью и разнообразием, в которой ценности аутентичны, которая уважает различие и стимулирует межкультурный диалог, «мир для людей», ибо соответствует их идентичности, масштабу, воспоминаниям и коллективной памяти.

Есть, однако, и другие примеры – грустные и угнетающие, результат совсем других стратегий, другого архитектурного мышления.

– Разрушение Крытого рынка Ле-Аль в Париже в 1968 году, как проявление насилия над городской памятью.

– Урбанистический прессинг в буферной зоне объекта Всемирного наследия «Софийский собор и Киево-Печерская Лавра» в Киеве, нарушающий масштаб, дух, структуру исторического города, а также панораму Днепра.

– Строительство бутафорских крепостей в Болгарии в последние годы, которые отнимают аутентичность, а также любую возможность проявления памяти среды и ее культурного контекста.

– Проект Башни Охта-Центр в Санкт-Петербурге (2009) нарушающий «Небесную линию» этого исключительного городского центра, объекта Всемирного наследия (рис. 12).

Рис. 12. Проект Башни Охта-Центр в Санкт-Петербурге.
RMJM, Великобритания. 2006–2009 гг.

Эти примеры являются результатом других стратегий и политики, а также личного творческого выбора архитекторов с другим умонастроением, другими представлениями о ценности, другой профессиональной моралью. Например, в случае с Башней Охта в Санкт-Петербурге, архитекторы Жан Нувель (автор контекстуального отеля в Бордо!), Даниэль Либескинд, Жак Херцог и Пьер де Мерон, Рем Колхас – все творческие личности мировой величины, предлагают проекты в резком противоречии с культурным контекстом исторического центра. В то же время другие крупные архитекторы (Норман Фостер, Кишо Курокава и Рафаэль Виньоли) также сделали свой личный выбор, отказываясь от приглашения на участие в конкурсе на Башню по моральным соображениям.

Эти и многие другие подобные примеры раскрывают другой возможный *сценарий «Б»* мира будущего: среда без памяти, страдающая культурной амнезией, в которой сожигаются архитектурные модели без корней, гетто уцелевших аутентичных ценностей и клонированные аттракционы из бутафорных макетов ценностей. Примеры показывают, что такой мир также возможен.

Вышеупомянутые печальные примеры могут иметь некие простые объяснения, как, например: невежество и дилетантство; экономические интересы – максимальная выгода от освоения фондов и земельных участков; политические или корпоративные амбиции; архитектурное эго или конформизм – готовность защищать любой интерес («ничего личного, вопрос бизнеса!»); устарелое законодательство, деградация системы сохранения и др. Однако все может быть и гораздо сложнее.

Две модели

В основу отличающихся способов мышления и поведения к среде разवे не заложены разные этические системы, разные ценностные приоритеты, сформировавшиеся в данном конкретном обществе? Всю свою жизнь я ясно различал две оголенные, диаметрально противоположные модели человеческого поведения.

В основе первой лежит стремление к достижению согласия, диалогу, уважению к различиям. В сущности, этика *сохранения*, установленная более 50 лет назад в соответствии с Венецианской хартией ИКОМОС, основана именно на *Согласии*. Она принимает с доверием *различные* оставшиеся ценности в среде (связанные с разными историческими пластами, этносами, религиями, идеологиями, эстетическими идеями и пр.) как послания из прошлого, которые следует сохранить и передать следующим поколениям «*в полном богатстве их аутентичности*». Пока они в наших руках, мы должны проводить добронамеренный диалог с ними, обеспечить их жизненность и подлинность в современной среде. В одной из наших бесед с Ричардом Ингландом в 2000 году он охарактеризовал такой подход также как «*смирение перед контекстом*». Это этика *преемственности*.

На другом полюсе находится бескомпромиссная и, по существу, авторитарная этика, которая не терпит различного мышления, подчиняет меньшинство большинству, решает конфликты насилием над другим. Мое поколение жило весьма долгое время в обществе, построенном по этой модели и до боли с ней знакомо (не уверен, что и сейчас нам удалось отойти от нее полностью). Перенесенная в архитектурную среду, эта модель может привести к разрушительным последствиям, ибо является *насилием* над унаследованной средой. Корни такого типа архитектурного мышления вероятно происходят из архитектурной утопии создания радикально новых миров. Однако, также и в архитектурном

эгоцентризме, отражающем представление о божественном праве архитектора силою устанавливать новый порядок в реальности – в этой связи вспоминаю о старой статье Вячеслава Леонидовича Глазычева на эту тему. Так, философия модернизма зародилась с убеждением, что утверждается начало нового архитектурного порядка, который не будет продолжением нынешнего, а его радикальной заменой. Как говорил Гропиус: «Новая архитектура – это не ветвь старого дерева, а новое растение, которое вырастает прямо из корня», а Ле Корбюзье рекомендовал безжалостную «хирургию» в исторических центрах. Все это формирует линию антипреемственности, перерыва, отказа от диалога с унаследованной средой. Когда такое мышление архитектора сочетается с амбициями политика, результат может быть катастрофическим.

Эти две модели архитектурного мышления и поведения слишком расходятся, что исключает возможность их примирения. Вероятно, противоборство между ними будет постоянным с неизбежными последствиями для среды. Как видно на примере Санкт-Петербурга, иногда такое противостояние происходит в сознании одного и того же архитектора. Такое противоборство в принципе неравнопоставлено. Гораздо проще навязать свою архитектурную волю (особенно с наличием политической или экономической протекции), без учета позиций, отличающихся от твоих. Вот почему всегда появляются «культурные разбойники» (по словам П. Газзола), готовые пожертвовать ценностями культурной среды. Гораздо сложнее и труднее защищать идею ценности, особенно в прагматическом и дезинтегрированном обществе, в котором Согласие не пользуется приоритетом; бороться с непониманием; убеждать и привлекать единомышленников; проигрывать, особенно в противостоянии мощным политическим или экономическим интересам. Такой путь труднее, однако в продолжение всей своей жизни именно его я считал бесконечно более интересным.

Важный вопрос – на основе какой из двух моделей будет построено общество? В нашем случае принципиальное значение имеет следующее: какая из моделей определит личный выбор Архитектора, особенно если он только начинает свой профессиональный путь? *Согласие или насилие?* Ведь, в конечном счете, результат этой битвы – мир, в котором нам предстоит жить, – зависит от каждого из нас. Путь, следуя которому я сделал свой выбор, был здесь представлен.

Литература

1. Les lieux de mémoire. Sous la direction de Pierre Nora. Galimard. Paris, 1984–1993.
2. *Krestev T.* In the Context of Time // Architecture and Society, 6/1987.
3. *Кръстев Т.* Архитектурното творчество. Техника. София, 1979.
4. International Charter for the Conservation and Restoration of Monuments and Sites (The Venice Charter 1964). ICOMOS, 1965.

5. International Charter on Cultural Routes. ICOMOS. Quebec, 2008.
6. Operational Guidelines for the Implement of the World Heritage Convention. WHC. UNESCO, 2017.
7. International Charter for the Conservation of Historic Towns and Urban Areas. ICOMOS. Washington, 1987.
8. Recommendation on the Historic Urban Landscape, including a glossary of definitions. UNESCO. 2011.
9. Declaration on the Conservation of the Setting of Heritage Structures, Sites and Areas. ICOMOS. Xi'an, 2005; Declaration on the Preservation of the Spirit of Place. ICOMOS. Quebec, 2008.
10. Convention for the Safeguarding of the Intangible Cultural Heritage. UNESCO. Paris, 2003.
11. The Nara Document on Authenticity. UNESCO, ICCROM, ICOMOS. Japan, 1994.
12. Framework Convention on the Value of Cultural Heritage for Society. Council of Europe. Faro, 2005.
13. International Cultural Tourism Charter. ICOMOS. Mexico, 1999.
14. Declaration Marking the 50th Anniversary of the Universal Declaration of Human Rights. ICOMOS. Stockholm, 1998.
15. Convention for the Protection of the Architectural Heritage of Europe. Council of Europe. Granada, 1985.
16. European Convention on the Protection of the Archaeological Heritage (Revised). Council of Europe. Valetta, 1992.
17. The Valletta Principles for the Safeguarding and Management of Historic Cities, Towns and Urban Areas. ICOMOS. Paris, 2011.
18. International Charter for the Interpretation and Presentation of Cultural Heritage Sites. ICOMOS. Québec, 2008.

**ARCHITECTURE AND VALUES:
LANDSCAPE – CULTURAL ENVIRONMENT**

T. Kretev

tkretev@gmail.com

IKOMOS, Sofia, Bulgaria

Abstract. *The article shows intertwinement between the individual professional way of a specialist in preservation of cultural heritage with historical evolution of ideas in this area; as professional ways of different experts cross and mutually supplement each other. Personal choice of a way, carried out by an expert, may influence the future of cultural heritage itself.*

Keywords: *remembering architecture, heritage, values of the inherited environment, historical landscape, cultural environment, integrated conservation, territorial approach, cultural memory, cultural context.*

For citation: Kretev T. Architecture and values: Landscape – Cultural environment. *Heritage and Modern Times*. 2018;1(4):23-43.

Сведения об авторе

Крестев Тодор, профессор, доктор архитектуры, эксперт ИКОМОС по объектам всемирного наследия. София, Болгария.
E-mail: tkretev@gmail.com

Author of the publication

Todor Kretev, Doctor of Architecture, Professor, Expert of ICOMOS for UNESCO World Heritage Sites. Sofia, Bulgaria.
E-mail: tkretev@gmail.com

Дата поступления 20.11.2018

КУЛЬТУРНО-ЛАНДШАФТНОЕ ПРОСТРАНСТВО МОСКВЫ: ПРОБЛЕМЫ ОХРАНЫ И РАЗВИТИЯ

Ю.А. Веденин

vedenin37@gmail.com

Институт Географии РАН, г. Москва, Россия

Аннотация. На примере Москвы рассматриваются возможности использования культурно-ландшафтного подхода к изучению, охране и развитию крупного городского образования. Особое внимание уделяется проработке разномасштабного анализа города. С одной стороны, подчеркивается актуальность формирования историко-культурного и природного экологического каркаса города, который задает масштаб и общую структуру общегородской композиции, является определяющим фактором, обеспечивающим сохранение целостности городской среды. С другой стороны, указывается на необходимость создания комфортной среды в Москве, очеловечивание городского пространства, работы с небольшими пространствами, приспособленными для использования их малыми группами людей.

Ключевые слова: культурный ландшафт, историческая память, городская среда, историко-культурная среда, историко-культурный и природный экологический каркас.

Для цитирования: Веденин Ю.А. Культурно-ландшафтное пространство Москвы: проблемы охраны и развития. *Наследие и современность = Heritage and Modern Times*. 2018;1(4):44–58.

Представление об актуальности культурно-ландшафтного подхода при изучении исторических городов закреплено не только во многих научных работах, но и в документах ЮНЕСКО. В настоящее время формируется новое представление об историческом городе. Город предлагается рассматривать как культурный ландшафт, т.е. как результат творчества человека и природы. А что это значит? В чём заключается новизна этого подхода? В соответствии с Рекомендациями ЮНЕСКО, исторический городской ландшафт – это более широкое понятие, нежели исторический город. В содержание этого понятия входит не только представление о характере его исторической планировочной структуры и застройки, но и его природные характеристики, в том числе рельеф и гидрология, методы природопользования, землепользования и пространственной организации; особенности восприятия и визуальные характеристики и т.д. Особое внимание уделяется социальным и культурным практикам городского населения, сложившейся у него системе ценностей, что проявляется в формировании разнообразного и самобытного городского пространства. Всё это может быть показано на примере Москвы – столицы Российской Федерации.

Культурно-ландшафтное пространство Москвы – это сложный историко-культурный и природный комплекс, характеризующийся длительным и вместе с тем чрезвычайно напряженным и противоречивым процессом развития, затрагивающим почти все стороны его многообразной жизнедеятельности – экономической, социокультурной, пространственной, экологической. В Москве сформировалась совершенно особая среда обитания проживающего в ней населения. Её можно охарактеризовать как некую систему отношений людей, находящихся на территории столичного, многомиллионного города со множеством чрезвычайно динамичных городских структур – производственных, социальных, градостроительных, ландшафтно-архитектурных, природных и т.д. Особенности этой среды зависят не только от качества жилья, уровня благоустройства города, его обустроенности, количества рабочих мест и многих других параметров, описывающих сам город и его структурные элементы. Они зависят и от характера сложившегося на сегодняшний день населения, его поведения, его реакцией на городские институты, на поведение городских властей, на характер и динамику городского ландшафта и на многое другое. Важную роль в этой системе взаимоотношений играют столичные функции города, менталитет проживающих там людей, ощущающих свою принадлежность к столице России.

Москва сегодня – это крупнейшая городская агломерация, занимающая почти тысячу квадратных километров, на территории которой проживает более 12 млн человек. Большинство жителей Москвы – некоренные москвичи, приехавшие в этот город уже взрослыми, вполне сложившимися личностями [1]. Поэтому их отношение к Москве невозможно понять без учета всей истории их жизни, особенностей мест их прежнего обитания, степени их коммуникабельности и возможностей адаптации к новой для них среде. Существенные различия характерны и для самой Москвы: исторический центр и застроенная в послевоенные годы периферия, «чистый» в экологическом отношении запад и относительно «грязный» восток, неравномерное распределение индустриальных площадок, зеленых насаждений, культурных учреждений. Все это свидетельствует о том, что условия жизни и их восприятие населением Москвы чрезвычайно разнообразны.

Некоторая часть горожан, как коренных, так и приезжих, проживает в центре города, среди исторической застройки. Здесь мало зелени. На многих дворах невозможно увидеть не только какого-нибудь дерева или куста, но даже травы, поскольку земля покрыта асфальтом, бетоном, кирпичом. С другой стороны, именно здесь сохранились традиционная для старой Москвы среда, истинно московский ландшафт, привычные для коренных москвичей дворы, переулки, старые кинотеатры, магазины. Но сегодня большая часть москвичей живет в новых районах, построенных уже после 1960-х годов. Многоэтажные здания,

расположенные в свободно или регулярно спланированных кварталах, с зелеными массивами, чаще всего имеющими мало привлекательный внешний вид из-за неудовлетворительного архитектурно-планировочного решения и плохого за ними ухода, – вот наиболее характерные черты новых районов Москвы. К тому же эти районы не имеют достаточно развитой социокультурной инфраструктуры, что заставляет их жителей совершать частые поездки в центр¹. Коренные москвичи, выселенные когда-то в эти районы в результате реконструкции центра, размещения в их домах административных учреждений, контор или организации на месте старых домов, где большая часть квартир использовалась как коммуналки, престижных жилищ для элиты или «новых русских», перестали ощущать себя жителями исторической Москвы.

Особую роль в планировочной организации города играют парки, сады, бульвары и скверы. Наибольший интерес для формирования городской среды представляют крупные участки лесов, выполняющие функции лесопарков. Их в городе более тридцати. Уникальным явлением для Москвы (это событие является экстраординарным и для других крупных городов мира) представляет собой организация особо охраняемой природной территории федерального уровня – Национального парка «Лосиный остров», значительная часть которого располагается на территории города.

Выделение крупных лесных массивов, их связь с водными артериями города, сочетание с уникальными культурно-историческими территориями создало хорошие предпосылки для организации в Москве целостного культурно-исторического и природного экологического каркаса, являющегося гарантом сохранения уникального художественного образа города, его связи с окружающей средой. Наиболее сохранившаяся часть культурного и природного ландшафта Москвы, которая уже сейчас может быть включена в экологический каркас столицы – берег реки Москвы от Парка культуры и отдыха имени Горького до Московского Государственного Университета, а также вверх по течению, где, начиная от Филевского парка, сохраняется множество памятников архитектуры, тесно связанных с лесными или луговыми ландшафтами и гладью водных пространств; Коломенское с его уникальным историко-культурным ландшафтом; Царицынский комплекс. Усадебные и парковые ансамбли Люблино, Кузьминки и Покровское-Стрешнево также могут рассматриваться как полноправные звенья такого каркаса. С другой стороны, в культурно-исторический и природный экологический каркас могут войти и крупные парковые и лесные массивы,

¹ В последнее десятилетие многое изменилось. Городские власти стали обращать большее внимание на благоустройство города, ландшафтно-архитектурное решение жилых кварталов, расширение социокультурной инфраструктуры. И, тем не менее, многие отмеченные проблемы остаются.

например, Сокольники, непосредственно примыкающие к «Лосиному острову», Измайлово, Битцевский лесопарк и другие исторические природные территории, сохранившие в своих границах сеть малых рек, прудов, многие из которых являются не только объектами природного, но и культурного наследия. Все эти объекты уже давно стали восприниматься как органичная часть городского пространства и во многом определяют традиционность сложившейся городской среды. Таким образом, создание культурно-исторического и природного экологического каркаса – это не просто фантазия архитектора в духе 20-х годов прошлого века, а вполне реальная программа действий, актуальная для сегодняшнего дня.

Характерным признаком бережного отношения к исторической среде города является осознание фундаментальной роли истории и исторической информации в формировании городского пространства Москвы. Когда мы говорим об исторической информации, то имеем в виду память обо всем историческом наследии – как природном, так и культурном, причем как о сохранившихся до наших дней объектах, так и утраченных. Выше уже упоминались малые реки, которые можно увидеть, главным образом, в крупных лесных массивах Москвы. Однако до сих пор не исчезла ностальгия и по тем рекам, которые когда-то протекали по центру города и остались в памяти у москвичей, прежде всего, благодаря названиям улиц. Среди них река Пресня, ручей Сивка, река Самотека, ручей Студенец, река Ходынка и другие. Некоторые жители столицы до сих пор мечтают об их восстановлении. Поэтому можно только приветствовать те редкие попытки сегодняшних градостроителей даже не восстановить, а только напомнить нам об этих, казалось бы, навсегда ушедших жемчужинах городского ландшафта. Об этом свидетельствует даже такой пример, как реконструкция Манежной площади, когда в городском ландшафте появился своеобразный памятник реки, небольшой ее макет (к сожалению, очень помпезно и плохо исполненный). Это является признаком того, что не только у художников, но и у отцов города может (хотя и очень робко) меняться система ценностей.

До сих пор (к сожалению, эти тенденции продолжают и сейчас) желание властей увековечить себя в истории города находило отражение в создании гигантских и монументальных сооружений. Однако это не вызывает сегодня всеобщего ликования и поддержки. Примером чему может служить отношение общества к памятнику Петру I, созданному Зурабом Церетели. Многим горожанам хотелось бы увидеть реальные действия по сохранению или возрождению уникальных микроэлементов ландшафта города вместо традиционного для строителей и чиновников стремления создать величественные или помпезные ансамбли. Как я уже говорил, такие тенденции, хотя и очень слабо, но все же начинают проявляться. Уже сегодня в архитектурных ма-

стерских, в художественных ателье, на градостроительных советах обсуждаются пути формирования исторической среды в масштабе отдельных улиц, переулков, дворов, небольших придомовых участков. Но этого мало. Каких-то конкретных целенаправленных действий, свидетельствующих о понимании актуальности работы в наиболее близком для человека масштабе, еще нет, и даже не намечается. И это весьма жаль, поскольку именно такой подход отражает истинный гуманизм в отношении к городскому пространству.

Очевидно, что современная концепция городской среды, в основе которой лежит формирование гармоничной градостроительной и ландшафтной структуры при бережном отношении к наследию, должна быть основана на сочетании возрождения ранее утраченных и конструирования новых макро- и микроструктур культурного и природного ландшафта города. Целостный (в своей потенции) историко-культурный и природный экологический каркас города задает масштаб и общую структуру общегородской композиции, является определяющим фактором сохранения окружающей среды города, связывает городское пространство с его сегодняшним окружением (лесопарковым поясом и пригородной зоной) и его историей, сохранившейся до сего дня в объектах культурного и природного наследия. Система микропространств, ориентированных на устройство уютной, соразмерной с человеком жизненной среды, учитывающей уникальные индивидуальные ценности, предопределяет насыщение городского ландшафта гуманистическими флюидами, что необходимо для нормального функционирования современного комфортного города.

Процесс преобразования центра Москвы продолжается уже в течение многих лет. Оценка этого процесса всегда была весьма неоднозначной. Можно вспомнить, что Москва уже неоднократно переживала в своей истории этапы коренной реконструкции центральных районов города. Не будем останавливаться на далекой истории и ограничимся только самой краткой характеристикой недавнего времени. Конец XIX – начала XX в. – время строительства доходных домов, начало многоэтажной застройки исторических кварталов города. Именно в это время были вырублены многие сады и разрушены зеленые пространства, сформированные еще в XVIII – первой половине XIX вв. Затем наступили тяжелые времена 1930-х годов. Воля «великого зодчего всех времен и народов» Иосифа Сталина нашла свое призвание в преобразовании Москвы, в превращение ее в «идеальный социалистический город». Началось уничтожение зеленых насаждений и бульваров Садового кольца, уникальных памятников истории и культуры в самом центре Москвы – в Кремле и на Красной площади, в примыкающих к ним исторических районах. Но одновременно велась весьма оживленная дискуссия о необходимости озеленения Москвы и особенно ее центра, о том, как должен выглядеть зеленый

наряд города, о необходимости связи города с его зелеными пригородами. В эти же годы началось строительство Парка культуры и отдыха имени Горького, а позднее, уже после войны, в сороковые годы были устроены многочисленные скверы и сады на месте снесенных зданий или пустырей. Характерным примером этого времени является сквер на Болотной площади. Так что это время, как, впрочем, и все другие исторические эпохи, отразившиеся на облике Москвы, содержало много противоречий и не может быть оценено однозначно.

Новый этап в разрушении природной и историко-культурной среды Москвы наступил при Н.С. Хрущеве, уже в конце пятидесятых – начале шестидесятых годов. Загрязнение визуальной среды города безликими сооружениями с одновременным сносом памятников и исторических зданий, образующих традиционную городскую среду, нанесло непоправимый ущерб культурной экологии Москвы. Наиболее заметно это проявилось во время строительства Нового Арбата, гостиницы Россия или Дворца съездов на территории Кремля. С другой стороны, именно в эти годы москвичи стали переезжать из подвалов и коммуналок в новые дома, получать отдельные квартиры. Началось активное устройство лесопаркового пояса Москвы, строительство загородных пансионатов, устройство садовых кооперативов.

Далеко не безоблачными для Москвы были и семидесятые – восьмидесятые годы прошлого века. Активное переустройство центра города, связанное с расширением сети метрополитена, уничтожением исторически сложившихся площадей на Садовом кольце, изменением трассировки уличной сети, застройкой центральных районов Москвы домами, предназначенными, прежде всего, для партийной, советской и художественно-интеллектуальной элиты, привело к потере традиционного образа многих исторических мест. В качестве примера можно назвать район улиц А. Толстого (ранее и ныне Спиридоновка), Рылеева (Гагаринский пер.), Димитрова (Б. Якиманка), Кропоткинская (Пречистенка) и т.д. Но в те же годы продолжилось активное благоустройство зеленых пригородов Москвы и лесопарков, строительство многочисленных пансионатов и зон отдыха. Тогда же был организован Национальный парк «Лосиный остров».

И в постсоветское время к процессу преобразования городской среды приходится относиться весьма неоднозначно. С одной стороны, восстанавливаются утраченные ранее достопримечательности старой Москвы. Снова строятся храмы. Как правило, они возникают на месте некогда разрушенных сооружений. Благоустраивается центр Москвы. Но при этом в центре Москвы, в самых дорогих для старых москвичей местах создаются новые архитектурные ансамбли, уместность которых в исторической застройке весьма сомнительна. Это, прежде всего работы, связанные с реконструкцией Манежной площади, формирова-

нием новых монументальных торгово-общественных и культурно-развлекательных комплексов вдоль берегов Москвы-реки, перестройкой уникальных памятников советской архитектуры (гостиница «Москва», «Детский мир» и «Военторг»). Процесс разрушения исторических зданий идёт в настоящее время с особым масштабом и скоростью. При этом, несмотря на гигантские масштабы деградации исторической среды, в ряде мест Москвы этот процесс происходит незаметно для большинства жителей города, поскольку на месте разрушенных памятников возводятся их бетонные или кирпичные копии, а чаще всего новые здания, чем-то отдаленно напоминающие ранее существовавшие оригиналы.

Новый аспект формирования городской среды, который еще только начинает обсуждаться, – это особая роль истории, культурного и природного наследия на вновь осваиваемых территориях Москвы. В течение долгого времени окраины Москвы застраивались без какого-либо учета фактора исторической преемственности. Лишь наиболее значительные усадебные комплексы и уникальные церковные строения включались в современную композицию новых микрорайонов. В целом же основная часть новой Москвы, застроенной в 1960–2000-е годы – это белое пятно в историческом ландшафте города. Даже там, где сохранялись уникальные исторические объекты, как например дворцово-парковый ансамбль Кусково Шереметевых, усадьба Лопухиных в Ясенево, церкви в Тропареве или Конькове, они рассматривались как своеобразные «раритеты», абсолютно чуждые новой застройке и не влияющие на общее композиционное решение, определяющее организацию городского пространства.

Между тем, именно в новых районах особенно актуальна программа формирования исторической среды. Эта программа должна включать систему мероприятий, которая бы обеспечивала не только бережное отношение к сохранившимся объектам наследия, но и выявление новых памятников истории, культуры и природы, превращение наследия в главные архитектурно-планировочные центры развития этих районов. Такая программа должна ориентироваться на создание исторических музеев, на бережное отношение к местной топонимии, на активную работу по исследованию археологического наследия и т.д. И очень важно помнить, что сохранение и восстановление в новых районах объектов наследия – это не только деятельность по актуализации исторической памяти, но и часть культурно-экологической программы, имеющей своей целью формирование здоровой и комфортной среды обитания.

Следует провести сравнительный анализ реальной ситуации, сложившейся в экологической обстановке на территории Москвы и особенности восприятия этой обстановки самим населением Моск-

вы. Тема уже давно стоит в повестке дня. Исследования Л.Ю. Кирсановой показали, что наибольшие различия между социальной привлекательностью и экологической комфортностью городской среды характерны для центра Москвы [2], и они сохраняются до сих пор. Это положение обусловлено рядом обстоятельств. Именно в центре Москвы сохранилась историческая среда, здесь расположены наиболее значительные объекты социальной инфраструктуры, самые известные культурные учреждения столицы, что не только компенсирует неблагоприятную экологическую ситуацию, сложившуюся в данном районе Москвы, но приводит к весьма высокой общей оценке жителями Москвы привлекательности центра. Кстати, в этом же исследовании отмечено, что на вопрос: «В каком месте Москвы вам хотелось бы бывать чаще?», москвичи, наряду с экологически чистыми районами, местами расположения больших зеленых массивов, старинных усадеб с парками, называли и такие районы как Арбат, Замоскворечье, Кремль. Однако в большинстве случаев оценки экологического состояния и привлекательности районов совпадают. Наиболее заметно это проявляется на территории неблагоприятных районов Юго-Восточного сектора Москвы и благоприятного Юго-Западного и Западного секторов.

Сегодня Москву нельзя рассматривать вне ее пригородов. Современные процессы вовлечения пригородных районов в среду обитания жителей Москвы происходят тоже весьма неоднозначно. В последние десятилетия XX века, когда вокруг Москвы возникла гигантская сеть садовых товариществ, наша столица превратилась в совершенно особое, уникальное образование, не имеющее аналогов ни в одной стране мира. Отношение к данному феномену весьма неоднозначно. Однако думаю, что едва ли этим можно гордиться. Внимательный анализ такого явления позволяет утверждать, что это – непредвиденные последствия реализации программы развития Москвы, согласно концепции превращения старой российской столицы в новый социалистический город. Гигантомания, стремление к устройству коллективных жилищ, отказ от малоэтажного строительства в связи со стремлением к более экономному использованию земли, сокращению затрат на подземные коммуникации и т.д. привели к тому, что население Москвы оказалось оторванным от природы, заточенным в каменных мешках многоэтажных кварталов, лишилось ощущения хозяина своего собственного дома. Естественно, это должно было быть каким-то образом скомпенсировано. Наиболее простой путь был найден: началось массовое строительство дешевых дач; были освоены огромные площади, ранее покрытые лесами, использовавшиеся в качестве сельскохозяйственных угодий.

Каков же результат? Фактически сейчас под жилые кварталы и пригородные дачи занято намного больше земли, чем в других ми-

ровых столицах или крупнейших городах Европы и Америки. Очевидно, что если бы коттеджное строительство началось в нашей стране раньше, хотя бы в 1970-е годы, то удалось бы сберечь многие уникальные природные ландшафты Подмосковья. И сейчас на их месте могли бы быть созданы природные парки, музеи-заповедники, разнообразные ландшафтные заказники. Но, к сожалению, коттеджное строительство началось только тогда, когда уже была занята большая часть свободных от застройки городских и пригородных земель. Остались не застроенными территории, ранее не использовавшиеся для застройки в силу того, что на них был установлен особый режим землепользования. В частности, территории, входящие в разнообразные зоны охраны, что обусловлено их природными или историко-культурными особенностями, их положением по отношению к памятникам культуры, истории и природы. Именно они нередко начали использоваться для нового коттеджного строительства, что естественно вызывает резкое возражение со стороны общественности и органов охраны природного и культурного наследия.

Экология человека – понятие, имеющее явно антропоцентрическую природу. Оно не может быть понято вне представления о человеке, системе его ценностей, особенностях его восприятия окружающей среды. Причём необходимо исходить не от среднестатистического человека, а от конкретной личности, от малых групп людей, с учетом их возрастных, социальных, профессиональных, медико-биологических и других особенностей. Москва и дети, Москва и пенсионеры, Москва и различные этнические группы, Москва и туристы... Думается, что список может быть продолжен до бесконечности. Каждая из групп имеет свою собственную среду обитания, предъявляет свои специфические требования к городскому ландшафту, к его обустройству, к городской инфраструктуре. К сожалению, при устройстве городской среды всё это до сих пор не учитывается. Точечные объекты, случайные вкрапления в ткань города не могут кардинально изменить сложившуюся ситуацию. Необходима специальная программа строительства и созидания принципиально новых сред обитания – групповых и индивидуальных. Соответственно должны быть предусмотрены возможности для расширения свободы личности в выборе условий своего существования, в организации арены своей жизнедеятельности, включающей места работы, отдыха, воспитания своих детей, в возможностях строительства своего собственного жилища, его окружения.

На примере созидания Москвы как города детей можно рассмотреть возможные пути построения такого пространства. Сейчас в него входят только сами жилища, вернее квартиры, где есть комната или уголок, специально приспособленные для учебы и отдыха детей. Затем специализированные детские учреждения (школы, детские сады, детские клубы, чаще всего бывшие дома пионеров, дет-

ские театры, спортивные организации и т.д.). По городу, во дворах, парках, садах и бульварах разбросаны многочисленные детские площадки. Основная же часть городского пространства абсолютно не учитывает запросы и возможности юных граждан Москвы. На улицах всё ещё очень мало интересных для них устройств, дизайна, которые бы были ориентированы на потребности детей. Масштабное решение уличного и площадного пространства не учитывает специфические особенности детского восприятия пространства и тем самым отторгает его от себя. То же относится и к транспорту, причем как к самим транспортным средствам, так и к вокзалам, остановкам автобуса, троллейбуса и трамвая, к организации метрополитена, устройству торговых центров, интерьеров библиотек. Фактически улицы и площади столицы приспособлены только для движения транспорта, причем в первую очередь автомобилей. Они не соответствуют интересам большинства групп населения, прежде всего детей и пожилых людей – почти нигде нет удобных мест для игр, отдыха, мест, защищенных от воздействия транспорта, наконец, просто площадок, где можно было бы хотя бы посидеть.

К сожалению, Москва – город, где никогда не учитывались интересы и потребности отдельных людей. Преобладал взгляд на население как некую безликую массу людей. И именно поэтому в городе не ощущается жизненного комфорта, очень мало «душевных», теплых и милых уголков. В какой-то степени эти функции выполняли московские дворники. Но сейчас большинство дворов стали рассматриваться в качестве площадок для парковки личного автотранспорта. Ими могли бы стать московские бульвары, созданные для человека и учитывающие интересы детей, пенсионеров и влюбленных. Но в настоящее время Бульварное кольцо – уникальное градостроительное образование – превратилась в самую обычную транспортную магистраль, заполненную машинами, троллейбусами и автобусами. Точно то же самое можно сказать и о некоторых московских садах и скверах. Особый социальный климат все еще сохраняется в ряде московских переулков. Но всего этого очень мало для многомиллионного города.

Соответственно, одной из главных задач, решение которой необходимо для создания комфортной среды в Москве – это ее очеловечивание, работа с небольшими пространствами, приспособленными для использования их малыми группами людей. Вместе с тем, такие пространства не должны быть изолированы друг от друга, они должны образовывать единую взаимосвязанную систему. Для этого необходимо формировать специальные городские тропы, объединяющие сады, дворовые пространства, небольшие водоемы, сохранившиеся до сих пор в Москве. Конечно, можно возразить, что главное в городе – улицы. Кстати, потеря этого важнейшего звена городского ландшафта в новых районах оказалась весьма существенной, и для многих корен-

ных москвичей, старых горожан эта потеря едва ли может быть восполнена. Однако улица – только один из элементов городской дорожной инфраструктуры. В городе всегда были проходные дворы, небольшие реки, каналы, которые весьма эффектно дополняли уличную сеть, придавали городскому пространству особую интимную обстановку и тем самым повышали привлекательность городской среды.

Особая проблема, непосредственно связанная с экологией – «личностное» отношение к городскому пространству, наличие своего родного уголка (или уголков), мест, связанных с «твоей» личной историей или историей близких тебе людей. У каждого жителя Москвы должен быть свой собственный «Арбат» [3]. Чаще всего это место, где прошло твое детство, место твоего первого свидания. А может быть и кладбище, где нашли последний приют твои родители или те люди, которых ты любил и ценил. Вот что определяет отношение человека к среде своего обитания. Сохранность окрашенных личной привязанностью мест формирует представление людей о наличии или отсутствии в городе исторической среды, исторической памяти. Поэтому усилия градостроителей по реконструкции городского пространства, направленные на улучшение качества застройки, благоустройство территории должны сопровождаться эффективными мерами по сохранению той исторической среды, которая была близкой и родной для многих, продолжающих жить в данном городе людей. Необходимо выработать щадящую по отношению к коренным жителям тактику реконструкции городского пространства, в основу которой должны быть заложены возможности адаптации человека к новой архитектуре, к новым формам пространственной организации города, чтобы ослабить чувство ностальгии по утраченным ценностям.

Рассматривая процесс реконструкции исторических кварталов в экологическом аспекте, необходимо иметь в виду и реакцию людей на изменение функции места. Пример Арбата, в течение одного года превратившегося из тихой московской улицы в модную «тусовку», и отношение к этой метаморфозе жителей арбатских домов, людей, выросших на Арбате, посвятивших ему свое творчество (например, Булата Окуджавы), является особенно убедительным для аргументации этого тезиса. Среда – понятие очень многогранное. Она складывается из разнообразных способов и форм восприятия человеком окружающих его людей, материально-вещественной части городского ландшафта, образуемой, прежде всего, архитектурой зданий, дизайном автомашин, ставших сегодня важнейшей частью городского пространства, убранством витрин магазинов и художественным решением рекламы. Однако нельзя забывать и невидимую часть окружающей среды. Я имею в виду звуки, запахи, информационную насыщенность пространства, отраженную в книгах.

Великий русский географ начала XX века В.П. Семенов-Тянь-Шанский говорил в свое время о множестве географических ландшафтов – ландшафте красок, ландшафте звуков, ландшафте запахов [4]. Сказанное справедливо и для городского ландшафта. Когда говорят об экологии, то обычно имеют в виду уровень промышленных и коммунальных выбросов и шумового загрязнения среды. На самом деле необходимо иметь в виду не только количественные показатели, но и качество звучания, гармонию цветового решения, рисунок силуэтов зданий. Так, например, если говорить о звуковой городской среде, то город – это и молитвенные песнопения, и музыка концертных залов и оперных театров [5]. Есть в городе улицы или проспекты, предназначенные для массовых шествий – военных парадов, карнавалов, крестных ходов. Особый пласт городского музыкального ландшафта – музыка московских дворов, звуки гитары, песни подростков, мелодии, слышащиеся во дворе из окон квартир – вначале патефона, потом проигрывателя, магнитофона [6]. Много ушло. Взять хотя бы звуки духового оркестра, еще недавно заполнявшего в воскресные дни пространство городских парков Москвы. Проблема формирования оптимальной звуковой среды Москвы – важнейшая экологическая задача, включающая и защиту жителей столицы от чрезмерных шумов, и создание разнообразной палитры звуков, позволяющей высветить специфику отдельных улиц, площадей, парков и дворов, и сохранение звуковых ассоциаций с традиционной Москвой. Среди последних – звучание колоколов, танцевальные ритмы в парках отдыха, песни молодых ребят, собирающихся во дворах.

На московских окраинах, в новых районах, где сохранились большие лесные массивы, звуковой ландшафт города включает пение лесных птиц, здесь до сих пор можно слушать соловьиные трели. Важнейшей задачей, стоящей сегодня перед создателем городской среды, является сохранение, а чаще восстановление или создание абсолютно новых камерных участков городского ландшафта, мест, где бы можно было слышать тишину, чувствовать красоту журчания ручья, шепот листвы. Это все должно быть заложено в художественном решении таких участков. Например, при восстановлении дворцовых ансамблей, когда реставрируют парковые насаждения, в частности, с использованием приемов «топиарного» искусства, необходимо помнить, что многие заросли кустарников служат местом гнездования птиц.

Городская среда – это и многообразие запахов, к сожалению, далеко не всегда приятных. Различные источники загрязнений: от старых заводов, потоков автотранспорта до свалок и мусорных ящиков, – создают отнюдь не самый благоприятный фон для жизни городского населения. И понятно, что у специалистов, обеспечивающих экологическую безопасность города, главной задачей является предотвращение или хотя бы сокращение отрицательного влияния всех этих за-

грязнителей. Но ведь это далеко не единственная забота, связанная с решением экологических проблем Москвы в обозначенной области. Необходима целенаправленная политика в подборе растений, применении новых материалов и может быть даже специальных устройств, которые бы обеспечивали привлекательность и разнообразие запахов, характерных для городской среды. Кстати, это касается и парфюмерной промышленности, того спектра парфюмерных изделий, который попадает на московский рынок.

К сожалению, названные проблемы не являются первоочередными в спектре проблем, стоящих сегодня перед властными структурами города Москвы. Есть множество более актуальных задач, решение которых не терпит отлагательства. И тем не менее без их решения невозможно сформировать комфортную городскую среду обитания. В настоящее время многие города и даже столицы крупнейших государств строят свою туристскую политику на фенологических особенностях своего зеленого убранства. Популярность и известность многих городов Японии и даже такого города как Вашингтон обусловлена не только великолепными музеями, архитектурными сооружениями, но и тем, что в определенные дни, месяцы в этих городах начинается цветение уникальных, характерных только для этих мест видов или сортов деревьев и кустарников. Во многих городах или селах таким объектом могут быть цветы. Именно цветение тюльпанов является характерным признаком многих городов Голландии. И для Москвы это может быть также важным фактором созидания комфортной и привлекательной среды обитания. Кстати, славу района около метро «Сокол» в послевоенные годы связывали, прежде всего, с сиренью известного московского селекционера Колесникова. Многие москвичи и сейчас любят ездить в ботанические сады (а их в Москве три и все они расположены в разных районах города) и наблюдать за цветением растений.

Эти поездки можно совершать в течение всего теплого сезона – весной, летом и осенью, и даже зимой, поскольку в любое время года здесь можно увидеть и даже почувствовать замечательный аромат разнообразных кустарников и цветов. Конечно, Москва не может сравниться с южными городами, такими, как Киев с его каштанами или Одесса, где самым популярным деревом является белая акация. В Москве, как, впрочем, и во многих других среднерусских городах наиболее известным деревом, воспетым многими русскими писателями и поэтами, является липа. Она определяет ассортимент растений во многих московских парках, дворах, на бульварах. И время цветения липы, сопровождающееся сладким и нежным ароматом, являются наиболее любимым москвичами временем года. К сожалению, в последние годы роль липы в зеленом убранстве города стала менее заметной. Но мы надеемся, что это временное явление и очень скоро замечательное дерево липа, его парковые массивы снова станут визитной карточкой столицы.

Вообще проблема экологии города имеет сильно выраженный временной аспект. И это касается не только особенностей проявления разнообразных фенологических событий, но и культурных явлений. Необходимо учитывать, во-первых, сезонные изменения условий жизни населения, динамику воздействий на памятники культуры, во-вторых, календарь памятных событий, характеризующих изменения в привлекательности культурной среды города, ее отдельных районов. Среди таких событий – юбилеи основания города, даты рождения великих москвичей, музыкальные фестивали, кинофестивали и т.д.

Москва туристская и Москва – город, где проживает более десятка миллионов людей, характеризуется чрезвычайно выразительной историко-культурной и природной средой с её богатым архитектурным наследием, насыщенностью исторического пространства разнообразными ассоциациями, связанными с замечательными художниками, поэтами, писателями, жившими когда-то в этом городе и посвятившими ему множество ярких страниц в своих произведениях. Особую место в формировании образа Москвы занимают её исторические пейзажи. Конечно, большинство из них остались только на картинах художников или на страницах книг. Но пытливым наблюдателем всё ещё может сформировать на основе своего собственного опыта свою собственную Москву, с её эффектными и в тоже время очень скромными, камерными картинами. Москву, наполненную богатой исторической информацией, разнообразной символикой, характеризующей разнообразие культурно-ландшафтного пространства этого города.

Литература

1. *Вендина О.И.* Культурное разнообразие и побочные эффекты этнокультурной политики в Москве. Иммигранты в Москве. М.: Три квадрата, 2009. С. 27–39.
2. *Курсанова Л.Ю.* Географические аспекты оценки городской среды (по материалам социологических исследований москвичей): автореф. дисс. на соис. степ. канд. геогр. наук по спец. 11.00.02. М., 1996. 26 с.
3. *Веденин Ю.А.* Очерки по географии искусства. М.: Институт Наследия, 1997. 224 с.
4. *Семёнов-Тян-Шанский В.П.* Район и страна. М.-Л.: Госиздат, 1928. 312 с.
5. *Андреева Е.Д.* Звуковой ландшафт как реальный объект и исследовательская проблема. Экология культуры. М.: Институт Наследия, 2000. С. 76–85.
6. *Румянцев С.Ю.* Книга тишины. Звуковой образ города. СПб.: Дмитрий Буланин, 2003. 246 с.

**CULTURAL SPACE AND TOWNSCAPE OF MOSCOW:
PROBLEMS OF PROTECTION AND DEVELOPMENT**

Yu. Vedenin

vedenin37@gmail.com

Institute of Geography, RAS, Moscow, Russia

Abstract. *The case study illustrates opportunities for using cultural landscape approach to the investigation, conservation and development of Moscow city. Special attention is paid to elaboration of the multi-scale urban analysis. On the one hand, the relevance of formation of the historical, cultural and ecological framework of the city, which sets the scale and overall structure of the urban composition, is a determinant factor, ensuring the integrity of the urban environment. On the other hand, it is bringing to light the requirement to create a comfortable environment in Moscow, thus humanizing urban space, and working with small-scale programs adapted for local residents and their social needs.*

Keywords: *cultural landscape, historical memory, urban environment, historical and cultural environment, historical and cultural and natural ecological framework.*

For citation: Vedenin Yu. Cultural space and townscape of Moscow: problems of protection and development. *Heritage and Modern Times*. 2018;1(4):44–58.

References

1. Vendina O.I. Kul`turnoe raznoobrazie i pobochny`e e`ffekty` e`tnokul`turnoj politiki v Moskve. Immigranty` v Moskve. M.: Tri kvadrata, 2009. P. 27–39.
2. Kirsanova L.Yu. Geograficheskie aspekty` ocenki gorodskoj sredy` (po materialam sociologicheskix issledovanij moskvichej): avtoref. dis. na sois. step. kand. geogr. nauk po specz. 11.00.02. M., 1996. 26 s.
3. Vedenin Yu.A. Oчерки по географии искусства. M.: Institut Naslediya. 1997. 224 s.
4. Semyonov-Tyan-Shanskij V.P. Rajon i strana. M.; L.: Gosizdat, 1928. 312 s.
5. Andreeva E.D. Zvukovoj landshaft kak real`ny`j ob`ekt i issledovatel`skaya problema. E`kologiya kul`tury`. M.: Institut Naslediya, 2000. S. 76–85.
6. Rumyancev S.Yu. Kniga tishiny`. Zvukovoj obraz goroda. SPb.: Dmitrij Bulanin, 2003. 246 s.

Сведения об авторе

Веденин Юрий Александрович, д.г.н., проф., ведущий научный сотрудник Института географии РАН.
E-mail: vedenin37@gmail.com

Author of the publication

Yuri Vedenin, Doctor of Geography, Professor, Leading Researcher of the Institute of Geography, RAS.
E-mail: vedenin37@gmail.com

Дата поступления 11.12.2018

ОХТИНСКИЙ МЫС В КУЛЬТУРНОМ ЛАНДШАФТЕ САНКТ-ПЕТЕРБУРГА

С.Б. Горбатенко

icomos.spb@gmail.com

Национальный Комитет ИКОМОС, г. Санкт-Петербург, Россия

Аннотация. На основании положений международных и отечественных актов по охране наследия обосновывается роль Охтинского мыса в культурном ландшафте Санкт-Петербурга. Приводятся аргументы в пользу ценности мыса как элемента ландшафта прилегающей части Невы, а также носителя общественной памяти петербуржцев, части петербургской истории и культуры. На основании резолюции Международного научного комитета по историческим городам и селениям (CIVVIN-ICOMOS) предлагается компромиссный путь решения проблемы его застройки.

Ключевые слова: Охтинский мыс, Ниеншанц, культурное и природное наследие, сохранение наследия, ассоциативный культурный ландшафт, историческая память, достопримечательное место.

Для цитирования: Горбатенко С.Б. Охтинский мыс в культурном ландшафте Санкт-Петербурга. *Наследие и современность = Heritage and Modern Times*. 2018;1(4):59–72.

Охтинский мыс в Санкт-Петербурге в последние десятилетия находится в центре общественного внимания. На его территории, принадлежащей ПАО «Газпром», предполагалось построить небоскреб «Охта-центр» (в результате протестов общественности он был возведен в другом месте, в Лахте). Первой причиной протестов стало негативное воздействие проектируемого 400-метрового здания на городские панорамы. Второй – высокая археологическая ценность данной территории. Раскопками 2006–2010 гг., проводившимися под руководством археолога П.Е. Сорокина, а затем Н.Ф. Соловьевой, здесь выявлены следы обитания человека, начиная с эпохи неолита. Над неолитической стоянкой располагаются культурные слои древнерусского мысового городища, шведской крепости Ландскрона, русского Невского городка, шведских крепостей Ниеншанц – первоначальной «иррегулярной» и сменившей ее в конце XVII в. правильной в плане, пятибастионной. Был обнаружен и след важнейшего для Санкт-Петербурга геологического события – образования Невы. Это слой принесенного при разработке неевского русла песка, 3000–4000 лет назад накрывший стоянки первобытного человека [1; 2].

Однако археологическая ценность мыса не является единственной. Не меньшее значение Охтинский мыс имеет в качестве важнейшего элемента культурного ландшафта северной столицы.

В 1990 г. Санкт-Петербург с окрестностями был включен в Список всемирного наследия. Традиционно петербургская номинация № 540 «Исторический центр Санкт-Петербурга и связанные с ним комплексы памятников» относится к категории культурных объектов. Однако в нее входит ряд компонентов, имеющих ярко выраженный природный характер – река Нева с берегами, Балтийско-Ладожский уступ («Глинт»), Дудергофские, Колтушские, Юкковские высоты. Природные элементы – часть практически всех культурных составляющих объекта. В первую очередь это касается фундаментальной основы ландшафта – земной поверхности во всем богатстве ее проявлений, рельефа. Огромную роль играют также природные зеленые массивы и, конечно, гидросистемы. Именно при впадении в Неву реки Охты сформирован Охтинский мыс. Таким образом, де-факто номинация является природно-культурным объектом всемирного наследия, культурным ландшафтом, преобразованным из природного в ходе длительного исторического процесса и сотворчества человека и природы.

Культурный ландшафт петербургской агломерации целенаправленно формировался Петром I и его преемниками в качестве «европейского оазиса» на северо-западе России вплоть до середины XIX в. [3]. В 1972 г., когда была принята Конвенция об охране всемирного наследия, понятие культурного ландшафта как категории наследия в документах ЮНЕСКО отсутствовало. Оно было официально введено в международную практику в 1992 г., два года спустя после включения в Список всемирного наследия петербургской номинации.

Согласно международной формулировке, приведенной в Руководстве по выполнению Конвенции об охране всемирного наследия, «Культурные ландшафты – это объекты культурного наследия, представляющие собой “совместные творения человека и природы”». Они иллюстрируют эволюцию человеческого сообщества и поселений с течением времени, происходившую под влиянием физических ограничений и/или возможностей, налагаемых или предоставляемых естественной средой обитания человека, а также сменяющих друг друга социальных, экономических и культурных факторов, как внешних, так и внутренних» [4]. Санкт-Петербург, представляющий собой архитектурный шедевр в разнообразном и выразительном природном ландшафте, играющий выдающуюся роль в отечественной и мировой культуре, полностью соответствует такому определению.

Петербургский объект всемирного наследия состоит из 36 компонентов. Охтинский мыс входит в состав компонента № 540-029 «Ре-

ка Нева с берегами»¹. Согласно классификации Руководства по выполнению Конвенции об охране всемирного наследия, он может быть отнесен к категории *развивающихся ландшафтов*, как сохранивший «свою активную социальную роль в той части современного сообщества, где сильны связи с традиционным образом жизни, и в котором продолжается эволюционный процесс; в то же время он демонстрирует значительные материальные свидетельства своей эволюции с течением времени» [4].

Однако, в своем нынешнем состоянии, как особое локальное образование Охтинский мыс относится скорее к иной категории. Это – характерный *ассоциативный культурный ландшафт*, «обусловленный наличием очень сильных религиозных, художественных или культурных связей природной части ландшафта, а не материальных культурных свидетельств, которые могут быть представлены незначительно или отсутствовать вовсе» [4].

Что касается природной составляющей этого ландшафта, то она определяется, прежде всего, его гидрографией. Помимо выявленных раскопками и вновь засыпанных сейчас рвов, сохранилось самое главное – мыс как таковой, со своей остроугольной конфигурацией, восходящей ко времени формирования Невы (рис. 1).

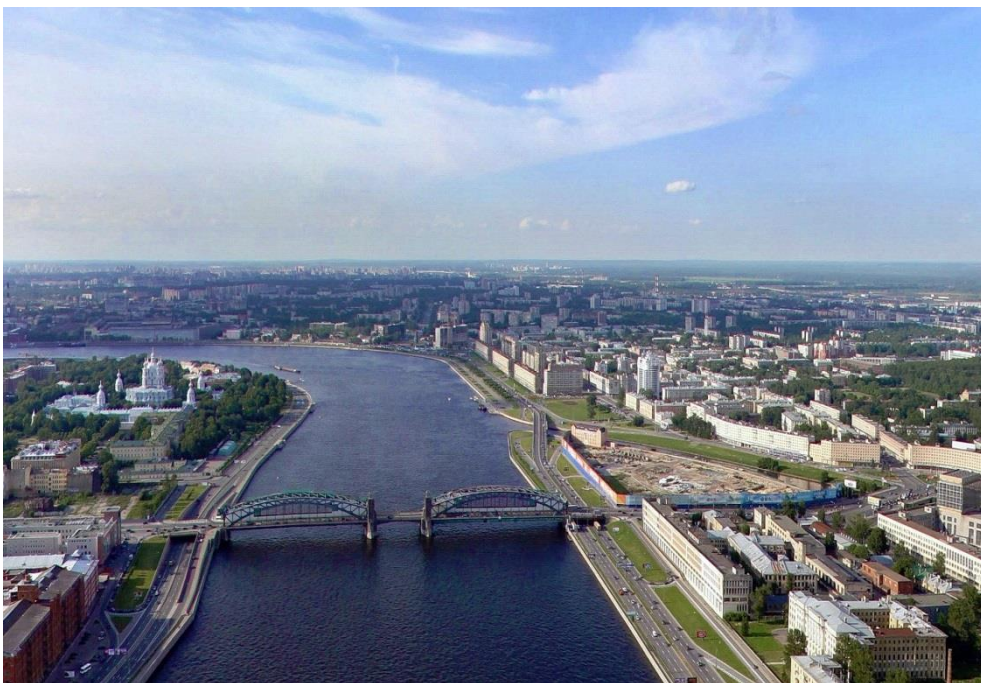

Рис. 1. Нева и Охтинский мыс во время раскопок. Вид с птичьего полета. 2011 г.

¹ В границы компонента входит не только собственно мыс, ограниченный Невой, Охтой и продолжением Якорной улицы, но часть территории бывшего города Ниена, фундаменты застройки которого, в том числе немецкой церкви, были вскрыты раскопками 1999 г. (Сорокин П.Е. Ландскрона, Невское устье, Ниеншанц. СПб., 2001. С. 65–66).

Нева – полноводная протока между Ладогой и Балтикой, которой по геологическим меркам совсем немного лет. Во времена раннего неолита ее еще не существовало: Охтинский мыс, на котором в ходе раскопок были обнаружены неолитические стоянки, был образован слиянием рек Охты и Тосны. Живший здесь древний человек был свидетелем судьбоносного для будущего Санкт-Петербурга геологического события: около 4000 лет назад воды реки Мги, ранее впадавшей в Ладожское озеро, в результате его переполнения повернули вспять и прорвались через водораздел в русло Тосны. В течение двух тысячелетий происходила разработка русла и формирование островов дельты. Современные очертания Нева и мыс у впадения в нее Охты получили лишь на рубеже нашей эры [1].

На протяжении многих столетий история Охтинского мыса – история борьбы между Россией и Швецией за обладание стратегически ключевой водной артерией – Невой. В эпоху средневековья Нева служила важнейшей транспортной коммуникацией – звеном древнего торгового пути «из варяг в греки», а впоследствии – связью с Ганзейским союзом, с которым Новгород вел активную торговлю. В 1300 г. в устье Охты, на месте новгородского «мысового» городища, шведы построили деревянную крепость Ландскрона, которая год спустя была взята и сожжена новгородцами. На ее месте возник русский «Невский городок».

В 1617 г. Нева с прилегающими территориями вновь перешла в руки шведов. У охтинского мыса ими был основан город Ниен. Вслед за тем на самом мысу была возведена крепость Ниеншанц (рис. 2). В ходе Северной войны, 1 мая 1703 г., Ниеншанц, осажденный русскими войсками, капитулировал. Это стало первым шагом к основанию Санкт-Петербурга.

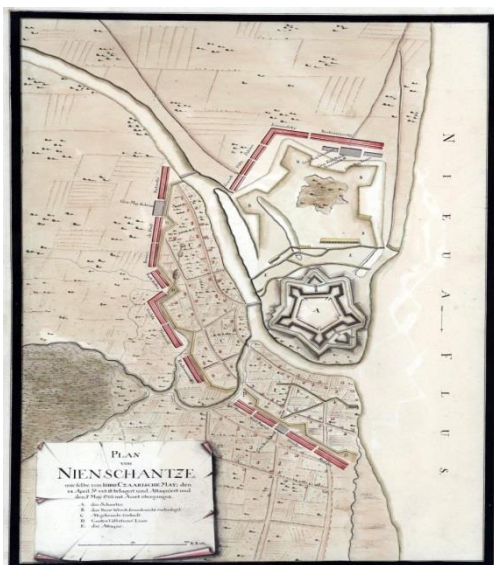

Рис. 2. Осада Ниеншанца русскими войсками. Чертеж 1-й трети XVIII в.

В качестве *ассоциативного культурного ландшафта* Охтинский мыс в сознании петербургского общества ассоциируется со многими историческими периодами, упомянутыми выше, но в первую очередь с военным противостоянием Швеции и России на невских берегах. И в наибольшей степени эти ассоциации связаны со шведской крепостью Ниеншанц, близкой к нам хронологически, отмеченной победой русского оружия, с возвращением Ижорской земли – бывшей шведской Ингерманландии – в состав России и, конечно, с основанием Санкт-Петербурга.

Этой победе, равно как и последовавшей за ней первой морской, в устье Невы, с самого начала придавалось большое значение: Петр известил о них письмами своих сподвижников и союзного короля Августа II, были отпечатаны гравюры, отчеканены медали, в Москве торжественно отпраздновали первую годовщину взятия крепости. Овладение Ниеншанцем подробно описано в составленных с участием самого царя «Книге Марсовой» (СПб., 1713) и «Гистории Свейской войны» (1-е изд.: СПб., 1770–1772). «...Наипаче, что желаемая морская пристань получена», – так расценил Петр взятие Ниеншанца.

Память о крепости никогда не угасала в общественном сознании петербуржцев. Уже в первой книге о Санкт-Петербурге, написанной А.И. Богдановым в середине XVIII в. и изданной в В.Г. Рубаном в 1779 г., «урочище Канцы» упоминается в числе «антиквитетов или древностей при сем царствующем месте» [5]. По словам ее автора, на этом месте располагалась «Шведская крепость Канцы, которая взята была в 1703 году, оныя вид и поныне явственнно зрится на малой Охте». В книге приведен план крепости с надписью: «Шведские Канцы» (рис. 3).

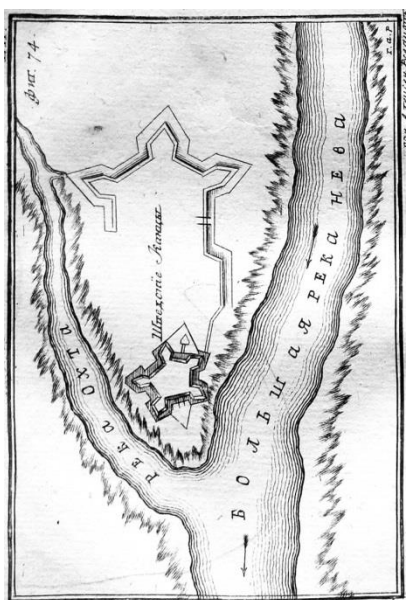

Рис. 3. Шведские Канцы. Чертеж в книге А.И. Богданова. 1779 г.

Ни одна из книг по истории Санкт-Петербурга до сих пор не обходится без рассказа об осаде и взятии Ниеншанца или по крайней мере упоминания о нем. О Ниеншанце говорят И.Г. Георги (1794), П.П. Свиньин (1816), А.П. Башуцкий (1834), В. Бурьянов (1838). В царствование Николая I на основе шведских карт XVII в. издаются карты-реконструкции местности будущего Санкт-Петербурга с нанесенными на них Ниеном, Ниеншанцем и даже средневековой Ландскроной [6]. В год смерти императора (1855) вышла книга Б.П. Мансурова об охтинских селениях с повествованием о крепости [7]. В 1885 г. о Ниене и Ниеншанце, осаде и взятии последнего в своем капитальном издании подробно рассказывает П.Н. Петров [8]. К 200-летию Санкт-Петербурга Г.А. Немиров опубликовал статью о Ниене и Ниеншанце с красноречивым названием «Охта, колыбель Петербурга. (1300–1703)» [9]. И, наконец, в 1909–1916 гг. был издан давно написанный капитальный труд А.И. Гиппинга «Нева и Ниеншанц», с картами и документами, прокомментированными А.С. Лаппо-Данилевским [10].

Память о Ниеншанце не угасла и в советское время: в 1948 г. вышла подробная публикация А.В. Предтеченского о значении, осаде и взятии крепости [11], а в 1955 г. повествование об этом событии открыло капитальные пятитомные «Очерки по истории Ленинграда» [12]. В 1990–2000-е годы была переиздана книга А.И. Гиппинга [13], опубликованы многочисленные книги и статьи археолога П.Е. Сорокина и его соавторов по истории и результатам раскопок Ниеншанца² [14], книги А.М. Шарымова [15], К.С. Жукова [16] и другие исследования по допетровской истории неевского края. Статьи и книги по этой теме издаются также за рубежом, прежде всего в Швеции и Финляндии. Так, в 1995 г. раздел о Ниене появился в финской книге Сауло Кепсу (издана на русском языке в 2000) [17], а в 2012 г. на шведском языке была переиздана книга «Ниен и Ниеншанц», вышедшая в 1891 г. [18].

Свое место в истории мыса занимает располагавшаяся на его территории с начала XIX в. Охтинская верфь, впоследствии Петрозавод. Здесь строились преимущественно вооруженные суда – парусные, а затем паровые. Некоторые из них, такие, как фрегат «Паллада», впоследствии составили славу российского флота. Со 2-й половины XIX в. значение верфи упало, на ней стали в основном производиться и ремонтироваться малые суда военного и гражданского назначения. В 2007 г. строения завода были снесены.

В свете сказанного выше Охтинский мыс, несомненно, имеет большое мемориальное значение. Оно не признано лишь официальными органами охраны, согласно решениям которых под охраной

² <https://spbae.ru/ru/publikatsii/publikatsii-p-e-sorokina>

в качестве выявленных объектов культурного наследия состоят лишь три участка культурного слоя, один из них – погребенный под трассой Малоохтинской набережной бастион с прилегающей полосой земли, а два других – почти микроскопических размеров. Вся остальная территория входит в зону регулирования застройки и может быть занята строениями, никак не связанными с историческим прошлым Охтинского мыса.

Однако в сознании общества, в первую очередь петербургского, мыс сегодня ассоциируется, прежде всего, с образом крепости Ниеншанц, для одних – экзотическим и полулегендарным, для других вполне конкретным, научно обоснованным результатами архивно-библиографических изысканий, археологических исследований и находок. Парадоксально, но именно в результате планов строительства здесь небоскреба Газпромом и организованных им раскопок, которые неожиданно открыли «русскую Троицу», шведская крепость оказалась в центре общественного интереса! Сейчас он переживает новый подъем в связи со спорами об археологической ценности этой территории. Но, так или иначе, осознание богатейшего прошлого Охтинского мыса, подтвержденного множеством научных и популярных публикаций, в печатных изданиях и сети Интернет, заняло свое место в умах петербуржцев, стало частью их исторической памяти.

Выдающийся отечественный ученый-краевед Н.П. Анциферов, автор знаменитой книги «Душа Петербурга», в статье с подзаголовком «Историко-культурные ландшафты» писал: «Посещение тех местностей, где совершались великие события, – старая психологическая потребность <...>. Нашему восприятию кажется, что места впитали в себя и хранят долю энергии, излученную памятными событиями, потрясавшими некогда общественное сознание. Общение с местом становится путем приобщения к великому событию. “Здесь это было” – и оживает прошлое. Такова возрождающая сила историкотопографического чувства» [19].

Культурному ландшафту принадлежит особая роль в хранении и трансляции исторической памяти – таким тезисом открывается статья крупнейшего специалиста в этой области, доктора географических наук Ю.А. Веденина. «Характерной чертой исторической памяти Земли является ее дискретность. Это обусловлено тем, что значительная часть информации теряется в процессе перехода от одного поколения к другому или остается непознанной. Это позволяет говорить о существовании скрытой и актуальной (открытой) исторической памяти, о переходе актуальной памяти в скрытую и обратно», – указывает ученый [20]. Сказанное в полной мере относится к Охтинскому мысу. Заключенную в этом ландшафте скрытую память раскрыли нам не только археологические раскопки, но стимулированный ими новый виток архивно-

библиографических изысканий. Важно эту память не утратить вновь, закрепить и передать следующим поколениям³.

Ландшафтный подход к проблеме охраны Охтинского мыса требует оценить его историко-культурное значение в разных масштабах – собственно мыса и культурного ландшафта восточной части центрального ядра Санкт-Петербурга, прежде всего Невы и пространств, окружающих устье Охты. Это – предмет специальной аналитической работы, но уже сегодня можно сказать следующее.

Собственно мыс – территория, по конфигурации близкая к треугольнику, ограниченная берегами Невы, Охты и створом Якорной улицы. О его сохранившейся природной основе, определяемой речными берегами, говорилось выше. Типологически, в качестве носителя исторической памяти, мыс является по преимуществу бelligеративным (военным) ландшафтом⁴, связанным с находившимися здесь укреплениями и воинскими столкновениями, в первую очередь взятием Ниеншанца и долгожданным выходом России к Балтийскому морю. Как уже говорилось, раскопками были выявлены и зафиксированы элементы последовательно сменявших друг друга фортификационных сооружений, после чего их законсервировали путем засыпки. Таким образом, эти элементы потенциально восстановимы методами консервации, реставрации и фрагментарной реконструкции в натуре (воссоздания) на основе точных иконографических источников и архитектурно-археологических обмеров (рис. 4).

Рис. 4. Бастион Ниеншанца – элемент культурного ландшафта Охтинского мыса. 2009 г.

³ С исторической памятью тесно связано понятие «духа места» (*genius loci*), блестяще раскрытое Н.П. Анциферовым (Душа Петербурга. Пг., 1922). Проблеме сохранения «духа места» посвящена Квебекская декларация ИКОМОС (2008). Согласно этому международному акту, «Дух места определяется как материальные (здания, участки, ландшафты, маршруты, объекты) и нематериальные (воспоминания, повествования, письменные документы, ритуалы, фестивали, традиционные знания, ценности, текстуры, цвета, запахи и т. д.), то есть физические и духовные элементы, которые придают месту смысл, ценность, способность воздействовать на эмоции, и сокровенное значение».

⁴ Название дано по имени древнеримской богини войны Беллоны. К бelligеративным ландшафтам на Неве, в частности, относится Поле Невской битвы в Усть-Ижоре и «Невский пяточок».

Сейчас память о Ниеншанце хранит памятный знак в образе гранитного бастиона с пушками (предположительно принадлежавшими крепости), установленный по инициативе археолога П. Сорокина с участием шведских фирм в 2000 г. (арх. В.А. Реппо). На территории бывшего Петрозавода долгое время существовал другой памятник – дуб, связываемый с именем Петра I. Он погиб во время войны.

Важную роль Охтинский мыс играет в культурном ландшафте Санкт-Петербурга. Он входит в панорамы Невы с доминирующим в них шедевром Растрелли – собором Воскресенского Смольного монастыря, воспринимается со многих видовых точек и трасс, статически и в движении, во всем богатстве сменяющих друг друга видов и «скользящих» панорам. Первой из таких трасс является акватория самой Невы. С водных маршрутов мыс открывается с севера и юга, в первом случае из-за поворота Невы с расстояния около полутора километров. С южного направления, частично экранируясь Большеохтинским мостом, мыс начинает обозначаться почти от моста Александра Невского, от Лавры, с дистанции порядка двух километров (рис. 5).

Рис. 5. Охтинский мыс в культурном ландшафте Санкт-Петербурга. Вид с акватории Невы от Большеохтинского моста. 2018 г.

Не менее значимыми трассами восприятия, с тротуаров и из окон автомобилей, служат набережные Невы – Свердловская и Малоохтинская на правом берегу, Смольная и Синопская на левом. Прямые виды с коротких дистанций на мыс открываются с Большеохтинского моста, с Красногвардейской площади, с завершающих участков Тульской улицы и Большеохтинского проспектов, со Смольного проспекта и, наконец, из окон Смольного института – резиденции Администрации Санкт-Петербурга.

Через Неву Охтинский мыс композиционно взаимодействует с системой ансамблей Воскресенского монастыря и двух расположенных по его сторонам институтов – Смольного и Александровского. Эти ансамбли в панорамах невских берегов, в том числе со стороны мыса, запечатлены в произведениях многих художников конца XVIII–XIX вв. Их внимание привлекли и виды, открывающиеся от расположенной на изгибе Невы дачи Безбородко (арх. Д. Кваренги). По словам А.Н. Бе-

нуа, от нее «можно было любоваться удивительными видами: прямо насупротив высились церкви и часовни Смольного монастыря, слева по берегу было расположено предместье Охта с ее церковью⁵ и с громадными старинными верфями; вправо виднелись далекие маковки и шпили петербургских церквей...» [21]. (рис. 6).

Рис. 6. Б. Патерсен. Вид Смольного монастыря со стороны Охты. Ок. 1800 г.

Как вид наследия, Охтинский мыс следует отнести к достопримечательному месту. Согласно формулировке Конвенции об охране всемирного культурного и природного наследия (ст. 1), к этому виду (в английском переводе – *sites*) относятся «произведения человека или совместные творения человека и природы, а также зоны, включая археологические достопримечательные места, представляющие выдающуюся универсальную ценность с точки зрения истории, эстетики, этнологии или антропологии». В отечественном законе «Об охране объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации» это понятие более развернуто, в него включены «...памятные места, культурные и природные ландшафты, связанные с <...> историческими (в том числе военными) событиями, жизнью выдающихся исторических личностей; объекты археологического наследия <...>» (ст. 3).

На территории достопримечательных мест допускается ведение хозяйственной, в том числе строительной, деятельности при сохранении их ценностных характеристик (предмета охраны), в числе которых «градостроительные, геологические, ландшафтные <...> характеристики <...>, мемориальное значение указанного достопримечательного места» (ст. 56.4). В 2008 г. была принята и ратифицирована «Хар-

⁵ Церковь Сошествия Св. Духа с высокой колокольной была важной местной доминантой: она располагалась у самого устья Охты (снесена в 1930-х гг.).

тия ИКОМОС об интерпретации и презентации достопримечательных мест», цель которой – определить базовые принципы в работе по сохранению этого вида культурного наследия и осознанию обществом ценности достопримечательных мест⁶.

Сегодня композиционная значимость Охтинского мыса в пространстве Санкт-Петербурга невелика: со стороны Невы он обнесен высокой глухой оградой, со стороны Охты представляет собой заросший самосевом пустырь со следами производившихся здесь раскопок. Для того, чтобы акцентировать его роль в культурном ландшафте северной столицы – в ландшафте архитектурно-градостроительном, эволюционирующем, и в ландшафте ассоциативном, связанном с утвердившейся в общественном сознании памятью этого места – здесь должно быть создано знаковое сооружение, визуально корреспондирующее с предшественником Санкт-Петербурга, крепостью Ниеншанц, несущее память о важнейшем событии, предшествующем основанию города – взятии этой крепости русскими войсками 1 мая 1703 г.

В сентябре 2018 г. на встрече Международного научного комитета ИКОМОС по историческим городам и селениям (CIVVIH) была принята резолюция, подготовленная совместно Санкт-Петербургским региональным отделением НК ИКОМОС (Россия) и ИКОМОС Швеции. Она представляет собой компромисс между стремлениями градозащитников запретить или свести к минимуму возможность застройки мыса, и желанием владельцев застроить его без всякой связи с выдающимся прошлым этого места, ограничившись небольшим археологическим музеем и консервацией локальных раскопок⁷.

Резолюция подтвердила высокую ценность культурного ландшафта Охтинского мыса и одновременно – возможность и даже желательность нового строительства. По мнению международных экспертов, возведенное здесь здание должно соответствовать историческому образу Ниеншанца: быть невысоким, «распластанным», в плане, насколько это возможно, повторяющим абрис крепости (ее фрагменты могут быть реконструированы в натуре). Заметных вертикальных доминант также быть не должно: внутри крепости их не существовало (церкви располагались в городе Ниене, на другом берегу Охты). Ввиду того, что участок находится в прямой видимости из системы открытых городских пространств, при выборе варианта застройки необходимо выполнить ландшафтно-визуальный анализ ее восприятия.

Здание призвано представить исторический образ в современных архитектурных формах. Что касается функционального наполне-

⁶<http://icomos-spb.ru/mezhdunarodnye-akty/ikomos>

⁷<http://icomos-spb.ru/novosti/154-civvih-icomos-podderzhal-proekt-rossijsko-shvedskoj-rezolyutsii-po-nienschantsu>

ния, то в нем должна преобладать социокультурная составляющая. Здания должна быть небольшая этажность – но по площади оно может быть достаточно обширным. Помимо музея, здесь мог бы располагаться культурно-развлекательный центр с акцентом на историю местности Петербурга до 1703 г., осаду и штурм Ниеншанца. Был бы уместен российско-шведский культурный центр. В связи с идеей выхода России к морю, большой интерес могут представлять экспозиции, посвященные торговому мореплаванию на Балтике, Ганзейскому союзу (в который входил Великий Новгород), затонувшим судам, подводной археологии.

Если для достижения главных целей это будет необходимо, какая-то часть нового здания может стать офисной, ориентированной на получение прибыли. Это дополнение должно органично сочетаться с культурной функцией или, по крайней мере, быть нейтральной по отношению к ней. И, конечно, концепция комплекса должна включать консервацию и музеефикацию объектов, вскрытых раскопками, в масштабах, определяемых их исторической ценностью, а также полноценный археологический музей.

Хочется надеяться, что владелец участка пойдет по такому пути, и тогда новации на Охтинском мысу станут органичной частью петербургской традиции. Это должно принести ему имиджевые преимущества в глазах петербуржцев, а администрация города получит наглядное свидетельство возможности культурного решения проблемы, где регенерация образа ценного объекта наследия будет предпринята на основе современного архитектурного решения. Пример будет перед глазами, по другую сторону Невы.

Литература

1. *Нежиховский Р.А.* Река Нева и Невская губа. Л., 1981. С. 19–21.
2. *Сорокин П.Е.* и др. Палеоландшафт береговой зоны Литоринового моря в районе археологического памятника Охта 1 // Виртуальная археология. Материалы Второй Международной конференции... СПб., 2015. С. 113.
3. *Горбатенко С.Б.* Всемирное наследие – исторический ландшафт Санкт-Петербургской агломерации / World Heritage – the Historical Landscape of the Saint Petersburg Agglomeration. СПб., 2011. С. 19–56.
4. Руководство по выполнению Конвенции об охране всемирного наследия. Центр всемирного наследия. 2013. П. 47. С. 29; Руководство по включению конкретных типов объектов в Список всемирного наследия. Там же. Прил. 3. П. 6–10. С. 196–198; П. 10. П. С. 198; С. 199 / Электронный ресурс: режим доступа <https://www.mkrf.ru>
5. *Богданов А.И.* Историческое, географическое и топографическое описание Санктпетербурга. СПб., 1779. С. 9, 191, 210. Таб. LI.
6. *Горбатенко С.Б.* Карты Ингерманландии и Карелии XVII века в Швеции и России // Краеведческие записки. Исследования и материалы. В. 5. СПб., 1997. С. 9–37.
7. *Мансуров Б.П.* Охтенские Адмиралтейские селения. СПб., 1855.

8. Петров П.Н. История Санкт-Петербурга с основания города, до введения в действие выборного городского управления по учреждениям о губерниях. 1703–1782. СПб., 1884. С. 31–36.

9. Немиров Г.А. Охта, колыбель Петербурга. (1300–1703) // Новое время. 1903. № 9755. С. 6–10.

10. Гуппинг А.И. Нева и Ниеншанц. СПб., 1909.

11. Предтеченский А.В. Основание Петербурга / Петербург петровского времени. Л., 1948. С. 3–48.

12. Очерки по истории Ленинграда. М.-Л., 1955. Т. 1. С. 30–31.

13. Гуппинг А.И. Нева и Ниеншанц. СПб., 2003.

14. Сорокин П.Е. и др. Археологические исследования в устье реки Охты. Т. 1. Культурный слой и сооружения центральной части Охтинского мыса: Археологическое наследие Санкт-Петербурга. 2017. В. 5.

15. Шарьмов А.М. Предыстория Санкт-Петербурга. 1703 год: Книга исследований. СПб., 2004.

16. Жуков К.С. История Невского края (с древнейших времен до конца XVII века). СПб., 2010.

17. Kepsu S. Pietariennen Pietari. Nevansuunvaiheitaennen Pietarinkaupunginperustamista. 1995; Кепсу С. Петербург до Петербурга. История устья Невы до основания города Петра. СПб., 2000. С. 69–75.

18. Bonsdorff C. von. Nyenoch Nyenskans. Helsingfors, 1891.

19. Анциферов Н.П. Краеведный путь в исторической науке. (Историко-культурные ландшафты). Краеведение. 1928. № 6. С. 323.

20. Веденин Ю.А. Культурный ландшафт – хранитель исторической памяти. Охраняется государством. 2018. № 6. С. 34–39.

21. Бенца А.Н. Мои воспоминания. М., 1980. Кн. 1–3. С. 322.

OKHTA CAPE IN ST. PETERSBURG CULTURAL LANDSCAPE

S. Gorbatenko

icomos.spb@gmail.com

IKOMOS National Committee, St. Petersburg, Russia

Abstract. Significant role of the Okhta cape in St. Petersburg cultural landscape is proved on the basis of international and national heritage protection acts. Arguments are provided to regard the cape as valuable landscape element of Neva valley, as well as holder of St. Petersburg citizens public memory, part of the city history and culture. Compromise solution of the cape development problem is offered on the basis of International scientific committee on historic towns and settlements (CIVVIH-ICOMOS) resolution.

Keywords: Okhta cape, Nienschanz, cultural and natural heritage, preservation of heritage, associative cultural landscape, historical memory, site.

For citation: Gorbatenko S. Okhta cape in St. Petersburg cultural landscape. *Heritage and Modern Times*. 2018;1(4):59-72.

References

1. Nezhixovskij R.A. Reka Neva i Nevskaya guba. L., 1981. S. 19–21.

2. Sorokin P.E. i dr. Paleolandshaft beregovoj zony` Litorinovogo morya v rajone arxeologicheskogo pamyatnika Ohta 1 // Virtual'naya arxeologiya. Materialy` Vtoroj Mezhdunarodnoj konferencii... SPb., 2015. S. 113.

3. Gorbatenko S.B. Vsemirnoe nasledie – istoricheskij landshaft Sankt-Peterburgskoj aglomeracii / World Heritage – the Historical Landscape of the Saint Petersburg Agglomeration. SPb., 2011. S. 19–56.

4. Rukovodstvo po vy`polneniyu Konvencii ob ohrane vseirnogo naslediya. Centr vseirnogo naslediya. 2013. P. 47. S. 29; Rukovodstvo po vklyucheniyu konkretny`x tipov ob`ektov v Spisok vseirnogo naslediya. Tam zhe. Pril. 3. P. 6-10. S.196–198; P. 10. II. S. 198; S. 199. E`lektronny`j resurs: rezhim dostupa <https://www.mkrf.ru>
5. *Bogdanov A.I.* Istoricheskoe, geograficheskoe i topograficheskoe opisanie Sankt-peterburga. SPb., 1779. S. 9, 191, 210. Tab. LII.
6. *Gorbatenkov S.B.* Karty` Ingermanlandii i Karelii XVII veka v Shvetsii i Rossii // Kraevedcheskie zapiski. Issledovaniya i materialy`. V.5. SPb., 1997. S. 9–37.
7. *Mansurov B.P.* Oxtenskiya Admiraltejskiya seleniya. SPb., 1855.
8. *Petrov P.N.* Istoriya Sankt-Peterburga s osnovaniya goroda, do vvedeniya v dejstvie vy`bornogo gorodskogo upravleniya po uchrezhdeniyam o guberniyax. 1703–1782. SPb., 1884. S. 31–36.
9. *Nemirov G.A.* Oxta, koly`bel` Peterburga. (1300–1703). Novoe vremya. 1903. № 9755. S. 6–10.
10. *Gipping A.I.* Neva i Nienshancz. SPb., 1909.
11. *Predtechenskij A.V.* Osnovanie Peterburga. Peterburg petrovskogo vremeni. L., 1948. S. 3–48.
12. Ocherki po istorii Leningrada. M.-L., 1955. T. 1. S. 30–31.
13. *Gipping A.I.* Neva i Nienshancz. SPb., 2003.
14. *Sorokin P.E. i dr.* Arxeologicheskie issledovaniya v ust`e reki Oxty` // T. 1. Kul`turny`j sloj i sooruzheniya central`noj chasti Oxtinskogo my`sa: Arxeologicheskoe nasledie Sankt-Peterburga. 2017. V. 5.
15. *Shary`mov A.M.* Predy`storiya Sankt-Peterburga. 1703 god: Kniga issledovanij. SPb., 2004.
16. *Zhukov K.S.* Istoriya Nevskogo kraja (s drevnejshix vremen do koncza XVII veka). SPb., 2010.
17. *Kepsu S.* Pietariennen Pietari. Nevansuunvaiheitaennen Pietarinkaupunginperustamista. 1995; Kepsu S. Peterburg do Peterburga. Istoriya ust`ya Nevy` do osnovaniya goroda Petra. SPb., 2000. S. 69–75.
18. *Bonsdorff C. von.* Nyenoch Nyenskans. Helsingfors, 1891.
19. *Anciferov N.P.* Kraevedny`j put` v istoricheskoy nauke. (Istoriko-kul`turny`e landshafty`). Kraevedenie. 1928. № 6. S. 323.
20. *Vedenin Yu.A.* Kul`turny`j landshaft – xranitel` istoricheskoy pamyati. Oхранyaetsya gosudarstvom. 2018. № 6. S. 34–39.
21. *Venua A.N.* Moi vospominaniya. M., 1980. Kn. 1–3. S. 322.

Сведения об авторе

Горбатенко Сергей Борисович, Вице-президент Национального Комитета ИКОМОС (Россия), Председатель Совета Санкт-Петербургского регионального отделения ИКОМОС (ИКОМОС СПб), г. Санкт-Петербург, Россия.
E-mail: icomos.spb@gmail.com

Author of the publication

Sergey Gorbatenkov, Vice-President of the National Committee of ICOMOS (Russia), Chairman of the Board of the St. Petersburg regional branch of ICOMOS, St. Petersburg, Russia.
E-mail: icomos.spb@gmail.com

Дата поступления 05.11.2018

ЛЕДОВЫЕ ПРОСТРАНСТВА АРКТИЧЕСКИХ МОРЕЙ КАК АБОРИГЕННЫЙ КУЛЬТУРНЫЙ ЛАНДШАФТ

И.И. Крупник

krupniki@si.edu

Смитсоновский Институт, Вашингтон, США

Аннотация. В статье предложена новая категория культурных ландшафтов – замерзшее ледовое пространство, которое сезонно используется человеческими коллективами, в первую очередь, аборигенными народами Арктики. Показано как постоянное присутствие и хозяйственная деятельность человека наполняют морской лед разносторонним культурным содержанием в виде местных названий, народных классификаций, устной традиции, правил безопасности и ориентации, представлений о вредных участках и сверхъестественных обитателях. Культурное наполнение ледового ландшафта сохраняется только благодаря присутствию человека; оно фактически исчезает и восстанавливается каждый год, в процессе таяния и образования нового льда. Рассматриваются основные подходы к охране и документации культурных ледовых ландшафтов аборигенных народов Арктики.

Ключевые слова: морской лед, Арктика, культурный ландшафт, народные знания, Международный полярный год, проект СИКУ, культурные изменения, народные терминологии.

Для цитирования: Крупник И.И. Ледовые пространства арктических морей как аборигенный культурный ландшафт. *Наследие и современность = Heritage and Modern Times*. 2018;1(4):73–94.

Впервые идея об арктических морских льдах как культурных ландшафтах северных народов была представлена мной в докладе в Российском научно-исследовательском институте культурного и природного наследия имени Д.С. Лихачёва в 2009 г. Взгляд на морской лед («ледовое пространство») как особый *культурный ландшафт*, который исчезает и восстанавливается каждый год благодаря культуре и знаниям использующих его людей, прежде всего аборигенных народов Севера, стал стержневой концепцией российской части проекта СИКУ (*SIKU – Sea Ice Knowledge and Use*) по программе Международного полярного года (МПГ 2007–2008) и его итоговой монографии [1, с. 10–11; 2, с. 19–23].

За прошедшее с тех пор десятилетие видение морских льдов как особого *культурного пространства* наполнилось новым содержанием. Добавились фактические материалы, позволяющие описать аборигенные ледовые ландшафты в Канаде, Гренландии, на Аляске и в Российской Арктике; особенности названий, классификаций и использования льда

северными народами. Очевидным стало деструктивное влияние ослабления национальных языков и традиционных знаний жителей Севера и, особенно, нарастающие изменения самого морского льда в ходе потепления Арктики. Настоящая статья развивает и оценивает первоначальные положения концепции, сформулированной в 2000-е гг.

Определение

Каждый год осенью вдоль побережий арктических морей формируется удивительная экологическая система – прибрежный ледовый ландшафт, точнее, различные формы ледовых ландшафтов. В англоязычной литературе существует термин **icescape** (по аналогии с *landscape*, ландшафт) для обозначения покрытой льдом поверхности моря или ее изображений. Морские ледовые пространства обладают своим сезонным ритмом, динамикой развития, природной мозаичностью. С ними связаны многочисленные биологические виды – беспозвоночные, рыбы, птицы, пагофильные («ледолюбивые») морские животные: тюлени, киты, моржи и белые медведи [2, с. 10].

Одновременно, в местах, где люди выходят на лед и используют его как пространство для охоты и передвижения, формируется уникальная природно-культурная система. Такая ледовая пространственная система обладает многими чертами культурных ландшафтов на суше [3–5]. С ней связаны: особые местные названия, народные знания о ее использовании, устойчивые ориентиры и видимые следы человеческой деятельности – тропы, дороги, укрытия и др.; но также графические изображения, сформированные веками терминологии, истории, легенды, бытовые рассказы и воспоминания (см. ниже). Таким образом, ледовое культурное пространство можно определить как *особый вид культурного ландшафта, формирующегося на месте сезонных или круглогодичных ледовых (гляциальных) экосистем под влиянием человеческих знаний, рациональных и символических представлений, и использования для разных видов активности, включая жизнеобеспечение, передвижение, рекреацию, коллективные праздники и передачу знаний*. Так природный феномен – покрытая льдом поверхность моря, становится частью человеческой культуры, элементом наследия и культурной среды обитания.

В таком определении видна двоякая – практическая и символическая – сущность ледового культурного пространства. Обычно они неотделимы друг от друга, то есть там, где люди активно используют лед, формируются богатые информацией и историей культурные комплексы. Но порой, особенно в условиях быстрого изменения культуры, практическое использование льда может сохраняться при снижении его информационности насыщенности и символического значения. И, наоборот, память о традиционном использовании ледового пространства может поддерживаться в общинах или у отдельных людей, которые поте-

ряли с ним прямую связь в ходе миграции, закрытия старых поселков или смены хозяйственной деятельности. Яркий пример тому – память о культурных ледовых системах покинутых поселков, которая часто сохраняется десятилетиями после самого переселения (рис. 1).

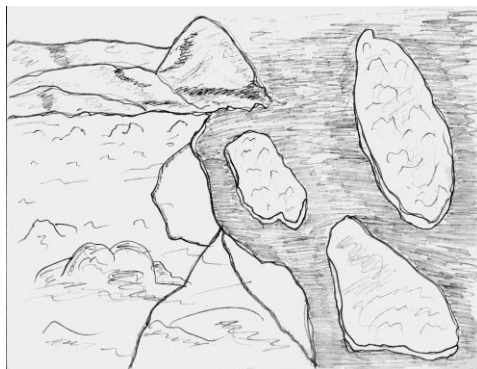

Рис. 1. Море в Наукане. Рисунок по памяти Б.И. Альпыргина, 2008.
(Богословская, Крупник. 2013, с. 154)

Для жителей берегов сезонно замерзающих морей лед никогда не был непроходимым барьером. Как открытый океан для мореплавателей, покрытая льдом поверхность моря соединяет живущие здесь общины, создает удобную поверхность для охоты, передвижения, общения и культурного обмена.

Особенности ледового культурного пространства

Хотя многие факторы появления и сохранения культурных ландшафтов в наземных и ледовых экосистемах сходны, между ними есть разительное отличие. Культурные комплексы, связанные с покрытой льдом поверхностью моря, полностью *исчезают* каждый год с весенним вскрытием и таянием льда. От них не остается следов, археологических свидетельств или иных физических источников, кроме человеческой памяти, текстов или рисунков и фотографий. Но с новым замерзанием поверхности моря они опять восстанавливаются следующей зимой. Этот цикл повторяется каждый год, из поколения в поколение – пока люди продолжают использовать лед и сохраняют свои знания о нем.

В этом отношении, ледовые культурные пространства очень сходны с тем, что называется “*cultural seascapes*” (в переводе – морские ландшафты), то есть знания и представления о море и его обитателях, реальных и сверхъестественных, географии морского дна, которые существуют в общинах рыбаков [6]. На зыбкой и постоянно меняющейся поверхности моря такие культурные комплексы могут сохраняться, пока знания о них поддерживаются среди живущих здесь людей. Таким образом, ледовое культурное пространство, созданное под действием могущественных природных процессов, поддерживается

хрупкими силами – человеческой памятью, особыми видами деятельности и преемственностью культурного знания. С утратой этого знания или с уходом людей, оно исчезает бесследно и вновь превращается в «дикий лед», покрытую торосами безбрежную даль замерзшего моря, *ultima Thule* древних географов и средневековых путешественников.

Элементы (компоненты) ледового культурного пространства

Во многих районах Арктики районы, используемые местными общинами в зимние месяцы, заметно увеличиваются за счет покрытых льдом акваторий. Как и участки природопользования на суше, такое ледовое пространство насыщено сетью местных названий, маркеров (ориентиров), традиционных мест встреч или отдыха, зон специфической деятельности. Для национальных общин, активно использующих морской лед, он становится культурно-обозначенной средой, с которой связана богатая устная традиция. Она включает личные истории и воспоминания, легенды, описания маршрутов, знания о продуктивных и, наоборот, опасных местах, и даже представления о сверхъестественных (вредоносных) существах, связанных со льдами.

Морской лед как особый вид культурного пространства обладает определенным набором компонентов. Одни из них – общие для известных ледовых ландшафтов; другие являются локальными в силу особенностей местной культуры и традиций использования льда. Некоторые ледовые культурные комплексы описаны весьма подробно (Уэлен, Чукотка; о-в Св. Лаврентия, Аляска; Уэльс, Аляска; Иглулик, Канада; зал. Унгава, Канада и др.), но в целом доступная база данных пока отрывочна и географически ограничена.

Народные терминологии

Коренные жители Севера – эскимосы, чукчи, ненцы, саамы, эвенки и другие народы по праву считаются экспертами в распознавании многочисленных форм и состояний льда и снежного покровов. Для большинства этих форм в местных языках имеются специальные термины. В языках и диалектах большинства эскимосских групп, живущих от Чукотки до Гренландии, имеются десятки слов для разных видов и состояний льда, а также связанных с ним явлений; суммарное число их, вероятно, не менее 100–120 [7; 8]. Народные терминологии включают многие характеристики льда: историю его формирования, безопасность для охотников, использование морскими животными и др., которые отсутствуют в научных классификациях, предназначенных для наблюдателей с кораблей, самолетов или береговых станций. Для них безопасность передвижения по льду обычно не имеет значения.

В ходе проекта СИКУ в 2007–2010 гг. были составлены или восстановлены по литературным источникам 30 местных словарей

народных терминов для льдов в общинах коренных жителей Арктики, включая пять терминологий, эскимосских и чукотских, на Чукотке (пос. Сиреники, бывший пос. Наукан, бывший пос. Унгазик/Старое Чаплино, пос. Уэлен и пос. Янракиннот [1; 9; 10]). Большинство из них включали рисунки и фотографии с названиями разных типов льдов и элементов ледового пространства (рис. 2).

Важность документации национальных терминологий форм льда и снега, а также названий ветров, течений, примет погоды и др. несомненна, поскольку эти терминологии показывают, какие *критерии* используют местные жители для различения своего ледового пространства. В отличие от научных классификаций типов льда, которые составлены для наблюдателей во всех полярных морях, в Арктике и в Антарктике, народные терминологии сильно различаются даже в близких диалектах, порой в соседних поселках в зависимости от специфики местных ледовых и погодных условий. Например, за исключением десятка основных эскимосских терминов (*сикю* – морской лед, *тувак* – припай, *кашымгу* – вал из ледяных брызг на берегу, *уву/иву* – торос, *кыну* – ледяное «сало», *анлю* – нерпичья лунка во льду и др.), известных от Чукотки до Гренландии, в каждой локальной классификации есть свой доминирующий блок названий в соответствии с местными условиями. Например, в языке юпик о. Св. Лаврентия больше 30 слов для различных видов плавучих льдов, а у эскимосов-инуиак пос. Уэнрайт – свыше 20 различных названий для ледовых торосов. Эскимосский диалект пос. Уткиагвик (Барроу) – самый богатый по числу слов для характеристики ледового припая (20 терминов), а в языке жителей пос. Уэльс более 15 терминов, относящихся к паковым льдам и их движениям [7; 8; 11]. Неповторимое богатство местных терминов и названий создает своеобразную «систему координат», с помощью которой коренные жители ориентируются в своем ледовом пространстве, могут наблюдать и передавать другим его особенности и опыт использования.

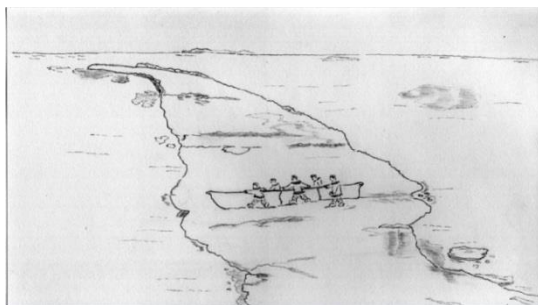

Рис. 2. *Тыкыгин* – острый ледяной мыс, выдающийся в море.
Из словаря ледовых терминов эскимосов пос. Сиреники, Чукотка.

(Составители А. Нутаугье, Н. Радунович).

Рисунок В. Енана (Богословская, Крупник. 2013, с. 81)

Географические названия

Как и в культурных ландшафтах на суше, когда люди используют одни и те же участки в течение многих лет, они присваивают им собственные названия, которые часто используются как ориентиры или элементы «мнемонического каркаса» культурного пространства. Такая система географических ориентиров из десятков топонимов на льду и на суше подробно описана у инуитских общин Канадской Арктики [12], но ее элементы прослеживаются и в других местах: у инуитов северной Аляски, чукчей в Уэлене, современных охотников селений Шишмарев на Аляске и Новое Чаплино на Чукотке, которые общаются уже преимущественно на английском или русском языках. К сожалению, связанные со льдом традиционные топонимы исчезают очень быстро с прекращением регулярных передвижений по льду или изменением самого льда.

Горизонтальное и вертикальное членение

Аборигенные охотники, которые регулярно выходят на лед, выделяют не только значимые для них физические элементы ледового пространства (припай, береговые торосы, кромку, открытые трещины и т.п.), но и специфические «зоны», то есть имеют отчетливое горизонтальное членение культурного пространства вокруг своих поселков. У инуитов общины Кангиксуалуйуак в Канадской Арктике имеются детальные представления об особых горизонтальных элементах ледового ландшафта (*ice scape units*), которые охотник пересекает, двигаясь с берега до кромки открытой воды – береговой вал из намерзшего мелкого льда (*qainnguq*), покрытый льдом участок приливной полосы (*sitjak* – рис. 3), пояс береговых торосов (*ittiniq* – рис. 4), относительно ровный припай (*tuvag*), который заканчивается кромкой (*sinaa*). Внутри каждой из этих «зон» имеются свои элементы более низкого порядка – трещины, лунки, разводья, межторосные пространства и т.п., каждое со своим специфическим названием [13; 14]. Можно полагать, что такие «горизонтальные» элементы ледового пространства имеются у всех групп, которые активно используют морской лед для охоты или передвижения.

Наши знания о *вертикальном* членении ледового пространства более отрывочны; само понимание того, что аборигенные охотники имеют *трехмерное* видение морского льда, пришло лишь недавно [15]. Описание этих вертикальных элементов, от кромки снега на поверхности льда до морского дна (со списком из примерно 20 терминов) имеется для общины Кангиксуалуйуак [14]; но очевидно, что близкие по типу термины присутствуют или бытовали в прошлом практически во всех северных общинах. Для людей, постоянно использующих лед, знания о его вертикальной структуре, толщине и прочности/хрупкости лежат в основе традиционных правил без-

опасности при охоте и передвижении. Они закреплены в народных терминологиях, правилах поведения, методах обучения молодых охотников и многочисленных личных историях.

Рис. 3. Замерзший участок прибрежной полосы, Гэмбелл, Аляска.
Фото И. Крупника, 2017.

Рис. 4. Пояс береговых торосов (*ууслек*), Гэмбелл, Аляска. Фото И. Крупника, 2008.

*Издавна сложившиеся маршруты
и искусственные модификации*

Во многих районах Арктики существуют специально проложенные тропы на льду и даже настоящие дороги, ежегодно создаваемые местными общинами для охоты и передвижения между поселками. Они поддерживаются, обновляются и, как аналогичные образования на суше, обычно имеют названия и людей, ответственных за их поддержание. Подробнее всего описаны «ледовые дороги китобоев» (*whalers' trails*), которые ежегодно прокладывают весной на севере Аляски от поселков через зону припая до кромки открытой воды или ледовых трещин (разводьев) между припаем и паковым льдом. Из поселков на кромку на мотонартах, а прежде на собаках, перевозят лодки, палатки, снаряжение для устройства лагеря, охоты и разделки китов.

В поселке Уткиагвик (Барроу) ежегодно прокладывают 8–12 таких «дорог» [16] длиной до 10–15 км. Они требуют больших усилий для выравнивания поверхности льда вдоль всей трассы и особенно для прорубания прохода через полосу береговых торосов. Некоторые бригады предпочитают ежегодно охотиться на припайном льду примерно в одном месте; следовательно, маршрут «дороги» от дома бригадира до сезонного лагеря на кромке в целом повторяется.

«Санные ледовые дороги» (*icetrails*) инуитов Канадской Арктики обычно не требуют специального строительства, помимо изначальной прокладки маршрута; но они устойчиво повторяются из года в год, пересекая бухты и проливы и избегая известные охотникам опасные участки. Такие дороги, со своими приметам, географическими названиями, устойчивыми ориентирами на суше и на льду составляют важную часть ледового культурного пространства местных общин и существуют многие сотни лет (см. ниже).

Менее устойчивыми являлись места сезонных «ледовых причалов» перед поселками, временных лагерей на кромке или участки разделки добытых животных (рис. 5, 6). Создание и поддержание этих элементов культурного ландшафта на льду требует усилий десятков, порой сотен человек. В главном инуитском китобойном центре Уткиагвик (Барроу) на лед весной выходит несколько десятков бригад, то есть 100–150 охотников. Ежегодно, не менее 10–15 добытых китов вытаскиваются на кромку и здесь же разделяются. Помогать в вытаскивании и разделке убитого кита на припаяе приезжает несколько сотен человек. Во многих поселках часто все взрослое население выходит на лед для охоты на нерпу в лунках, рыбалки, добычи асцидий, что приводит к ежегодно повторяющимся модификациям естественного ледового пространства.

Рис. 5. Охотники о-ва Св. Лаврентия спускают в воду байдару по специальному «причалу», прорубленному в береговых торосах. Подготовка и поддержание таких «причалов» требует постоянных коллективных усилий. Фото Дж. Карлтона Рэя.

Рис. 6. Разделка кита на льду в Барроу (Уткигвик)

Опасные («плохие») участки

Важным элементом ледового культурного ландшафта являются его «опасные участки», хорошо известные местному населению – ежегодно образующиеся ледовые трещины [17], полыньи, места регулярного взлома и отрыва припая, участки с сильными подледными течениями. Сведения о них передаются из поколения в поколение, как и рассказы о случаях уноса охотников на дрейфующих льдах [18; 19].

Помимо мест, представляющих физическую опасность из-за особых условий, в культурном ледовом пространстве имеются участки, опасные с ритуальной точки зрения. По представлениям коренных жителей Арктики, в море и на льду (подо льдом) помимо людей и морских животных обитает большое количество мифологических или сверхъестественных существ, дружеских или, наоборот, вредоносных для человека. Наиболее полно такие представления описаны у инуитов Кангиксуалуйуака в Канадской Арктике [13; 14]. Согласно их воззрениям, в ледовом пространстве обитают множество опасных для человека существ: покрытые перьями *митилит*, которые охотятся как люди на тюленей; злобные духи *туурнгайт*; маленькие существа-человечки, *инугагуллит*, которые конкурируют с людьми за морскую добычу; *Силлегиксарттой*, мужской дух, который регулирует погоду; а также *Нанукуллюк*, гигантский белый медведь, создающий волны, когда он ступает по льду. На Аляске, у инуитов поселка Шишмарев записаны рассказы о живущих на льду женщинах-русалках, *кунунигайт*, которых принято не замечать и обходить стороной [20]. С расширением наших знаний об аборигенных знаниях, связанных со льдом, объём таких сведений, несомненно, увеличится.

Устойчиво передаваемые знания

Важнейшим элементом любого льда как культурного ландшафта являются коллективные (общинные) и индивидуальные знания об особенностях использования и степени безопасности, точнее, опасности различных участков ледового пространства. Эти знания устойчиво накапливаются и передаются поколениями охотников с помощью устоявшихся форм обучения (этнопедагогики): устных историй, наблюдений за поведением старших; менторством опытных охотников и личного опыта.

Культурные ледовые пространства могут возникать всюду, где люди длительное время используют лед – например, в местах ежегодной охоты на тюленей русскими поморами, шведскими или ньюфаундлендскими рыбаками. Участники ранних арктических плаваний или зимовщики на дрейфующих полярных станциях создавали «культурное» пространство вокруг своих ледовых стоянок и замерзших кораблей. Но такие культурные знания – кратковременны и не передаются следующим поколениям, то есть эти пространства исчезают с таянием льда или уходом людей и не сохраняются.

Древность ледовых культурных ландшафтов

Использование исторических документов, фотографий, воспоминания старейшин показывают, что люди обычно осваивают те же типы льда, часто в одних местах на протяжении многих поколений. В этом отношении ледовые культурные пространства сопоставимы с культурными ландшафтами на суше, с той разницей, что их физические следы исчезают и восстанавливаются каждый год.

Соответственно, ледовый культурный ландшафт имеет свою хронологию и историю, порой исчисляемую многими сотнями лет. Основные термины для главных видов морского льда (*тувак'/туак'* – припай; *сикул/сигулиак'* – молодой лед; *кайымгу/к'аимгук'* – ледовый вал на берегу от намерзших брызг; *к'ьну/к'ину* – новообразующийся лед, «сало» – см. выше) – общие во всех эскимосских языках и, значит, они существуют как минимум 1500–2000 лет.

Традиционные санные пути по льду («ледовые дороги»), связывающие инуитские поселки в Канадской Арктике, используются на протяжении многих поколений. Сравнив ранние карты полярных путешественников XIX–XX вв., ученые установили, что местные инуиты возили их теми же маршрутами, что они используют в наши дни; следовательно, система эскимосских санных путей по льду в Канадской Арктике сложилась много сот лет назад [12, с. 141–143]. Похожая система зимних «ледовых дорог» существовала и на Чукотке. Местные проводники возили участников английской экспедиции на судне «Пlover» по льду пролива Сенявина в 1849 г. тем же маршрутом, что использовался для перевозки грузов из бухты Провидения на север Чукотки в XX в. [17, с. 186].

Многие физические элементы ледового пространства устойчиво формируются каждый год и получили собственные названия в местных языках (что косвенно свидетельствует об их древности). Например, большая сезонная полынья между побережьем юго-восточной Чукотки и северо-западной оконечностью американского о-ва Св. Лаврентия называется *Келъиг'нык'* в языке эскимосов о-ва Лаврентия [21]. В проливах и бухтах Чукотки описаны многолетние ледовые трещины, которые появляются в одних и тех же местах каждый год и хорошо известны местным жителям как «опасные зоны» [17]. Знания о ледовом режиме, ледовых «течениях» и больших циклах циркуляции льдов безусловно были известны местным охотникам с давнего времени и передавались из поколения в поколение.

Динамика

Морской лед – одна из наиболее динамичных природных систем, очень быстро реагирующая на изменения климата. В результате современного потепления Арктики происходит постоянное сокращение

акваторий, занятых морскими льдами. Меняется соотношение между льдами разных типов, особенно быстро уменьшается площадь многолетних паковых льдов.

Исследователи климата сходятся в том, что в последние десятилетия Арктика теплеет вдвое быстрее, чем большинство других регионов планеты [22]. Полярные льды оказались очень чувствительны к изменениям температуры, атмосферной и океанической циркуляции в высоких широтах. По прогнозам специалистов-климатологов, к середине XXI столетия в Арктике может вообще не остаться многолетних льдов и в летние месяцы все акватория Северного Ледовитого океана будет свободна ото льда.

Еще быстрее могут меняться региональные ледовые системы, которые зависят от продолжительности ледового покрова и преобладающих типов льда. На севере Чукотки осеннее установление льда в прибрежной акватории в среднем происходит сейчас на 4–8 недель позже, чем в 1950–1960-е гг., а в северной части Берингова моря – даже на 8–10 недель позже [23]. Весеннее вскрытие льда также повсеместно сдвинулось на более ранние сроки, так что период с устойчивым ледовым покровом занимает всего 2–4 месяца. Соответственно, местные жители вынуждены менять свой сезонный цикл использования ледового пространства – что и наблюдается сейчас во многих поселках Чукотки и на Аляске.

Со времени проекта СИКУ (2007–2010) практически исчезла сезонная полынья, *Келъиг'нык* между побережьем юго-восточной Чукотки и о-вом Св. Лаврентия. С ней были связаны особые народные знания и методы охоты на моржей на дрейфующих льдах. Из ледового пространства, благоприятного для сезонной охоты на моржей, полынья стала источником штормов и неустойчивой погоды; теперь ее стараются избегать как охотники, так и морские животные. Столь быстрая смена «знака» ледового пространства произошла всего за десять лет.

Исследования последних лет показали также *социальную* уязвимость (хрупкость) аборигенных ледовых культурных комплексов. Культурная информация о льдах исчезает или не передается с изменением ценностей молодого поколения, переселением жителей из малых поселков в крупные центры. В поселках, где живы формы аборигенного природопользования – охота, рыболовство, собирательство продуктов моря – сохраняется, пусть и в измененном виде, представление о морском льде как культурно значимом пространстве. Даже там, где среднее и младшее поколения коренных жителей перешли на русский язык, сохраняются традиционные формы использования льда и добавляются новые, например, зимний лов асцидий в лунках и трещинах [17]. Значит, сохраняются знания, личные истории, названия, правила безопасности и ориентации, другие элементы культурного пространства.

Во многих северных поселках опытные охотники и старейшины в тонкости знают «свои» ледовые экосистемы, используют унаследованные от предков терминологии льда и снега, помнят народные приметы и правила безопасности при охоте и передвижении по льду (рис. 7). Напротив, младшее и среднее поколение коренных жителей уже часто не пользуются традиционными народными терминами, заменяя их русскими эквивалентами (или английскими на Аляске). Хотя «культурный перевод» народной терминологии – обычное явление, с переходом на другой язык сокращается объем передаваемой информации, «утончаются» традиционные терминологии для видов льда, снега и, соответственно уменьшается точность наблюдений за погодой и льдами. На азиатской стороне Берингова пролива молодое и среднее поколения эскимосов помнят лишь несколько традиционных терминов для льда из более чем 100, которые использовали их отцы и деды.

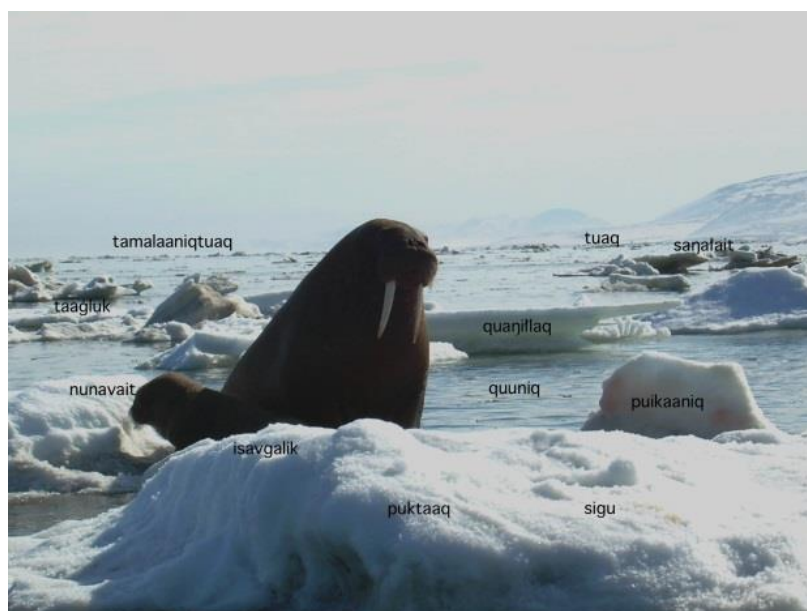

Рис. 7. Опытные охотники могут назвать и описать множество разновидностей льда на родном языке, даже на ограниченном пространстве – как на этой фотографии, снятой в мае 2007 г. недалеко от пос. Уэльс на Аляске.

(Фото и подписи Уинтона Уьяпука – *Weyaruk and Krupnik* 2012. С. 54).

Такая нарастающая «дифференциация» ледового культурного пространства между поколениями была описана в инуитском поселке Кангиксуалуйюак в Канадской Арктике. Ее можно проиллюстрировать на условном примере трех охотников разного возраста, выезжающих на лед [14, перевод – И.К.].

«Каждое поколение имеет свою интерпретацию ледового пространства. Когда старший охотник выходит на лед вместе со своим сыном и внуком для охоты на нерпу на кромке (*sinaa*), все они имеют разное видение своего путешествия. Они одновременно отметят, как перешли с бе-

рега на морской лед, преодолели полосу береговых торосов (*ittinniq*) и вышли на ровный припайный лед (*tuvaq*). Но дальше они будут ориентироваться по-разному: старший и средний охотники по известным им приметам на льду, младший – по *GPS*, установленном на его снегоходе. При движении по припаю, охотники также по-разному воспримут его элементы и приметные навигационные знаки – острые вертикальные торосы (*napakkutait*) и вертикальные «стенки» из льда (*akinnaq*).

Точно также, оказавшись на кромке, только старший охотник может описать инуитскими терминами все многообразие ледовых форм и условий, например, назвать небольшие плавающие айсберги (*apurtaniq*) или элементы поверхности моря до горизонта. Его сын и внук в принципе не могут описать ледовое пространство за кромкой, поскольку их знания и ориентиры привязаны к берегу. Старейшина может также рассказать десятки историй, связанных с охотой и поведением на льду – из своего опыта или из жизни известных ему людей, включая встречи с опасными сверхъестественными существами (см. выше – *И.К.*). Если вся передача знаний будет доверена его сыну, тот сможет передать лишь треть инуитских терминов, связанных с ледовым пространством и самые известные истории (или даже их элементы)».

Документирование знаний, связанных с использованием ледового пространства – историческим и современным, показывает хрупкость культурного наследия и необходимость его поддержки за счет образовательных программ и, особенно *непрерывной передачи традиции от поколения к поколению*. Без таких усилий уже к середине XXI в. богатые народные знания об использовании ледовых пространств Арктики будут разительно отличаться от современных, а многие их элементы могут быть утрачены.

Охрана ледовых культурных ландшафтов

Изучение народных знаний о льдах и ледовом культурном пространстве только начинается, а вопрос о его охране до недавнего времени вообще не ставился. В предыдущей публикации [2, с. 21–22] я отметил, что важнейшим шагом должно стать *признание* морского льда как важного (культурно значимого) элемента культурного наследия коренных жителей Севера. Необходимо изменить сам взгляд на лед как «белую пустыню», замерзшую морскую воду, часть акватории, труднодоступную или сезонно не пригодную для судоходства.

Следующим этапом будет *закрепление* преимущественного использования (экономического суверенитета) местными общинами определенных участков морских льдов, значимых для их хозяйственной деятельности. Это особенно важно в связи с расширением полярной навигации, коммерческого туризма, активным освоением нефтяных и газовых ресурсов Арктики. С продолжающимся потеплением

и отступлением морских льдов новые судоходные трассы вскоре пройдут вдоль побережий и через ледовые пространства, используемые местными жителями. Это может создать основу для конфликтов и прямую угрозу для культурного наследия.

Эти слова оказались пророческими. В 2012 г., выступая на международной конференции “*Arctic Futures*”, один из лидеров канадских инуитов Дюэйн Смит выразил растущую обеспокоенность будущим морского льда в Арктике. «Почему в период потепления и уменьшения льда вы продолжаете взламывать его кораблями и ледоколами, тем самым ускоряете его таяние?» – спрашивал Смит. «Мы, инуиты, знаем, что однажды взломанный лед остается слабым и неустойчивым и быстрее тает летом. Вместо того, чтобы охранять лед (!), вы отправляете корабли вглубь Арктики, то есть приближаете его конец. Вы делаете нашу жизнь все более трудной».

В январе 2013 г. Инуитский Циркумполярный Совет (*ICC – Inuit Circumpolar Council*) создал специальную группу под названием *Pikialasorsuaq Commission*. Задачей комиссии стала разработка проекта новой охраняемой территории, экологически и культурно значимой для инуитов Канады и Гренландии под названием «Северная Вода» (*The North Water, Pikialasorsuaq* на языке гренландских инуитов), на стыке северо-западной Гренландии и островов Канадской Арктики (<http://pikialasorsuaq.org/en/>). Здесь располагается самая большая в Арктике полынья, которая служит местом обитания морских млекопитающих (моржей, нарвалов, тюленей, гладких китов), птиц и морских беспозвоночных. Помимо своих биологических ресурсов, район «Северной Воды» на протяжении 4 тыс. лет служил «мостом» для аборигенных переселенцев из Канадской Арктики в Гренландию и обратно. Через него шли все культурные контакты жителей Гренландии с остальными эскимосами.

В ноябре 2017 г. комиссия издала 120-страничный отчет на трех языках – английском, канадском инуктитут и гренландском калаалисут, «Люди ледяного моста: Будущее Пикиаласорсуака» [24]. В отчете подчеркивалась решающая экологическая и культурная роль «Северной воды» для поддержания культуры инуитов и выдвигались рекомендации по охране и освоению этого региона, в частности создание особого «режима использования», который будет регулироваться инуитскими общинами региона «Северной воды». Предлагалось также создать особо охраняемую территорию (акваторию), которая включала бы саму полынью и прилегающую «зону освоения», отражающую исторические связи местных общин с полыньей и ее природными ресурсами. Охраняемая акватория и «зона освоения» будут контролироваться самими инуитами по договоренности с местными администрациями и правительствами Гренландии, Дании и Канады.

Важно подчеркнуть, что главная цель Комиссии Пикиаласорсуак – не создание еще одной охраняемой природной акватории, а поддержание определенного режима связей между льдом, акваторией и местными общинами, который бы гарантировал устойчивость этих связей в условиях потепления Арктики и очевидной угрозы существованию полярности. Комиссия впервые заявила о приоритете интересов коренных жителей в охране морского льда (или локального ледового режима).

Такая новая задача XXI века неизбежно встанет в будущем и в других районах Арктики, в том числе на Российском Севере. С увеличением навигации по Северному морскому пути ледокольные и транспортные суда, включая гигантские танкеры с жидким газом с Ямала, будут систематически взламывать льды вдоль побережья Российской Арктики и в Беринговом проливе, тем самым влияя на ледовые пространства, традиционно используемые местным населением.

Как изучать ледовые культурные ландшафты

Для неискушенного глаза всякий лед выглядит (почти) одинаково. Для пользователей ледового культурного пространства их лед – всегда особый, непохожий на другой. Для них это книга из множества страниц и текстов, которую они свободно читают «с листа». Так участки с высоким уровнем культурной информации вокруг мест охоты, вдоль ледовых санных дорог или вблизи поселков складываются в сложные пространственные системы.

Эскимосы-нетсилик в Канадской Арктике традиционно устраивали свои зимние поселки из снежных хижин-иглу на льду и жили там в течение трех-четырёх месяцев [25]. На суше пребывание в одном месте множества людей всегда оставляет следы – остатки животных, орудий труда, изменения почвы и растительности, а значит и шанс для будущих археологов. На льду такие следы исчезают бесследно или накапливаются на дне моря – пока непосильная цель для современной северной археологии. Поэтому для изучения деятельности человека на льду мы можем полагаться в основном на человеческую память, исторические свидетельства и видео-документацию.

Следовательно, ледовые культурные пространства в еще большей степени, чем культурные ландшафты на суше, должны изучаться «снизу вверх», то есть, начиная с локального (общинного) уровня. Их понимание в принципе невозможно без сотрудничества с людьми, кто осваивает эти ледовые пространства или помнит, как это делали их предки. Описание, картографирование и оценку ледовых культурных ландшафтов нужно вести, опираясь, прежде всего, на народные знания, поскольку у нас мало других надежных источников.

Документирование народных знаний

Все это говорит о новой задаче – документировании народных знаний о морском льде как элементе национального культурного наследия. Такая работа предусматривает сбор и запись знаний о морских льдах от старейшин, опытных охотников, других экспертов из числа коренных жителей, желательно на их национальных языках. Эти материалы могут затем использоваться для издания книг, буклетов, словарей и компьютерных дисков, программ культурного наследия и традиционного природопользования для местных общин, школ и культурных организаций коренных жителей. Во многих районах, где национальные языки и народные экологические знания находятся в угрожаемом состоянии, такие образовательные программы могут стать важным фактором поддержания культурного наследия – традиционных терминов для льда, местных географических названий на родных языках, правил безопасности при охоте и передвижении, методов наблюдения за льдом и погодой. Сходную роль могут играть популярные издания для пропаганды народных знаний для некоренных жителей Севера, туристов и широкой публики.

Специальной задачей должно стать *картографирование* использования морских льдов жителями Севера, по образцу картографирования земель традиционного природопользования, то есть документирование картографическими методами аборигенных санных путей и маршрутов, географических названий, участков льда, используемых конкретными общинами, и прочих деталей, хорошо знакомых местным жителям [12].

Такая работа была начата в 2006–2007 гг. [12] и затем продолжена в рамках проекта «Северо-Западный морской путь и создание инуитской пан-арктической идентичности» (*The Northwest Passage and the construction of Inuit pan-Arctic identities*) под руководством канадских культурных географов К. Апорта и М.Браво и специалиста по картографической информатике Ф. Тэйлора. Она привела к созданию в 2014 г. электронного атласа «Инуитских санных путей» (Inuit Trail Atlas <http://www.paninuittrails.org/index.html>). В результате была создана уникальная историческая база данных об использовании инуитами канадской Территории Нунавут морских побережий и льдов, включая местные географические названия, со времени первых европейских документальных свидетельств 1820-х гг. и даже более раннего периода.

Атлас «инуитских санных путей» показал перспективность картографирования аборигенных ледовых пространств, а также возможное применение этих знаний, в том числе и в политических дискуссиях о приоритете использования инуитами льдов Арктики и суверенитете полярных акваторий.

Заключение

Изучение ледовых культурных ландшафтов выглядит как идеальная область для соединения научных и народных знаний о состоянии природы и культуры Арктики. Знания ученых, полученные со спутников, самолетов, ледоколов или полярных станций (с помощью сложных приборов, ежедневных наблюдений и компьютерного моделирования), применимы в основном на планетарном, циркумполярном, или региональном уровнях. Но как только нам надо перейти на *локальный* уровень, то есть оценить изменение ледового пространства вокруг конкретных поселков или вдоль отдельных частей побережья, глаза и опыт людей, которые осваивали этот лед в течение многих поколений, оказываются незаменимыми.

Наблюдения и сведения коренных жителей о льдах Арктики должны быть введены в современную науку об изучении изменений климата, океанологию, морскую биологию, инженерные дисциплины. Чем больше ученых будут знакомы с богатством этих знаний, тем более эффективную поддержку может оказать научное сообщество в деле документации и сохранения ледовых культурных ландшафтов жителей Арктики.

Благодарность. Решающую роль в зарождении изложенных в этой статье идей сыграло мое сотрудничество с Л.С. Богословской (1937–2015); нас связывали десятилетия совместной работы, полевых исследований в Арктике и руководство российской частью проекта СИКУ в 2007–2013 гг. Я искренне признателен всем участникам проекта СИКУ и, особенно, жителям Чукотки и Аляски, которые помогли наполнить содержанием первоначальный взгляд на морской лед как элемент культурно-природного наследия. Особых слов благодарности заслуживают сотрудники «Веденинского» Института наследия, создавшие замечательную творческую обстановку (увы, уже ушедшую), где такие идеи только и могли рождаться.

Литература

1. Богословская Л.С., Крупник И.И. (ред., сост.). Наши льды, снега и ветры. Народные и научные знания о ледовых ландшафтах и климате Восточной Чукотки. Москва–Вашингтон: Институт наследия, 2013. 359 с.
2. Крупник И.И. Морские льды как культурный и природный ландшафт. Об изучении ледовых культурных ландшафтов // Наши льды, снега и ветры. Народные и научные знания о ледовых ландшафтах и климате Восточной Чукотки. Богословская Л.С., Крупник И.И. (ред., сост.). Москва–Вашингтон: Институт наследия, 2013. С. 10–11, 18–23.
3. Веденин Ю.А. Проблемы формирования культурного ландшафта и его изучения // Известия АН СССР. Серия геогр., 1990. № 1. С. 3–17.
4. Веденин Ю.А., Кулешова М.Е. (ред., сост.). Культурный ландшафт как объект наследия. М–СПб: Дмитрий Буланин, 2004.

5. Кулешова М.Е., Стрелецкий В.Н. Формирование и эволюция представлений о культурном ландшафте // В фокусе наследия. М.Е. Кулешова (ред., сост.). М.: Институт географии РАН, 2017. С. 313–329.

6. Maurstad A. Cultural Seascapes: Preserving Local Fishermen's Knowledge in Northern Norway // Northern Ethnographic Landscapes. Perspectives from Circumpolar Nations / I. Krupnik, R. Mason, and T. Horton, eds., comps. / Contributions to Circumpolar Anthropology 5. Washington DC: Arctic Studies Center, 2004. P. 277–297.

7. Krupnik I. How many Eskimo words for ice? Collecting Inuit sea ice terminologies in the International Polar Year 2007–2008 // The Canadian Geographer/Le Géographe Canadien. 55(1), 2011. P. 55–68.

8. Weypuk, W., Jr. and I. Krupnik, comps. Kingikmi Sigum Qanuq Ilitaavut / Wales Inupiaq Sea Ice Dictionary // Washington DC: Arctic Studies Center, 2012.

9. Крупник И.И., Богословская Л.С., Альпыргин Б.И., Добриева Е.А. Науканский «ледовый словарь»: к реконструкции ледового культурного ландшафта // Acta Linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований. Т. IX, ч. 3. СПб: Наука, 2013. С. 168–189.

10. Крупник И.И., Богословская Л.С., Вдовин Б.И., Голбцева В.В., Калюжина Н.И., Нувано В.Н. К итогам проекта СИКУ на Восточной Чукотке в 2007–2013 гг. Роль народных знаний в эпоху «глобальных изменений» // Экологическое планирование и управление 2(15), 2014. С. 72–88.

11. Oozeva C., Noongwook C., Noongwook G., Alowa C., and I. Krupnik. Watching Ice and Weather Our Way / Sikumengllu Eslamengllu Esghapalleghput. Washington, DC: Arctic Studies Center, 2004.

12. Aporta C. The trail as home: Inuit and their pan-Arctic network of routes // Human Ecology 37(2), 2009. P. 6–19.

13. Heyes S.A. Inuit Knowledge and Perceptions of the Land-Water Interface/ Ph.D. diss. McGill University <https://minerva-access.unimelb.edu.au/handle/11343/39421> (8 июля 2018).

14. Heyes S.A. Cracks in the Knowledge: sea ice terms in Kangiksualujuaq, Nunavik // The Canadian Geographer/Le Géographe Canadien 55(1), 2011. P. 69–90.

15. Norton D.W. 2002. Coastal Sea Ice Watch: Private confessions of a convert to indigenous knowledge // The Earth Is Faster Now: Indigenous Observations of Arctic Environmental Change. I. Krupnik and D. Jolly, eds. Fairbanks: ARCUS. P. 127–155.

16. Druckenmiller M.L., Eicken H., George J.C., and L. Brower. Trails to the whale: reflections of change and choice on an Inupiat icescape at Barrow, Alaska // Polar Geography, 2013. 36:1-2. P. 5–29.

17. Калюжина Н.И., Боровик А.Г., Апалю А.А. Многолетние стационарные ледовые трещины у берегов юго-восточной Чукотки (Наблюдения за традиционным использованием ледового пространства) // Лицом к морю. Памяти Людмилы Богословской. И. Крупник, ред., сост. М: Август Борг, 2016. С.175–190.

18. Голбцева В. Ледовый словарь морских охотников села Уэлен (чукотский язык, восточный говор) // Наши льды, снега и ветры. Народные и научные знания о ледовых ландшафтах и климате Восточной Чукотки. Богословская Л.С., Крупник И.И. (ред., сост.). Москва–Вашингтон: Институт наследия, 2013. С. 172–193.

19. Крупник И.И. Пусть говорят наши старики. Рассказы азиатских эскимосов-юпик (Записи 1975–1990 гг.) / М.: Институт Наследия, 2000.

20. Wisniewski J. Knowings about Sigu: Kigiqtaamiut Hunting as an Experienced Pedagogy // SIKU: Knowing Our Ice. Krupnik I., Aporta C., Gearheard S., Laidler G.J., and L. Kielsen Holm, eds. Dordrecht: Springer, 2010. P. 275–294.

21. Krupnik I., Apangalook L., Apangalook P. “It's Cold, but Not Cold Enough”: Observing Ice and Climate Change in Gambell, Alaska, in IPY 2007–2008 and Beyond // SIKU: Knowing Our Ice. Documenting Inuit Sea Ice Knowledge and Use. Krupnik I., and all. Eds. Dordrecht, Springer, 2010. P. 81–114.

22. Larsen J.N., O.A. Anisimov, A. Constable, A.B. Hollowed, N. Maynard, P. Prestrud, T.D. Prowse, and J.M.R. Stone. Polar regions. In: *Climate Change 2014: Impacts, Adaptation, and Vulnerability. Part B: Regional Aspects. Contribution of Working Group II to the Fifth Assessment Report of the Intergovernmental Panel on Climate Change*. Cambridge: Cambridge University Press, 2014. P. 1567–1612.

23. Вдовин Б.И. Изменение ледовых условий на морях, омывающих Чукотку // Наши льды, снега и ветры. Народные и научные знания о ледовых ландшафтах и климате Восточной Чукотки / Богословская Л.С., Крупник И.И. (ред., сост.). Москва–Вашингтон: Институт наследия, 2013. С. 287–299.

24. Eegeesiak Okalik, Aariak Eva, and Kuupik V. Kleist. *People of the Ice Bridge: The Future of the Pikialasorsuaq*. Report of the Pikialasorsuaq Commission, November 2017. Ottawa: Inuit Circumpolar Council Canada.

25. Balikci A. 1970. *The Netsilik Eskimo* // *Prospects Heights, Ill, Waveland Press, 2017.*

ARCTIC SEA ICE AS INDIGENOUS CULTURAL “SCAPE”

I. Krupnik

krupniki@si.edu

Smithsonian Institution, Washington, D.C., USA

Abstract. *The paper discusses a new category of cultural “scapes” – cultural icescapes built on frozen ice that is seasonally used by northern communities, primarily by Arctic indigenous people. The cultural “meaning” of ice is created by human presence and active use of sea ice for subsistence and transportation by adding layers of place names, indigenous terminologies, oral history, safety and navigation rules, ideas about dangerous places, and supernatural beings associated with the ice. This culturally-supported content of icescape disappears and is being recreated every year due to ice melt and new formation. The paper addresses the issues of documentation and protection of cultural icescapes created by polar indigenous peoples.*

Keywords: *sea ice, Arctic, cultural scape, indigenous knowledge, International Polar Year, project SIKU, culture change, indigenous terminologies.*

For citation: Krupnik I. Arctic sea ice as indigenous cultural “scape”. *Heritage and Modern Times*. 2018;1(4):73–94.

References

1. *Bogoslovskaya L.S., Krupnik I.I. (red., sost.). Nashi l`dy`, snega i vetry`. Narodny`e i nauchny`e znaniya o ledovy`x landshaftax i klimate Vostochnoj Chukotki*. Moskva–Vashington: Institut naslediya, 2013. 359 s.

2. *Krupnik I.I. Morskie l`dy` kak kul`turny`j i prirodny`j landshaft. Ob izuchenii ledovy`x kul`turny`x landshaftov* // *Nashi l`dy`, snega i vetry`. Narodny`e i nauchny`e znaniya o ledovy`x landshaftax i klimate Vostochnoj Chukotki*. Bogoslovskaya L.S., Krupnik I.I. (red., sost.). Moskva–Vashington: Institut naslediya, 2013. S. 10–11, 18–23.

3. *Vedenin Yu.A. Problemy` formirovaniya kul`turnogo landshafta i ego izucheniya* // *Izvestiya AN SSSR. Seriya geogr.*, 1990. № 1. S. 3–17.

4. *Vedenin Yu.A., Kuleshova M.E. (red., sost.). Kul`turny`j landshaft kak ob`ekt naslediya*. M-SPb: Dmitrij Bulanin, 2004.

5. *Kuleshova M.E., Streleczkij V.N. Formirovanie i e`voljuciya predstavlenij o kul`turnom landshafte* // *V fokuse naslediya*. M.E. Kuleshova (red., sost.). M.: Institut geografii RAN, 2017. S. 313–329.

6. *Maurstad A. Cultural Seascapes: Preserving Local Fishermen’s Knowledge in Northern Norway* // *Northern Ethnographic Landscapes. Perspectives from Circumpolar Nations* / I. Krupnik, R. Mason, and T. Horton, eds., comps. / *Contributions to Circumpolar Anthropology* 5. Washington DC: Arctic Studies Center, 2004. P. 277–297.

7. *Krupnik I.* How many Eskimo words for ice? Collecting Inuit sea ice terminologies in the International Polar Year 2007–2008 // *The Canadian Geographer/Le Géographe Canadien* 55(1), 2011. P. 55–68.

8. *Weyapuk W.*, Jr. and I. Krupnik, comps. *Kingikmi Sigum Qanuq Ilitaavut/Wales Inupiaq Sea Ice Dictionary* // Washington DC: Arctic Studies Center, 2012.

9. *Krupnik I.I.*, Bogoslovskaya L.S., Al'py`rgin B.I., Dobrieva E.A. Naukanskij «ledovy`j slovar`»: k rekonstrukcii ledovogo kul`turnogo landshafta// *Acta Linguistica Petropolitana. Trudy` Instituta lingvisticeskix issledovanij.* T. IX, ch. 3. SPb: Nauka, 2013. S. 168–189.

10. *Krupnik I.I.*, Bogoslovskaya L.S., Vdovin B.I., Golbceva V.V., Kalyuzhina N.I., Nuvano V.N. K itogam proekta SIKU na Vostochnoj Chukotke v 2007–2013 gg. Rol` narodny`x znaniy v e`poxu «global`ny`x izmenenij» // *E`kologicheskoe planirovanie i upravlenie* 2(15), 2014. S. 72–88.

11. *Oozeva C.*, Noongwook C., Noongwook G., Alowa C., and I. Krupnik. *Watching Ice and Weather Our Way/Sikumengllu Eslamengllu Esghapalleghput.* Washington, DC: Arctic Studies Center, 2004.

12. *Aporta S.* The trail as home: Inuit and their pan-Arctic network of routes // *Human Ecology* 37(2), 2009. P. 6–19.

13. *Heyes S.A.* Inuit Knowledge and Perceptions of the Land-Water Interface/ Ph.D. diss. McGill University <https://minerva-access.unimelb.edu.au/handle/11343/39421> (8 iyulya 2018).

14. *Heyes S.A.* Cracks in the Knowledge: sea ice terms in Kangiksualujuaq, Nunavik // *The Canadian Geographer/Le Géographe Canadien* 55(1), 2011. P. 69–90.

15. *Norton D.W.* 2002. Coastal Sea Ice Watch: Private confessions of a convert to indigenous knowledge // *The Earth Is Faster Now: Indigenous Observations of Arctic Environmental Change.* I. Krupnik and D. Jolly, eds. Fairbanks: ARCUS. P. 127–155.

16. *Druckenmiller M.L.*, Eicken H., George J.C., and L. Brower. Trails to the whale: reflections of change and choice on an Iñupiat icescape at Barrow, Alaska // *Polar Geography*, 2013. 36:1-2. P. 5–29.

17. *Kalyuzhina N.I.*, Borovik A.G., Apalyu A.A. Mnogoletnie stacionarny`e ledovy`e treshhiny` u beregov yugo-vostochnoj Chukotki (Nablyudeniya za tradicionny`m ispol`zovaniem ledovogo prostranstva) // *Liczom k moryu. Pamyati Lyudmily` Bogoslovskoj.* I. Krupnik, red., sost. M: Avgust Borg, 2016. S.175–190.

18. *Golbceva V.* Ledovy`j slovar` morskix oxotnikov sela Ue`len (chukotskij yazy`k, vostochny`j govor) // *Nashi l`dy`, snega i vetry`. Narodny`e i nauchny`e znaniya o ledovy`x landshaftax i klimate Vostochnoj Chukotki.* Bogoslovskaya L.S., Krupnik I.I. (red., sost.). Moskva–Vashington: Institut naslediya, 2013. S. 172–193.

19. *Krupnik I.I.* Pust` govoryat nashi stariki. Rasskazy` aziatskix e`skimosov-yupik (Zapisi 1975–1990 gg.) / M.: Institut Naslediya, 2000.

20. *Wisniewski J.* Knowings about Sigu: Kigiqtaamiut Hunting as an Experienced Pedagogy // *SIKU: Knowing Our Ice.* Krupnik I., Aporta C., Gearheard S., Laidler G.J., and L. Kielsen Holm, eds. Dordrecht: Springer, 2010. P. 275–294.

21. *Krupnik I.*, *Apangalook L.*, *Apangalook P.* “It’s Cold, but Not Cold Enough”: Observing Ice and Climate Change in Gambell, Alaska, in *IPY 2007–2008 and Beyond* // *SIKU: Knowing Our Ice. Documenting Inuit Sea Ice Knowledge and Use.* Krupnik I., and all. Eds. Dordrecht, Springer, 2010. P. 81–114.

22. *Larsen J.N.*, O.A. Anisimov, A. Constable, A.B. Hollowed, N. Maynard, P. Prestrud, T.D. Prowse, and J.M.R. Stone. Polar regions. In: *Climate Change 2014: Impacts, Adaptation, and Vulnerability. Part B: Regional Aspects. Contribution of Working Group II to the Fifth Assessment Report of the Intergovernmental Panel on Climate Change.* Cambridge: Cambridge University Press, 2014. P. 1567–1612.

23. *Vdovin B.I.* Izmenenie ledovy`x uslovij na moryax, omy`vayushhix Chukotku // *Nashi l`dy`, snega i vetry`. Narodny`e i nauchny`e znaniya o ledovy`x landshaftax i klimate*

Vostochnoj Chukotki. Bogoslovskaya L.S., Krupnik I.I. (red., sost.). Moskva–Vashington: Institut naslediya, 2013. S. 287–299.

24. *Egeesiak* Okalik, Aariak Eva, and Kuupik V. Kleist. People of the Ice Bridge: The Future of the Pikialasorsuaq. Report of the Pikialasorsuaq Commission, November 2017. Ottawa: Inuit Circumpolar Council Canada.

25. *Balikci* A. 1970. The Netsilik Eskimo // Prospects Heights, Ill, Waveland Press, 2017.

Сведения об авторе

Крупник Игорь Ильич, кандидат исторических наук, доктор биологических наук, куратор арктических и северных этнографических коллекций Национального музея естественной истории Смитсоновского института, г. Вашингтон, США. Специалист по культурам и народным знаниям народов Арктики, аборигенным адаптациям и наблюдениям за изменениями климата.

E-mail: krupniki@si.edu

Author of the publication

Igor Krupnik, Ph.D. (Anthropology), Doctorate (Ecosystem Management), works as Arctic and Northern ethnology curator at the National Museum of Natural History, Smithsonian Institution, in Washington, DC, USA. He specializes in cultures and knowledge systems of Arctic people, indigenous adaptations, and observations of climate change.

E-mail: krupniki@si.edu

Дата поступления 19.12.2018

НЕУГАСИМАЯ РОДИНА: К ТЕМЕ ОБРАЗНОГО ВОСПРИЯТИЯ ЛАНДШАФТОВ

А.Г. Желамский

gelamskaja@mail.ru

д. Чернецово Псковской области, Россия

Аннотация. Автор на примере автобиографического «контура» (возвращение на малую родину в деревню из геологических «странствий», создание Музея пейзажного наследия «Окоём») поднимает проблему актуализации исторического наследия русской деревни, а именно пейзажных (ландшафтных) ценностей географического пространства, выявляет его (ландшафта) характерные ритмы на примере псковской земли. Метод построения топообразов земли, основанный на анализе рельефа и гидросети, предложен для целей ландшафтного проектирования.

Ключевые слова: псковский пейзаж, деревня, Музей пейзажного наследия, топообразы земель, культурный ландшафт, ритмы ландшафта.

Для цитирования: Желамский А.Г. Неугасимая Родина: к теме образного восприятия ландшафтов. *Наследие и современность = Heritage and Modern Times.* 2018;1(4):95-110.

Прошло более двадцати лет с тех пор, как автор этих строк вернулся на свою малую родину, в псковскую деревню, из долгих геологических «странствий». Расставание с Колымо-Индибирским водоразделом было тяжёлым, там прошло 15 романтических лет, посвящённых поискам россыпей золота. Молодые тогда геологи, мы были увлечены поисками самых валютных месторождений на просторах северных плоскогорий, хотя и называли золото «презренным жёлтым металлом».

После 15 лет добровольной «ссылки» хотелось перейти на другое поприще, тем более что проблема с поисками россыпей получила своё научное завершение – там, на Севере, я и стал кандидатом географических наук. Я думал тогда о Владивостоке – самом впечатляющем по моему убеждению городе России – и А.П. Капица, Председатель Президиума только что открытого Дальневосточного Научного Центра, согласился взять меня в создававшийся им Тихоокеанский институт географии («при условии забыть про россыпи», что совпадало с моим настроением). И всё же по каким-то неясным, почти мистическим причинам я взял авиабилет на Москву и приехал в деревню. Так в мою жизнь вошла тема странствий и возвращения на малую родину.

«Истинные путешественники» Шарля Бодлера «уходят, чтобы уйти», но нам – северянам-геологам был ближе Фритьоф Нансен, а он говорил: «Истинная прелесть путешествия – в возвращении» (наверно, когда есть куда и к чему возвращаться).

Ещё с послевоенного горестного детства в душе сохранились светлые воспоминания о деревенском образе жизни, постоянно погружавшем нас в пространство, полное смыслов и красоты. Эта память и подвигла в конце концов к возвращению и к пониманию, что деревня моя все эти годы тоже странствовала – подобно машинам на большой дороге она всё время «ехала» то в одно, то в другое «светлое будущее». Здесь, в деревне, я убедился, что тема ухода и возвращения – это не только моя личная драма, она является таковой для всех деревень, для всей современной Российской истории.

Музей пейзажного наследия «Окоём»

В итоге «вековечного» движения в «новый прекрасный мир» в моей деревне стёрты с лица земли почти все замечательные деяния наших предков. Глядя на это разорение, я решил открыть в деревне музей, и первым мотивом к этому послужило желание сохранить память о современной мне истории.

Музей был открыт 21 августа 1997 года. Думаю, в нём можно ощутить дыхание прошлого и поразмышлять о будущем, вспомнить некогда знатную деревню Чернецово в одноимённой волости, объединявшей 60 самобытных деревень. Глядя на старые фотографии, можно оценить великолепие построенного своими силами Чернецовского храма (остались руины), вспомнить об истории ныне закрытой школы – десятилетки, в которой «крепко учили», о свершениях земляков в годы войны, о расположенной рядом дворянской усадьбе Жуковских «Канашово», владельцы которой немало послужили России. Последний хозяин усадьбы А.Е. Жуковский много сделал для развития земства в Западном крае, для формирования, как он говорил, Общественного дела (в нынешнее время усадьба Канашово часто вспоминается в связи с пребыванием в ней поэтессы Серебряного века Аделаиды Герцик – родственницы Жуковских и ближайшей подруги Марины Цветаевой).

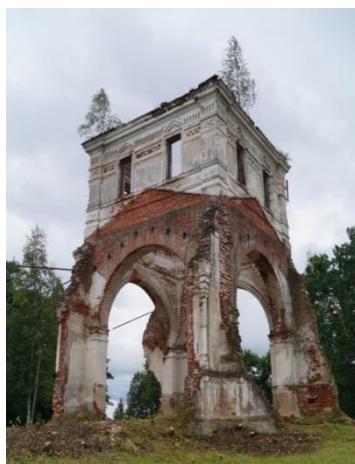
Музей разместился в одном из деревянных зданий бывшей школы (рис. 1). По внешности и размерам он отдалённо напоминает дом Осиповых-Вульф в Тригорском, но пребывает в «более скромном» состоянии. Внучке А.Е. Жуковского, Инне Алексеевне Жуковской, я обязан обретением таких сокровищ, как старые фотографии Чернецовской церкви, считавшейся красивейшим храмом Полоцкой епархии (рис. 2), видов Канашовского парка и усадебных построек начала XX века. Инна Алексеевна обладала богатым архивом, часто приезжала в деревню из Москвы и всячески поддерживала идею Музея.

Рис. 1. Музей пейзажного наследия «Окоём». Открыт 21 августа 1997 года

а)

б)

Рис. 2. Чернецовская церковь. Фото 1905 года (а) и современное (б)

В музейной экспозиции представлены портреты людей порубежного (XIX–XX вв.) поколения из семейных альбомов, фотографии участников Великой Отечественной войны – вернувшихся с фронта, погибших и пропавших без вести, а также жителей деревень, расстрелянных фашистами в годы оккупации (1941–1943 гг.). Есть стенд, посвящённый фронтовым подвигам земляков (по наградным листам), представлена фотолетопись Чернецовской школы (рис. 3).

В Музее есть своя этнографическая коллекция, где собраны предметы крестьянского труда и быта – конный плуг и соха, дедовская лодка – дубица (долблѣнка), колёса от линеек и верховушек (мужчины нашего края держали в старину, т.е. до колхозов, выездных рысаков и очень соперничали в этих пристрастиях), кирпичи местного производства с личным клеймом, ручные жернова, вышитые полотенца, ткацкие станки, прялки, предметы женского гардероба и крестьянского обихода. Есть стенд живых песен, записанных в нашем крае сотрудниками Ленинградской консерватории.

Рис. 3. Чернецовская школа. Открыта в 1905 году, закрыта в 2004 году

У нашего края, более двухсот лет бывшего «под Польшей», очень сложная история. В этом «плавильном котле» взаимодействовали русская, белорусская, польская, еврейская (на черте оседлости) культуры. Сохранились предания о так называемых «панцирных боярах», насаждавшихся здесь польскими королями, о казаках, переселённых сюда Екатериной Великой из донских куреней. Свидетельницей тех далёких времён стала недавно найденная в деревне (в окладе иконы) грамота Священного Синода с благодарением церковному старосте Чернецовской церкви «панцирному боярину Якову Сморыго», датированная 1873 годом. Тема истории подкрепляется картой поселений края в XVIII веке, фотографиями и картинами местных крестьянских усадеб довоенного времени и многими другими экспонатами. Обо всём этом рассказано в моей книге «Невечерний свет», изданной в 2013 г.

Несмотря на то, что в моей деревне 100 дворов и число их за прошедшие годы не уменьшилось (!), недавно в ней закрыли медпункт, клуб, библиотеку. От «идиотизма деревенской жизни» устремляясь к благам цивилизации, мы не озаботились укоренением и становлением жизни в данном нам «варианте природы». Из таких размышлений и «проросла» тема пейзажного наследия, которое стало важным направлением Музея. Он был зарегистрирован в 2007 году как частный Музей пейзажного наследия «Окоём» (вид местности, который открывается взгляду человека). В название Музея сознательно введено слово «пейзаж» – ведь именно с него начинается восприятие и познание природного и культурного наследия, как материальной и духовной ценности. Не последнюю роль в принятии такого решения сыграли и мои геолого-географические устремления. Мне не хотелось, чтобы Музей оставался лишь свидетелем конца истории.

Пейзаж здесь понимается как зрительно воспринимаемый вид местности, иногда – как «перцепция ландшафта». Но эти определения в силу своей научности как бы нейтральны к нашему чувственному восприятию пейзажа, не пробуждают личностного отношения к нему. И здесь на помощь географии приходят художественные образы. У Максимилиана Волошина нахожу самое лучшее определение пейзажа: «В пейзаже отражено всё, что пережито землёй ... Пейзаж – это лик родной земли, лицо матери. От созерцания этого лица в душе поднимается тоска, жалость, нежность, та надрывающаяся и безысходная любовь, с которой связано чувство Родины» [1]. Автор использует эти «подсказки» М. Волошина и другие примеры из русской поэзии при проведении музейных экскурсий. Можно с уверенностью сказать, что эта лирика помогает пробудить у гостей Музея, взрослых и детей, то, что называется родиночувствием.

Пейзаж может многое сказать об истории и строении земли – в пейзажном отделе Музея демонстрируются (в основном это авторские фотографии и живописные работы местных художников) наиболее выразительные пейзажи Псковской земли, России и мира (рис. 4, 5). Однако мой Музей – это не Музей пейзажной живописи и фотографии, а Музей пейзажного наследия, т.е. он нацелен на выявление ценностей пейзажа, сформировавшегося при естественном эволюционном развитии географического пространства.

Рис. 4. Дом Т.Д. Жгуна в д. Гатчино (ныне не существующей) Чернецовской волости.
Художник И.Т. Кошин 1937 год

О псковских пейзажах высказано много несовместимых оценок и мнений. Привычными стали слова о «скромности», «неяркости», «незаметности» и даже о «скорбности» нашей природы. Екатерина Великая отзывалась о Гдове, как о «скуку наводящих местах» и добавляла – «Только служебные обязанности могут завести кого-нибудь в Гдов». Как всегда, был оригинален Ф. Булгарин: «Самое пламенное воображение романтического поэта замёрзнет на пути из Пскова в Остров» [2].

Рис. 5. Пейзаж Чернецовья

Благодаря Псково-Печёрским книжникам до нас дошло «Слово о погибели Русской земли». Это произведение XIII (!) века живописует русскую землю в самых восторженных словах: «О светло-светлая и прекрасно украшенная Земля Русская!...»

Трудно понять, почему спустя почти пять веков после «Слова о погибели» – в XVIII–XIX веках наша элита заговорила вдруг об однообразии природы России. Достаточно вспомнить, что писал не последний представитель европейской культуры А. Мицкевич о дороге, по которой он ехал в Петербург: «По диким пространствам, / По снежной равнине / Летит мой возок, точно ветер в пустыне... / Ни города нет на пути, ни села. / От стужи природа сама умерла... / Чужая, глухая, нагая страна – / Бела, как пустая страница, она... / Лишь в Риме развалин замшелая гряда / Расскажет о варварах, шедших отсюда...» (кстати сказать, о Петербурге он написал не лучше – о его «каменных громадах» [3]).

В пейзажах России не было той неги, что в средиземноморской Италии, (которую Д. Веневитинов называл «отчизной красоты»), но не все русские поэты и не всегда воспевали края, «где негой дышит лес». А. Пушкина восхищали русские метели и дороги, М. Лермонтова трогали «разливы русских рек», «желтеющие нивы», не говоря уже об их предшественнике М.В. Ломоносове, который «открытым текстом» воспевал грандиозные замыслы русского пространства. Вот и Аделаида Герцык нашла выразительные слова для окрестностей имения Канашово в Невельском уезде – «неутомимые дали». И всё же в учёных кругах России, особенно среди историков, было укоренено представление об однообразии поверхности Русской равнины (об этом писали и В. Соловьёв, и В. Ключевский).

Уже упомянутый Ф. Булгарин [2], критически отозвавшийся о дороге Псков- Остров, восхищался Изборском: «Сюда, русские художники...!». Оценил он и живописность южных районов области, где, по его словам, «на каждых десяти верстах находятся виды и места вдесятеро красивее прославленной Ливонской Швейцарии». Нельзя не вспомнить слова К. Паустовского о псковском пейзаже: «Сколько ни ездил – нигде не было того щемящего чувства...» [4] и С. Коненкова: «Псковская земля. Мелколесье. Валуны. Голубые озёра льна. Поля созревающей ржи. Могучие камни <...> напоминают Васнецова – суровый пейзаж его богатырской заставы» [5]. Проникновенные слова о красках Шелони, о былой жизни на её берегах сказаны В. Вересаевым в рассказе «Лизар» – про то, «как темнеет вода в Шелони после сильных дождей», про «высокие избы с окнами на пятнадцатом венце», про праздник Троицы, когда «повсюду звучали девические песни и водились хороводы <...>, перебегал ветер по матово-зелёной ржи, <...> изнывала от избытка жизни природа...» [6].

Ритмы псковского пейзажа

Когда вы едете из Пскова на юг, в направлении Невеля и Великих Лук, дорога идёт сначала по ровной местности, являвшейся дном древнего Псковского озера, все возвышения над плоскостью которого были привечены людьми и поименованы горами (Снятная, Ланёва, Зряковская и другие «горы»). Они возвышаются над поверхностью былой озёрной равнины, как стражи, как береги этой земли.

Сразу за Псковом неожиданно и глубоко, как на дне колодца, промелькнёт черная излучина Черёхи. За деревней Дулово, у 325 километра от Петербурга, заметится подъём на клиф – береговой уступ Псковского озера. Далее до Острова вас окружают бескрайние волнистые дали с еле заметными ритмами полей¹, а на удалении – деревни на рёбрах лесных гряд.

От Острова в направлении Опочки идут тянучие, ленивые ритмы полей (особенно у Татищева и Новгородки). Даже тучи на небе тянутся как вялые ритмы полей на земле и никак не прольются дождями. Неожиданный «всплеск» рельефа в Горах и опять – бурые коровы, чёрные вековые избы...

За Опочкой земля возвышается. У Аристово, в Звонах и Маврино появляется тема высоких ритмов. Наконец, у Ночлегова неожиданно появятся крутые спуски и подъёмы на высокие, гористые гряды, укрытые корабельными лесами с их «вечереющей далью». Идут ритмы-горы. От Ночлегова до Киселей псковский пейзаж достигает наиболь-

¹ Ритмы полей, холмов, лесов – характерные упорядоченно повторяющиеся пространственные параметры угодий, тип их мозаичного рисунка, определяемые условиями рельефа, увлажнения, инсоляции и пр.

шей выразительности и силы. Здесь самый напряжённый, самый энергичный пейзаж, а дорога похожа на живописный коридор среди разбойных еловых лесов, под зацепившемся за высокие ели небом. А перед Пустошкой, у д. Красково, взор опять успокоят живописные ритмы мелких холмов с чёрными крышами деревень.

К востоку от Пустошки по старой дороге на Великие Луки нарастает контраст массивных материковых форм. У д. Рыкшино откроется почти горный пейзаж. Далее – у Маева резко заканчивается холмогорье и открываются Звонцы – почти горизонтальные водораздельные плато, окружённые гористой каймой. А с южной стороны Маева засветится сияющая гладь озера Спастер, зажатая в крутых берегах лесных «фьордов».

Дорога на Великие Луки пересекает Бежаницкую возвышенность – основную морфоструктурную композицию юга Псковской области, по подножию которой «легли» центры восьми (!) южных районов области (Новоржев, Бежаницы, Локня, Новоскольники, Невель, Пустошка, Опочка, Пушкинские горы).

Для центральной части Бежаницкой (Вязовской) возвышенности характерно ограждённое со всех сторон внутреннее плато с большими озёрами Ужо, Локново, Алё и другими. Эти озёра, расположенные на высоте 200–230 метров, являются без всякого преувеличения выдающимся подарком природы для Псковской области (такое же, может быть, еще более живописное водораздельное плато с озёрами встречаем и на Судомской возвышенности).

Большая часть Бежаницкой возвышенности составляет водосбор верхнего течения реки Великой. Это земля источников. В этих краях из сотен и тысяч ключей, болот и озёр наполняет Великая свои берега, чтобы предстать перед псковским Кремлём во всём своём горделивом молчании.

К западу от Пустошки, к Себежу, появляется утончённость, изысканность форм земной поверхности. Себежские пейзажи похожи на искусно выплетенное кружево из лесистых гряд и холмов, украшенное синими самоцветами озёр.

По дороге из Пустошки на Великие Луки через Невель идёт череда ритмов – чаша вверх – чаша вниз. На вершинах холмов ритмически расположились деревни. Замечается повышение и сгущение холмов у Логунова, Усть-Дольс, Бегунова, Невеля, Мартьянова, в Бутрах. В промежутках между ними – плоские чаши бывших озёр и болота. По горизонту идут чёрные острые гребни ближних и дальних лесов.

В окрестностях Великих Лук – открытые дали, сосновые боры и графически четкие линии берегов-уступов. Душой Великих Лук является «замужняя красавица Ловать» (из легенды о князе Ильмере,

очарованном Ловатью). Берега-обрывы Ловати напоминают времена её бурной молодости. И до сих пор отвоёвывает она своими верховьями водосбор Западной Двины, собирает родниковые воды из Полистовских болот, чтобы напитать ими усыхающий, старый Ильмень.

Если же мы, путешествуя по Псковской области, остановимся в пределах отдельных деревень и усадеб, то обнаружим мозаичную сложность изгорбленных полей, заметим дедовские канавы, приглаженные опушки и другие приметы многовекового принаравливания человека к данному судьбой «варианту природы». Они предстанут перед нами как свидетели минувшей эпохи с её поэтикой крестьянского земледельческого труда. Словом, по живописности своих пейзажей южные районы области могут быть названы краем вдохновляющих ресурсов.

Присматриваясь к псковским пейзажам, нельзя не заметить в них очень высокую «способность» к пробуждению ассоциаций с другими географическими регионами. Так, Звонцы Бежаницкой возвышенности, хотя и с десятикратным уменьшением, но напоминают сырты Тянь-Шаня и внутренние (ограждённые) плоскогорья горных систем Сибири и Азии. Они похожи и на горные пастбища-полонины Карпат, и на яйлу Крымских гор.

Особенно ассоциативен Себежский пейзаж. В нем нет особо крупных форм и явлений, но трудно встретить другой такой пейзаж, который пробуждал бы столько ассоциаций с подчас далёкими географическими странами. Белые пески Себежских озёрных пляжей напоминают морские косы и пересыпи. При взгляде в синие озёрные дали мерещатся дальневосточные берега, где «На рейде большом вдали / Светят огнями самые красивые корабли». А новая Себежская набережная «переносит» в южные приморские курорты.

Эта тема ассоциативности псковских пейзажей с другими географическими регионами серьёзно затрудняет понимание их собственной сути. И всё же можно сказать, что главная особенность псковских пейзажей – в их разнообразии и непостоянстве. Пейзажные виды изменяются здесь с каждым километром пути. В этой пестроте местоположений заключена главная «тайна» и притягательная сила земель нашего края. С этим разнообразием можно было бы связать большие надежды на будущее, но для этого надо научиться ценить то, что имеем.

«Возделывание» пейзажа

Земля псковская очень разнообразна, но это не хаос, в пейзажах края существуют свои ритмические повторы и закономерности, и это должно учитываться при землеустройстве. Ведь при передаче в собственность земельных участков передаются не только «недвижимые вещи» (как они названы в Земельном Кодексе, ст. 6), а место на земле,

с которым человек связан не только своим бытием, но и всей своей сущностью. Не случайно соотечественники, покинувшие Родину, грустили не о потерянной площади земельных угодий, а об исхоженном и оживотворённом их памятью месте на земле.

У тех, кто передаёт земельные участки, как и у тех, кто берёт их в свою собственность, должна быть мотивация на преобразование и улучшение избранного места. Но для этого надо всё-таки представлять, что подразумевает категория «земельный участок». География дала нам достаточно свидетельств того, что именно местоположение земельного участка определяет все его основные свойства и характеристики – почвенные особенности, водный режим, микроклимат, склонность к заболачиванию или разболачиванию, возможности улучшения. Географами разработаны учения о фито, био, гео-топах (топос – место), как о местах с различными условиями местопроизрастания и местообитания, предложены понятные и объективные способы выделения таких участков по топографическим картам и на местности. Без знания особенностей земельного участка не может быть его эффективного использования и преобразования.

Со времени земельной реформы 1990-х годов все заботы об особенностях местоположений и возделывании земли были переложены на плечи собственников земельных участков, но у крестьянина, только что вышедшего из колхозно-совхозной зависимости, не было никаких средств для обработки земли. Жителей деревни наказали дважды – во второй раз не слабее, чем в первый – при коллективизации у них отняли землю и средства производства, а теперь – не вернули. А ведь первые колхозы – не следовало бы об этом забывать – были созданы путём обобществления собственности крестьян. Когда мы говорим о неуспехе земельной реформы 1990-х годов, а это так и есть, то приходится признать, что государство российское не пришло на помощь крестьянам, жителям деревни, и тем же дачникам, которым выдавали бесплатно по 15 соток.

Землю недостаточно оценивать с позиций внешних юридических установлений. Ведь ни в земельном праве, ни в любой другой области права нет слов о главной задаче, о предназначении земли – развитии жизни в географическом пространстве Родины. Говоря о сельских территориях, «о селянах», мы сразу же переключаемся на производство сельхозпродукции. И переходим к созданию холдингов и мегаферм, полностью игнорируя при этом саму жизнь на этой земле. У нас окончательно (?) забыты представления о ценностях сельского образа жизни, в котором на первом плане всегда были радости и тяготы земледельческого труда, творческое содружество с природой.

Русский, в том числе Псковский пейзаж не защищён никакими нормами и правилами хозяйственной деятельности. У него нет статуса,

поэтому всякое вмешательство в природу начинается у нас с бульдозера, который сметает все неровности земной поверхности. Между тем искусство строительства, как и искусство землепользования заключаются в проектировании вместе с природой.

У каждого места на земле есть смыслы «по отношению к некоторому ещё не существующему бытию» [7]. Глядя с этих позиций на современное состояние пейзажей области, можно сказать, что они представляет сегодня пространство не осуществлённого бытия. Освоение и заселение псковских (и не только псковских) пейзажей – вот идея, которая внесла бы, наконец, смысл в существование человека на нашей земле.

Многообразие пейзажей должно повлиять на формы землепользования. И хотелось бы приблизить то время, когда приоритетом станет не обработка так называемых «земельных участков», а возделывание самого окружающего пейзажа (ландшафта), частью которого мы сами являемся, и уход за ним.

Топообразы земель

Русская история – это процесс освоения больших пространств. Своеобразие нашего пейзажа – ландшафта было открыто задолго до появления научных работ о нём. Поэтому всюду, куда ни посмотрим, увидим соприсродные формы расселения – по сухим возвышенным моренам в северо-западном крае, по высоким и сухим бровкам террас на Северной Двине, по прирусловым валам в степной зоне. «Стихийными геоморфологами» назвал геолог Б.Л. Личков основателей Московского государства, выбравших для него место «на высоком берегу Клязьминско-Окского полесья вне досягаемости со стороны степных кочевников» [8]. Народные названия местностей стали со временем научными понятиями – Полесья, Поозерья, Ополья. Особенно характерны для русского языка названия бесчисленных урочищ – Горки, Гороватки, Холмцы, Высокуши...

В перестроечные годы наши писатели и журналисты часто вспоминали о дедовских традициях землепользования – «надо знать эту землю так, как её знали наши деды и прадеды». Конечно, мы не знаем того, что знали наши деды, но всё-таки кое-что мы знаем лучше – у нас просто другие возможности. И эти знания могут внести смысл в систему землепользования. Как мелодии любимых нами песен вытекают из ритмики стихотворного текста, так и наши действия на земле должны быть продолжением и развитием заложенных в природе смыслов. Попытка раскрыть эти смыслы предпринята через составление топообразов земель, которые я назвал «архитектурными стилями» местностей, которые проявляются через пейзаж, через рельеф.

Так появились в Музее примеры топообразов по Псковской, Вологодской, Новгородской, Смоленской и другим областям, по Хабаровскому краю (долине Амура). Восстанавливая по топографическим картам архитектуру (соразмерное положение частей, соединённых в единое целое) Валдая (рис. 6), автор пришёл к выводу о том, что здесь обширное внутреннее плато со знаменитыми озерами («нарочито высокая плоскость» по определению С. Плещеева [9]), с зелеными мхами болот окружено, ограждено со всех сторон более высокими холмистыми грядами. Поднимаясь над внутренним плато на 25–50 метров это гористое обрамление «удержало» и ещё продолжает «держат» водные богатства Валдая. В этом видится главное своеобразие природного наследия Валдая. Оно не является вечным, так как это гористое обрамление со всех сторон уже «прорезано» Волгой, Западной Двиной, Полометью и Полой. Примерно такая же ситуация на других возвышенностях Северо-запада. В окружении холмов и сосновых боров ещё сохраняются вдохновляющие поозёрные пейзажи Псковской, Новгородской, Тверской, Вологодской областей – это типичный Валдайский тип местностей (по-народному – «Бабы горы»).

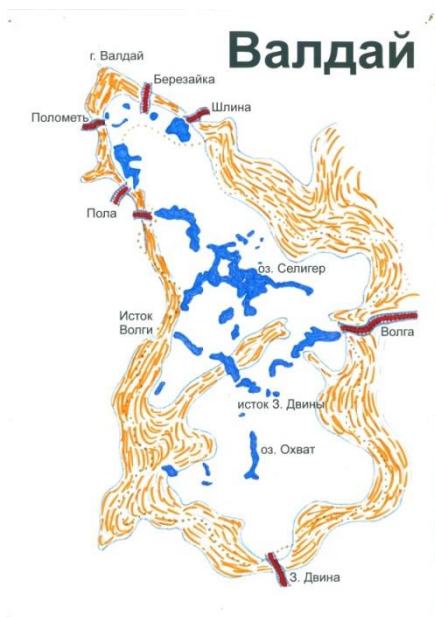

Рис. 6. Архитектура Валдая

В процессе освоения водораздельных пространств реками формируется упорядоченная картина ритмичного чередования вогнутых и выпуклых междуречий и долин разного порядка. Эта система – не что иное, как исторически сложившаяся природная, дренажная мелиоративная сеть, которая должна быть положена в основу проектирования культурного ландшафта. Подтверждением этому может служить мелиоративный объект Мостище, что в Себежском районе Псковской области (рис.7). На нём видна череполосица осушитель-

ных канав, положенных традиционным способом по низшим отметкам рельефа, и возможность прокладки мелиоративных каналов по ритмам водотоков и ложбин с созданием крупноконтурных полей (по методу заслуженного агронома Белоруссии Б.И. Кулинчика). На объекте Костелище того же района возможна мозаичная организация ландшафта на основе полигональной (как на низменностях Севера) блочности земной поверхности (рис. 8).

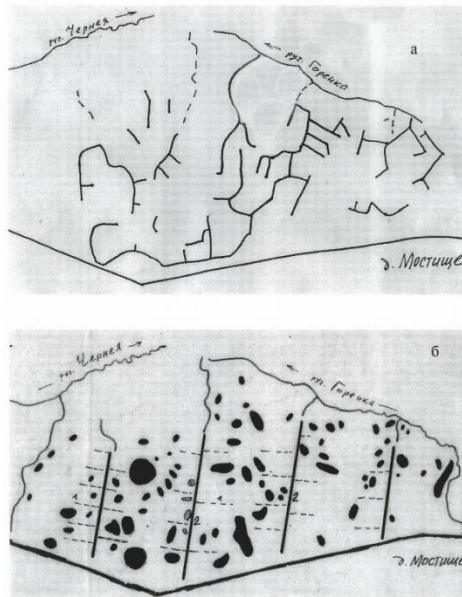

Рис. 7. Возможности создания культурного ландшафта на основе учёта ритма водотоков. Объект Мостище

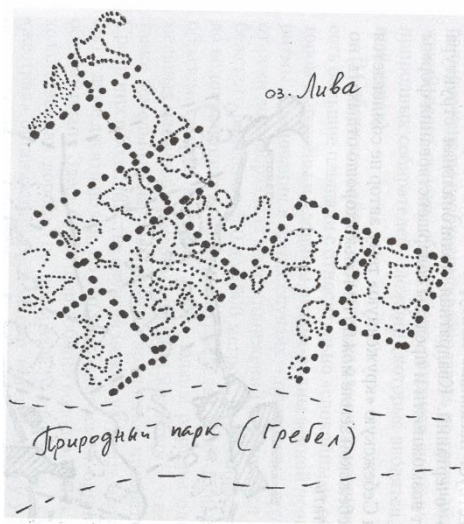

Рис. 8. Возможности блочной организации культурного ландшафта
Объект Костелище

Автору довелось исследовать строение поверхности долины Амура на площади 40 тыс. гектар южнее пос. Смидовичи. Оказалось, что и на этой «плоской», как считали дальневосточные мелиораторы, земле есть удивительная и «тонкая архитектура» (рис. 9). Она создана ритмами падей (повторяются примерно через 40 км), притоками падей (через 6 км), притоками притоков (через 1,5 км) и, наконец, ложбинами. На этой основе Б.И. Кулинчиком был подготовлен проект создания агроландшафта с полями не по 10 гектар, как следовало из идеи «плоской» земли, а по 300–500 га. Однако предложение к Владивостокскому отделению Гипроводхоза отказаться от сооружения открытых каналов через каждые 100 м, а вместо этого воспользоваться предоставленными природой возможностями, поддержки не получило.

Из сказанного, полагаю, очевидно, что подобно ямбам, дактилям, гекзаметрам в поэзии существует и земной ритм чередования форм земной поверхности, который нам предстоит увидеть и использовать при формировании культурных ландшафтов. Не только юридические установления и вложения капитала должны быть ориентиром при освоении территорий. Мы можем и должны понимать морфологию каждого на земле места, а не вырванных из общего ландшафтного контекста «земельных участков». Такому пониманию способствует создание топообразов больших территорий.

Думаю, что главной идеей нашего пейзажного наследия остаётся русское крестьянское отношение к миру и природе. В основе этого мироощущения лежит представление о «власти земли», которую Г. Успенский определил как «взгляд, которому учит земля и неразрывная с нею невозможность сопротивляться велениям природы» [10].

Прошедшие годы показали, что и краеведческая тема, и тема восприятия пейзажей нашли живой отклик у посетителей моего Музея. Что же касается топообразов и архитектурных стилей местностей, то с помощью этих категорий удаётся постичь архитектуру ландшафта, а это необходимо учитывать при землеустройстве и территориальном планировании, если подходить к таким ответственным видам деятельности профессионально. Южные районы Псковской области обладают поозёрными ландшафтами, уникальными не только в масштабах региона, но и всей России. Но именно здесь осуществляется областная программа по промышленному свиноводству и строительству мегасвинарников. И это отражает кризисное состояние профессионализма, ответственности и родиночувствия.

В Чернецовском музее побывало много школьников из южных районов области, других регионов и городов России. По его материалам написаны десятки исследовательских, в том числе дипломных работ. В Музее побывало много граждан из стран СНГ и дальнего зарубежья.

При помощи музея мне хотелось преодолеть безысходность, отраженную в произведениях наших любимых писателей-деревенщиков, пронзительно обозначивших тему прощания с деревней, а это всё равно, что с Родиной. Прощание, конечно, было, но надо задуматься о том, возможно ли возвращение? По убеждению автора оно просто неизбежно. Для такого возвращения уже недостаточно воспоминаний о поэтике крестьянского труда. Оно не может произойти и на основе новых помещичьих поместий, а вот на идее возвращения в родные просторы, на притягательности красоты и совершенства «простой» природы может. Случайно ли мы всё чаще вспоминаем о «чувстве места», о «домике в деревне», а наиболее выразительные пейзажи становятся национальными символами? Мы по-прежнему ощущаем связь с нашим «вариантом природы», с нашим географическим пространством.

Удивительно сообщение петербургских социологов о том, что на их вопрос «Что сегодня более всего объединяет русских?» большинство опрошенных ими респондентов (жителей мегаполиса!) ответило – «родные просторы» [11]. Это более чем скромный факт, но и он позволяет надеяться на то, что возвращение к пейзажам – ландшафтам русского пространства не так уж беспочвенно.

Литература

1. Волошин М. Лики творчества. Л.: «Наука», 1988.
2. Булгарин Ф.В. Путевые заметки на поездке из Дерпта в Белоруссию // Северная пчела. 1835, № 189.
3. Мицкевич А. Свитезь. СПб.: Амфора. 2012. С. 181–183.
4. Паустовский К. Ветер скорости. Собр. соч., т. 6, М.: Гослитиздат, 1958.
5. Коненков С. Вся Россия с Пушкинского холма / Комсомольская правда, 22 мая 1968.
6. Вересаев В.В. Лизар. Повести и рассказы. Минск, 1980, с. 360–367.
7. Сартр Ж.-П. Бытие и Ничто. М.: Терра. 2002. с. 501.
8. Личков Б.Л. Геоморфологический метод и социалистическое строительство // Изв. Гос. гидрол. института, 1931, № 36.
9. Плещеев А.С. Обозрение Российской империи в нынешнем её новоустроенном состоянии. СПб.: Имп. Академия наук, 1790.
10. Успенский Г.И. Власть земли. М.: Советская Россия, 1985. 397с.
11. Русский менталитет и вызовы современности. Материалы научной конференции «Русское самосознание и пространство России». СПб., 2011. С. 23.

PERPETUAL MOTHERLAND: TO THE THEME OF METAPHORIC PERCEPTION OF LANDSCAPES

A. Zhelamsky
gelamskaja@mail.ru

Village Chernetsovo, Pskov Region, Russia

Abstract. *The author, on the example of the autobiographical 'retour' (coming back from the geological 'wanderings' to the rural motherland, and setting up the local Museum of Landscape Heritage "Okoyom", that means "visible surroundings") discusses the problem of heritage enhancement in the Russian countryside, primarily for revealing scenery (landscape) values and exposing landscape character features - topographic rhythms applied to the Pskov region. Method of constructing of land topo-images is based on the analysis of relief and hydrological network and proposed for the landscape planning purposes.*

Keywords: *Pskov region, countryside, Museum of Landscape Heritage, topo-images of lands, cultural landscape, landscape rhythms.*

For citation: Zhelamsky A. Perpetual motherland: to the theme of metaphoric perception of landscapes. *Heritage and Modern Times*. 2018;1(4):95-110.

References

1. Voloshin M. Liki tvorchestva. L.: "Nauka", 1988.
2. Bulgarin F.V. Putevye zametki na poezdke iz Derpta v Belorussiyu // *Severnaya pchela*. 1835, № 189.
3. Mitskevich A. Svitez'. SPb.: Amfora. 2012. S. 181–183.
4. Paustovskii K. Veter skorosti. Sobr. Soch., t. 6, M.: Goslitizdat, 1958.
5. Konenkov S. Vsyа Rossiya s Pushkinskogo kholma. *Komsomol'skaya pravda*, 22 maya 1968.
6. Veresaev V.V. Lizar. Povesti i rassказы. Minsk, 1980, s. 360–367.
7. Sartr Zh.P. Bytie i Nichto. M.: Terra. 2002. s. 501.
8. Lichkov B.L. Geomorfologicheskii metod i sotsialisticheskoe stroitel'stvo // *Izv. Gos. gidrol. instituta*, 1931, № 36.
9. Pleshcheev A.S. Obozrenie Rossiiskoi imperii v nyneshnem ee novoustroen-nom sostoyanii. SPb.: Imp. Akademiya nauk, 1790.
10. *Uspenskii G.I. Vlast' zemli*. M.: Sovetskaya Rossiya, 1985. 397 p.
11. Russkii mentalitet i vyzovy sovremennosti // *Materialy nauchnoi konfe-rentsii "Russkoe samosoznanie i prostranstvo Rossii"*. SPb., 2011. P. 23.

Сведения об авторе

Желамский Александр Гаврилович, канд. геогр. наук, геоморфолог, действительный член Русского географического общества. Учредитель, директор, экскурсовод и хранитель Музея пейзажного наследия «Окоём». д. Чернецово Невельского района Псковской области. Россия. E-mail: gelamskaja@mail.ru

Author of the publication

Alexander Zhelamsky, PhD (Geography), geomorphologist, acting member of the Russian Geographical Society. The founder, director, tour guide and curator of the Museum of Landscape Heritage "Okoyom". The village of Chernetsovo, Nevelsky District, Pskov Region, Russia. E-mail: gelamskaja@mail.ru

Дата поступления 17.11.2018

КУЛЬТУРНЫЕ ЛАНДШАФТЫ, ИХ МЕСТО В СПИСКЕ ВСЕМИРНОГО НАСЛЕДИЯ И ПЕРСПЕКТИВЫ РОССИЙСКОГО ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВА

М.Е. Кулешова
culturalandscape@mail.ru

г. Москва, Россия

***Аннотация.** Представлены результаты аналитических исследований автора по динамике состава Списка объектов всемирного наследия ЮНЕСКО, а именно по культурно-ландшафтным номинациям за последние 12 лет. Обсуждаются наблюдаемые тенденции изменения состава официально признанных культурных ландшафтов, а также формально не относимых к данной категории объектов, но имеющих основания рассматриваться в этом качестве – их предлагается называть латентными. В этой связи автор уточняет некоторые рабочие дефиниции, поскольку невнятность в понятийно-терминологической системе провоцирует появление псевдонаучных логических конструкций. Рассматриваются перспективы включения российских культурных ландшафтов в Список всемирного наследия.*

***Ключевые слова:** культурный ландшафт, охрана наследия, культурно-ландшафтный подход к охране наследия, анализ Списка всемирного наследия, латентные культурные ландшафты, российские объекты всемирного наследия.*

***Для цитирования:** Кулешова М.Е. Культурные ландшафты, их место в списке Всемирного наследия и перспективы Российского представительства. *Наследие и современность* = *Heritage and Modern Times*. 2018;1(4):111–130.*

Согласованность понятийно-терминологической системы как условие согласованности действий

Различные культурно-ландшафтные школы и различные исследователи формулируют, как правило, свои определения категории «культурный ландшафт». Каждое из них имеет свою специфику и отражает определённую точку зрения, однако следует отметить и присутствующее им важное качество – все они обладают внутренней непротиворечивостью, составляя некий консорциум исследовательских парадигм [1]. Но культурный ландшафт за последние 25 лет стал достаточно модным и широко употребляемым термином, что непосредственно связано с обособлением этой категории в ряду объектов Всемирного наследия ЮНЕСКО. Понятие приобрело культуроохранительные функции, широко вошло в практику охраны наследия, а расплывчатость конвенциональных формулировок (они не бывают «жесткими», дабы с ними согласились все участники международного соглашения) дала повод для трактовок, не обременённых базовыми знаниями об этом феномене. Выйдя в практику проектирования охраны наследия, ложные

представления об объекте могут дать и уже дают колоссальный негативный эффект. Поэтому понятийно-терминологическая конкретность – не околonaучный каприз, а условие научно состоятельных прикладных разработок, направленных на выявление, сохранение и актуализацию культурных ландшафтов в качестве феноменов наследия.

В ряду международных соглашений, определяющих политику охраны культурных ландшафтов, ведущее место принадлежит Конвенции о всемирном наследии ЮНЕСКО, применение которой регулируется постоянно обновляемыми Руководящими указаниями [2]. Именно в рамках данного документа в 1992 г. было зафиксировано определение: культурные ландшафты – «совместные творения человека и природы. <...> Они иллюстрируют эволюцию человеческого общества и поселений во времени, происходившую под влиянием вынужденных обстоятельств и/или возможностей, заключающихся в окружающей природной среде, а также последующих социальных, экономических и культурных процессов, как внешних, так и внутренних». Было выделено три вида культурных ландшафтов – целенаправленно сформированные, эволюционировавшие и ассоциативные. В развитие и пояснение Руководящих указаний под эгидой ЮНЕСКО было составлено несколько аналитических отчётов с методическими рекомендациями в отношении культурных ландшафтов [3; 4; 5].

Важные аспекты сохранения и управления ландшафтами заключает в себе Европейская ландшафтная конвенция (Совет Европы, 2000), согласно её тексту «ландшафт означает часть территории, в том смысле как она воспринимается таковой людьми, отличительные черты которой являются результатом действия или взаимодействия природных и / или человеческих факторов». Хотя данное международное соглашение посвящено любым ландшафтам, тем не менее ознакомление с её текстом и прилагаемым руководством [6] не оставляет сомнений, что основным объектом его регулирования являются именно культурные ландшафты, ведь ландшафты Европы претерпели длительную эволюцию под влиянием многочисленных культурных практик. Представление о культурных ландшафтах как наследии способствовало расширению представлений о наследии в целом. Под влиянием этих идей в рамках СЕМАТ (Совет Европейской конференции министров регионального планирования) было подготовлено, широко распространено и поддержано секретариатом Европейской ландшафтной конвенции Руководство по сельским ландшафтам [7], в развитие которого многие европейские страны разработали собственные национальные руководства. Россия пока не присоединилась к этой конвенции, поскольку она требует введения целого ряда демократических процедур на уровне государственного управления. Однако собственный вариант рекомендаций по сельским культурным ландшафтам мы разработали и внесли свою лепту в приобщение россий-

ских специалистов к основным идеям ландшафтной консервации – как европейским, так и мировым [8].

В этой связи отметим интерес международных природоохранных организаций к ландшафтной проблематике. Так, Международный союз охраны природы (*IUCN*) все охраняемые территории мира разделяет на шесть ведущих категорий – как по строгости режимов охраны, так и по специфике охраняемых объектов. Среди них категория V – это охраняемые ландшафты, наземные (*landscape*) и морские (*seascape*), для которых под эгидой *IUCN* разработан методический инструментарий – Руководство по управлению 5-й категорией охраняемых территорий [9]. Охраняемый ландшафт рассматривается как «область суши, включая примыкающие морские побережья и акватории, где взаимодействие человека и природы с течением времени привело к образованию территории особого характера, представляющей исключительную эстетическую, экологическую и/или культурную ценность и обладающую зачастую высоким биологическим разнообразием». Из чего следует, что рассматривается именно культурный ландшафт в понимании ЮНЕСКО.

В системе нематериального мирового наследия выделяется категория культурных пространств, которые мы предлагаем рассматривать в качестве если не аналога культурным ландшафтам, то близко корреспондирующей категории, что неоднократно отмечалось в публикациях с привлечением соответствующих примеров [10]. Определение категории культурного пространства в Конвенции о нематериальном наследии ЮНЕСКО и сопутствующих ему руководствах не содержится. Россия пока не присоединяется к конвенции, хотя два российских объекта зафиксированы в Списке мирового нематериального наследия, и целый ряд субъектов федерации приняли региональные законы о нематериальном наследии [11].

Из научных определений в российской практике охраны наследия наибольшее распространение получило следующее: культурный ландшафт – природно-культурный территориальный комплекс, сформировавшийся в результате эволюционного взаимодействия природы и человека, его социокультурной и хозяйственной деятельности, компоненты и элементы которого находятся во взаимосвязи и взаимообусловленности и образуют характерные пространственные сочетания [12]. Это определение не противоречит и другим профессиональным исследовательским парадигмам, но его постарались сформулировать так, чтобы в заботах об охране наследия культурный ландшафт не перепутали с чем-либо иным, подменяя его сущностные признаки разнообразными функциональными обременениями (по принципу предикативных определений). Например, он может представлять собой совокупность ресурсов, или быть брендом местности, или местом для свиданий, или

пространством размещения капитала и т.д. и т.п. – о палитре его возможностей и человеческом восприятии см. статью Е.Ю. Колбовского. Принципиально то, что культурный ландшафт – функционально-историческая целостность, а не только и не столько фон/вместилище отдельных объектов мироздания, в нём важны связи между компонентами, эти связи даже могут выступать в качестве предмета охраны. «Культурный ландшафт – не склад случайных вещей...», прозорливо отметил когда-то Б.Б. Родман [13], предупреждая от вольностей манипулирования терминами.

Иногда культурный ландшафт отождествляют с антропогенным, но это неверно с избранных методологических позиций, поскольку он может быть как антропогенным, так и природным по генезису. Например, оленьи пастбища или святые горы и рощи, представляющие природные экосистемы, являются культурными ландшафтами, поскольку освоены и присвоены определённой культурой. С другой стороны, антропогенный бедленд хоть и создаётся некоторой культурной практикой, но она не всегда приводит к формированию новой ценности, ограничившись овладением, потреблением и истреблением. Взаимодействие и взаимопроникновение культурного и природного начал в наследии особенно ярко прослеживаются в культурном ландшафте – это одно из базисных методологических оснований концепта культурного ландшафта, также, как и задействованность нематериального наследия.

Многие ландшафтообразующие процессы детерминируются нравственными, религиозными, этическими представлениями, технологическими традициями, нормами обычного права, отсюда понятно, что материальное и нематериальное в культурном ландшафте неизбежно образуют единое целое, и об этом постоянно напоминает в разнообразном методическом инструментарии международного уровня. Тезис достаточно очевидный исследователям, работающим с конкретными территориями и проектами, но не всегда очевидный управленцам, зорко охраняющим свои ведомственные границы, поэтому в сфере управления культурным наследием трудно найти адекватное понимание проблем охраны природы или проблем содержания сельскохозяйственных угодий, также как и в сфере управления природопользованием недостаточно адекватно осознаются ценности материальной культуры, фольклора или традиционного природопользования.

Ещё одно базисное основание концепта культурного ландшафта, связанное с двумя предыдущими, – условие включённости локальных сообществ в структуру культурного ландшафта. Понимание, что живые носители культурных традиций, живые традиционные сообщества (этнические, религиозные, корпоративные, сословные) являются частью, компонентом культурного ландшафта, имеет логическим след-

ствием привлечение их к управлению. Они должны быть привлечены к управлению в той мере, в коей их существование поддерживает дух и характер культурного ландшафта.

Так, священные места Бурятии могут рассматриваться как объекты материальной культуры (конкретные земельные участки с конкретными культовыми памятниками), с ними помимо ритуальных практик связана целая система поведенческих правил и табу (нематериальное наследие), в частности запрет на сбор растений. В результате на многих таких местах наблюдаются всплески флористического разнообразия и целые заросли редких видов флоры (природное наследие). Стабильность такой системы обеспечивается конкретными людьми в той степени, в какой они обладают правом на регламентацию (в основном, это нормы обычного права). Вся эта взаимообусловленная совокупность – культурный ландшафт. Концепт культурного ландшафта обеспечивает широкую гуманистическую трактовку культурного достояния народов мира, при необязательности наличия выдающихся форм материальной культуры в виде конструкций и сооружений.

Велико значение концепта наследия для культурного ландшафта, но не менее велико значение концепта культурного ландшафта для наследия. Культурный ландшафт – рамочная конструкция, в которой найдёт себе место любой элемент наследия. Изучение культурного ландшафта как объекта наследия и применение культурно-ландшафтного подхода к объекту наследия – очень близкие исследовательские практики, но их, тем не менее, следует различать. О культурно-ландшафтном подходе много и интересно пишет Ю.А. Веденин [14], это важная составляющая парадигмы наследия в целом. Далеко не всегда целостный территориальный комплекс может претендовать на причисление к феномену наследия, но в любом территориальном комплексе (культурном или природном ландшафте) всегда найдутся отдельные феномены наследия, и полнота их восприятия как ценности будет зависеть от качества вмещающего ландшафта и от функций объекта в ландшафте. Внимание к роли ландшафта в вопросах охраны наследия бесспорно возросло за последнее десятилетие, но это внимание относится преимущественно к контекстовому значению ландшафта для некоторой культурной ценности, что очень важно и должно всячески поддерживаться. Однако ещё более важно – определить культурно-ландшафтные локусы, во всей целостности своей представляющие достояние народов страны и мира.

Сколько культурных ландшафтов в Списке Всемирного наследия?

Как уже отмечалось, категория культурных ландшафтов в составе объектов Всемирного культурного наследия появилась только в 1992 г., т.е. спустя 20 лет после подписания Конвенции о всемирном культурном и природном наследии (1972 г.). Это не означает, что целостные территориальные комплексы наследия отсутствовали в Списке Всемирного наследия, просто они проходили по более обобщённой категории – *sites* (в русском переводе – достопримечательные места), к которой были отнесены результаты сотворчества, «сотрудничества» человека с природой. Впоследствии эта характеристика была использована для формулировки понятийного аппарата в отношении культурных ландшафтов и включена в Руководство по применению выше-названной Конвенции.

Список Всемирного наследия на 2018 г. включал 1092 объектов, из них 845 – культурные; 209 – природные (устойчивое соотношение 1:4 сохраняется!); 38 – смешанные. Культурные ландшафты формально отнесены к культурному наследию, хотя имеют природно-культурный генезис. По каждому объекту Списка на сайте Центра Всемирного наследия (<http://whc.unesco.org/>) размещена обширная документация – от номинационных досье и картографических материалов до отчётов мониторинговых миссий, данных периодической отчётности и решений Комитета Всемирного наследия. На сайте также можно найти постоянно обновляемый перечень культурных ландшафтов (<http://whc.unesco.org/en/culturallandscape/>), на период 2018 г. таковых было 106. Примерно половина из них – земледельческие и пасторальные культурные ландшафты с традиционными поселениями. Это официальный общепризнанный перечень, но есть и «неканонические» списки, один из первых таких списков был опубликован в работе известного эксперта по всемирному наследию Петера Фоулера в 2003 г. [3]. Многие из обозначенных им объектов впоследствии дополнили официальный список. Наши исследования также подтверждают, что далеко не все объекты, имеющие основания быть отнесёнными к культурным ландшафтам, попадают в этот перечень, соответственно предлагается называть их латентными культурными ландшафтами. Подробное исследование на эту тему было опубликовано в 2007 г. [15] по данным на 2006 г., а англоязычная версия текста была предоставлена международным экспертам, которые сочли излагаемую версию культурно-ландшафтной идентификации заслуживающей внимания [5]. В 2018 г. было проведено аналогичное исследование, показавшее, что за прошедшие 12 лет основные тенденции пополнения Списка всемирного наследия культурно-ландшафтными объектами сохраняются. Несмотря на широкое распространение категории «культурный ландшафт», многие номинации,

явно тяготеющие к этой категории, официально в неё не входят (рис. 1). Причины тому могут быть разные: объект номинировался до 1992 г., или страна не захотела относить объект к данной категории, или международные эксперты не признали его культурным ландшафтом и т.д. Экспертные мнения могут отличаться, и, выделяя латентные культурные ландшафты, мы излагаем свою авторскую экспертную точку зрения, основанную на определённой системе аргументации [15], но не претендующую на истину.

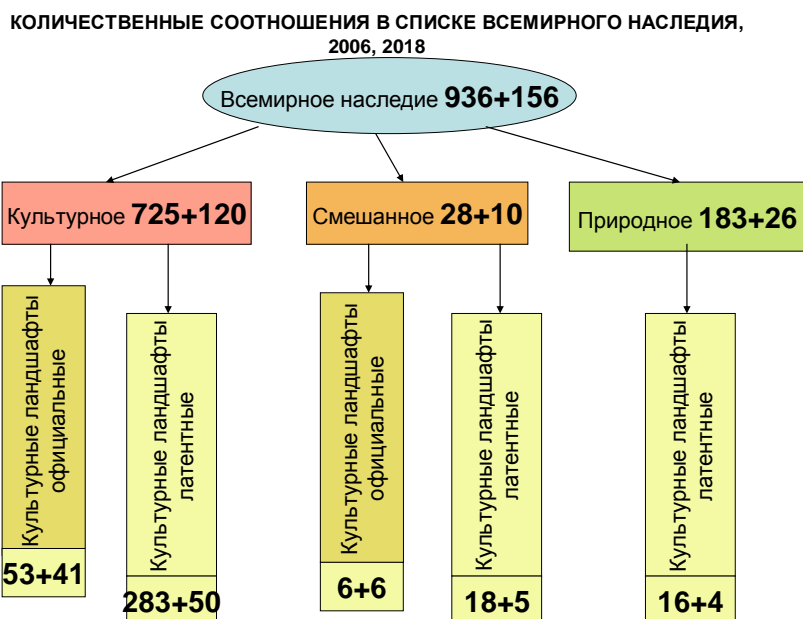

Рис. 1. Количественное распределение объектов Списка всемирного наследия на 2006 и 2018 гг., включая культурные ландшафты.

Приплюсованное число – количество номинаций за последние 12 лет

Так, в официальном перечне культурных ландшафтов Всемирного наследия по неустановленным причинам отсутствуют очевидные культурные ландшафты: «Пергам и его многослойный культурный ландшафт» (Турция, 2014), «Равнина у Стара Града» (Хорватия, 2008), «Гора Бурхан-Халдун» (Монголия, 2015), город Рёрус и окрестности (Норвегия, расширение 2010), Сасанидский археологический ландшафт (Иран, 2018), Гора Фудзи (Япония, 2013) и целый ряд других.

Неожиданно высокие суммарные количественные показатели латентного состава культурных ландшафтов, показанные на рис. 1, объясняются отчасти и тем, что некоторые, бывшие латентными на 2006 г. объекты «перекочевали» в официальный перечень, их дополнительное вычленение – отдельный вопрос, интересный тем, что переоценка внутренних категорий списка культурного наследия продолжается и после номинационных процедур.

Несколько изменился состав стран-лидеров, активно презентующих свои культурные ландшафты и культурно-ландшафтный подход к наследию. Если Китай до 2009 г. не считал актуальным вообще использовать этот термин, хотя ландшафтный подход в китайском всемирном наследии всегда прослеживался и по латентным культурным ландшафтам, то за последние 10 лет от страны в Список Всемирного наследия были включены 4 культурных ландшафта – Китай уступил только Франции (табл. 1). А вот такие бесспорные лидеры как Италия и Великобритания умили свою «ландшафтную» активность, равно как Германия, Испания и многие другие страны, изначально составившие «ландшафтный тренд» в номинационном процессе. С другой стороны, расширяется список стран с официально признанными культурными ландшафтами – теперь их 61, а 12 лет назад было 36.

Таблица 1

Динамика распределения культурно-ландшафтных объектов
Списка всемирного наследия по странам-лидерам

Страна	Общее число культурных и смешанных объектов Всемирного наследия на 2006 г. с добавленными на 2018 г.	Число выявленных культурных ландшафтов / в том числе – включённых в их официальный перечень на 2006 г. с добавленными на 2018 г.	% выявленных культурных ландшафтов 2006 : 2018 гг.
Франция	30 + 10	15/3 + 5/5	50 : 50
Италия	40 + 9	27/5 + 3/2	67 : 61
Великобритания	23 + 4	14/5 + 1/1	60 : 55
Китай	29 + 11	23/1 + 9/4	79 : 80
Германия	30 + 11	12/3 + 3/1	40 : 37
Испания	38 + 5	13/2 + 3/1	34 : 37
Япония	10 + 8	7/2 + 4/1	70 : 61
Иран	8 + 14	4/1 + 6/2	50 : 45
Португалия	12 + 2	5/3 + 1	42 : 43
Польша	12 + 2	5/3 + 0	42 : 36
Австрия	8 + 1	5/3 + 0	62 : 56
Венгрия	7 + 0	6/3 + 0	86 : 86
Южная Африка	4 + 2	2/1 + 2/2	50 : 67
Мексика	23 + 6	14/1 + 3/1	60 : 59
Индия	21 + 9	9/1 + 2	43 : 37
Швеция	13 + 1	8/1 + 0	62 : 57
Чехия	12 + 0	8/1 + 0	67 : 67
Турция	9 + 9	5 + 4/1	56 : 50
Греция	16 + 2	9 + 0	56 : 50
Россия	15 + 2	3/1 + 0	20 : 18

В табл. 1 представлены данные только по тем странам, где число официально признанных культурных ландшафтов Списка Всемирного наследия составляет три и более, а также ряд стран, представляющих некий методический интерес, плюс Россия – для сравнения. Так, Греция с её великолепными ландшафтами и значительным общим коли-

чеством культурных объектов в Списке (в числе которых и Гора Афон – бесспорный культурный ландшафт, но объект номинирован в 1988 г. и в Перечень культурных ландшафтов ЮНЕСКО не входит) – не имеет ни одного официально установленного культурного ландшафта, хотя в латентном состоянии они представлены. Предпочитает латентные формы презентации своих культурных ландшафтов и Индия. С другой стороны, явно активизировались Иран, Турция, ЮАР. Причины тому могут быть разные. Объективные – осмысленный культурно-ландшафтный потенциал страны и традиции охраны культурных ценностей. Но ведущую роль может сыграть и субъективный фактор – наличие умного исполнителя задачи на ответственном посту, опирающегося на научно обоснованную стратегию действий и научный капитал действующих институций и исследователей. Явно этот фактор определяет политику Китая во Всемирном наследии. И этот же фактор, но совсем иным образом, отражается на представительстве США: в стране, где возникла и существует всемирно известная берклийская школа культурных ландшафтов, которая дала миру множество оригинальных исследователей, у которой в Списке всемирного наследия числится 23 объекта, из которых половина (11 объектов) – культурное наследие, имеет только один официально признанный культурный ландшафт (Острова Папаханаумокуакеа, 2010) и ещё 2–3 латентных. Неожиданно скудно, но аналогичное можно сказать и о России.

Как официально признанные, так и латентные культурные ландшафты отличаются большим типологическим разнообразием, поэтому вопрос их систематизации – это вопрос выявления мировых предпочтений в этой сфере и предпочтений отдельных стран [16]. Логические основания деления выявленных множеств могут быть различны, назовём наиболее существенные. Так, в Руководстве по применению Конвенции о всемирном наследии [2] используется критерий преобразованности исходного ландшафта, соответственно выделяются ландшафты полностью спланированные (мы их называем рукотворными), эволюционировавшие (т.е. сформировавшиеся в ходе постепенного развития при участии природных процессов) и ассоциативные (формируются благодаря событиям, именам и духовным практикам, а не направленному созиданию, поэтому могут выделяться в природных экосистемах). Эволюционировавшие ландшафты, в свою очередь, разделяются по другому логическому основанию – по жизнеспособности. Они образуют два подтипа – продолжающие развиваться и реликтовые, к последним относятся археологические. Этот разделительный признак нами принят за основополагающий для всей совокупности культурных ландшафтов, хотя название «реликтовые» в данном случае неудачно. Поэтому все древние археологические культуры, составляющие ландшафтно-значимые территориальные комплексы наследия, предлагается называть палеокультурными (ар-

хеологическими) ландшафтами, а те культурные ландшафты, что продолжают выполнять своё предназначение, либо служат реликтовыми свидетельствами исчезающих культурных практик, называть историческими. Реальный процесс номинирования культурных ландшафтов не часто использует дефиниции «полностью спланированный», «эволюционировавший» или «ассоциативный». В наименованиях и описаниях преимущественно указываются функции (селитебные, сельскохозяйственные, сакральные, садово-парковые, индустриальные и пр.), с которыми взаимосвязаны определённые культуры – этнические, словные, духовные, хозяйственные и пр. Так, селитебные ландшафты органично разделяются на сельские и городские, причем, если среди официальных культурных ландшафтов преобладают сельские, то среди латентных – явно городские. Анализ количественного распределения выделяемых нами типов культурных ландшафтов (суммарно официальных и латентных) показывает, что основные ранее отмеченные тенденции сохраняются (табл. 2).

Таблица 2

Динамика количественного распределения основных типов культурных ландшафтов

Основные типы культурных ландшафтов	Численное распределение основных типов культурных ландшафтов на 2006/2018 гг. (прирост %)
Исторические городские	108/124 (13%)
Палеокультурные сакральные	67/77 (13%)
Исторические сакральные	64/80 (20%)
Исторические сельские селитебные	43/60 (28%)
Палеокультурные городские	38/49 (24%)
Исторические этнокультурные	33/44 (25%)
Исторические сельскохозяйственные	35/45 (22%)
Исторические дворцово-парковые	31/39 (21%)
Исторические индустриальные	24/30 (20%)
Палеокультурные селитебные	18/25 (28%)
Исторические фортификационные	17/19 (11%)
Мемориальные	10/15 (33%)
Прочие: промысловые, гидротехнические (ирригационные, польдерные, мелиоративные), дорожно-путевые, палеосельскохозяйственные, палеоиндустриальные и пр.	25/40 (37%)

Многие ландшафтные объекты относятся сразу к нескольким типам, и каждый такой объект учитывался по нескольким типологическим рубрикам. Абсолютное преобладание городских объектов обеспечивается за счёт их латентной части, а вот сакральные объекты в значительной своей части – это официально признанные культурные ландшафты. Наблюдается явное повышение интереса к сакральным ландшафтам, которые очень разнообразны по своему составу как среди группы палеокультурных, так и исторических – с живой религиозной

традицией. Активно номинируются сельские селитебные ландшафты, многие из которых также представляют этническую культуру и сельскохозяйственные практики. Высокий процент прироста в рубрике «прочие» означает, что типологическое разнообразие увеличивается.

Культурные ландшафты России – выдающаяся универсальная ценность

В Списке всемирного наследия от России на 2018 г. – 28 объектов, в т.ч. 17 культурных и 11 природных. Из них в официальном Перечне культурных ландшафтов значится только Куршская коса (трансграничный российско-литовский объект 2000 г.). Херсонес Таврический, также официально признанный культурный ландшафт, номинирован от Украины в 2013 г.

Соловецкий историко-культурный комплекс и Санкт-Петербург (исторический центр и взаимосвязанные группы памятников) в официальном Перечне культурных ландшафтов не значатся, но по факту являются культурными ландшафтами и это признано международными мониторинговыми миссиями ЮНЕСКО. Кроме того, обратим внимание на природные объекты всемирного наследия от России: Озеро Байкал, Золотые горы Алтай, Убсунурская котловина – они обладают не только природными раритетами, но и ценными культурными ландшафтами, сформированными живыми этническими культурами. Многие конфликты на этих природных объектах спровоцированы, как полагаем, недооценкой их культурной значимости – например, строительство завода по поставке байкальской воды в Китай создаёт не только экологические проблемы, но и глубинные историко-культурные, поскольку озеро – «кормящий ландшафт» и святыня для проживающих здесь народов.

Интересен пример Соловков, признанных культурным ландшафтом отечественными и международными экспертами, но не осознаваемых в этом качестве органами управления, которые до настоящего времени рассматривают архипелаг как собрание отдельных памятников, а территории, свободные от памятников и зон их охраны – как ресурс развития. Однако весь архипелаг является освоенным, осмысленным, мемориальным и сакральным пространством, в формировании которого ведущую роль сыграла монастырская культура, существенный вклад внесли и археологические культуры прошлых тысячелетий, а также трагедия ГУЛАГа, память о которой сделала Соловки великим мемориалом [17]. На этот объект разработаны не просто тома, а тонны проектной документации, концепций, дорожных карт, реставрационных проектов, выделены миллиардные бюджетные средства, но неблагополучие многих параметров ландшафта только усугубляется [18; 19]. Тому виной и кризис управления, не признающего логику приоритетов наследия и создающего новые проблемы на землях архипелага,

и эффекты глобальной коммерциализации, превращающей любое явление культурной среды в ресурс, и тупик развития реставрационной отрасли, когда вместо соблюдения исторических технологий на объектах наследия осуществляется имитация реставрационных работ средствами асфальто-железо-бетонно-пластиковой индустрии. В настоящее время в целях сохранения культурного ландшафта Соловков и упорядочения землепользования разрабатывается проект достопримечательного места, но говорить об успешности этой очередной инициативы преждевременно.

Рис. 2. Утрата ценной ландшафтной и архитектурно-эстетической характеристики – лишайникового покрова на стенах Соловецкого монастыря после проведенных «реставрационных» работ (фото В.В. Близнаюка)

Наряду с постепенным признанием культурного ландшафта как феномена наследия, к российским «культурным» объектам умеренно применяется и культурно-ландшафтный подход при их номинировании в Список Всемирного наследия. Последние номинации от России (Татарстан) – Болгар и Свияжск (Успенский собор Успенского монастыря) – продемонстрировали необходимость актуализации этого инструмента. При определении и утверждении буферных зон номинированных объектов широко учитывались ландшафтные особенности их окрестностей, визуальные связи и контакты, в результате под защитное регламентирование попали обширные площади акваторий и дальних панорам [20]. Однако современное благоустройство, развитие туристской инфраструктуры, семантическое уплотнение (в частности, строительство новых культовых зданий) в границах самих историко-культурных ансамблей могут принципиально изменить подлинный исторический ландшафт, который будет продолжать вмещать отдельные ценности, но уже не передаст дух и характер исторического времени, в котором эти ценности жили, определяя структуру, динамику и эстетику пространства. Вмещающий ландшафт целенаправленно изменяется, а буферный ландшафтный пояс поддерживается – таковы некоторые парадоксы в выборе методов охраны и презентации наследия.

За несколько последних лет был существенно обновлён Предварительный Список номинантов от России, на конец 2018 г. он составил 21 объект (+2 реноминируемых) (<http://whc.unesco.org/en/tentativelists/state=ru>). Из них только Заповеданное Кенозерье однозначно названо культурным ландшафтом. Это архаичный северорусский крестьянский ландшафт – и селитебный, и хозяйственный, и сакральный, расположенный в границах Кенозерского национального парка. Он уникален по концентрации и сохранности традиционных поселений, часовен и храмов с их «небесами», святых рощ, живых традиций, унаследованности мозаики угодий с XVI века. Его презентация облегчается тем, что он был осмыслен в качестве культурного ландшафта достаточно давно, в конце 1990-х – начале 2000-х годов [17]. Тогда же состоялась первая, но неудачная попытка включения его в Предварительный список. Концепт культурного ландшафта был принят руководством национального парка за основополагающий, было осуществлено множество исследовательских программ и проектов реставрации, музеефикации, презентации ландшафта и его раритетов. Осуществлялась грамотная социальная политика в отношении главного богатства – людей, без деятельности которых крестьянский ландшафт не может существовать, и которые являются хранителями уникального нематериального наследия [21]. Только в 2014 г. объект был включён в Предварительный список [22], а в 2017 г. творческим коллективом под руководством Ю.А. Веденина была выполнена обособывающая часть номинационного досье [23].

Рис. 3. Культурный ландшафт Заповеданного Кенозерья. Деревня Зехнова

Очевидным городским ландшафтом представлен в Предварительном списке «Исторический город Гороховец» – в его кратком описании присутствуют многочисленные ссылки на обусловленность его планировки и структуры ландшафтными особенностями местности, на синергию архитектуры и ландшафта. Ещё ряд объектов Предварительного списка имеют основания быть представленными как культурные ландшафты, во всяком случае культурно-ландшафтный подход в их презентациях присутствует: это Башкирский Урал (Башкирия), Джейрах-Асса (Ингушениа), Оглахты (Хакасия), культура Пазырык (Республика Алтай), Онежские и Беломорские петроглифы. Из них первые два объекта представляют сочетание живой этнической и археологических культур: в Башкирии бортевое пчеловодство на основе поддержания популяции бурзянской пчелы соседствует с пещерой Шульган-Таш и неолитической живописью; в Ингушетии – существующие тейпы продолжают поддерживать селитебно-фортификационное и сакральное пространство родовых средневековых руинированных поселений. Последние три – древние сакральные ландшафты (с писаницами, захоронениями, древними фортификациями в Хакасии; петроглифами на Алтае, Онежском озере и Белом море), а Оглахты (где наряду с археологией поддерживаются и живые духовные традиции) и Башкирский Урал заявлены к тому же как природно-культурные объекты. Важно отметить, что Заповеданное Кенозерье, Башкирский Урал и Оглахты расположены на особо охраняемых природных территориях, что ещё раз свидетельствует о природно-культурном континууме наследия и значении природоохранного законодательства для целей охраны культурного наследия, в особенности, культурных ландшафтов.

В Предварительном списке культурных объектов от России расширяется присутствие новых категорий ценностей – археологических, этнокультурных, малых городов, которые при пристальном рассмотрении могут оказаться именно культурными ландшафтами. В то же время, важную роль в культурном ландшафте России имеют мемориальные дворянские усадьбы, связанные с именами известных деятелей науки, искусства, литературы – их необходимо предъявить миру и внести в Предварительный список. Из имён с мировой известностью, с которыми связан целый пласт культурно-ландшафтного наследия, назовём Льва Толстого и Михаила Шолохова, для усадеб которых в Ясной Поляне и станице Вёшенской с их обширными окрестностями уже предлагались краткие обоснования универсальной ценности наследия [16], к тому же связанные с именем Шолохова ландшафты среднего Дона обладают этнокультурным своеобразием, здесь в реликтовых формах сохранились народные казачьи традиции и богатый фольклор.

Характерный элемент культурного ландшафта России – деревянное зодчество, один из лучших образцов которого представлен в Кижях – объекте всемирного наследия. Однако этого непростительно мало – ведь Россия дала миру не только выдающиеся памятники культурной деревянной архитектуры, но и великолепную типовую застройку, целостные селитебные ландшафты малых городов, сёл и деревень в европейской и азиатской частях страны. Деревянное зодчество представлено в Заповеданном Кенозерье в его северо-европейских вариациях, но должно быть представлено значительно шире.

Могли бы быть кандидатами во всемирное наследие индустриальные ландшафты Урала, Сибири, Хибин. Индустриальная тема может быть связана с городской, но пока она даже не звучит на уровне ландшафтной презентации. Другой малоизученный для России тип наследия – курорты, но ими не избалован и Список Всемирного наследия. В России есть уникальный исторический курортный ландшафт Кавказских Минеральных вод, к сожалению, уродуемый современным строительством, но некоторые его локусы ещё могут претендовать на соответствие критериям выдающейся универсальной ценности.

Россия – полиэтничное государство, в ней более 20 национальных республик и автономий, и она может существенно обогатить мировое наследие живыми традиционными культурами, формирующими свои характерные типы ландшафтов. В этнокультурных ландшафтах всегда присутствуют нематериальные компоненты наследия, национальные культуры как правило эгоцентричны, в значительной мере обусловлены природными обстоятельствами. Интереснейшие реликтовые формы живой культуры и природопользования сохраняются в Байкальском регионе, на Алтае, в Поволжье, Зауралье, Якутии, в Ненецком округе (священный остров Вайгач). Одним из примеров является окончательность Чукотского п-ова, Берингия [24] – этнокультурный промысловый ландшафт и природный рефугиум на гигантском поворотном мысу, культурный перекрёсток, представляющий уникальные свидетельства древних исчезнувших культур (критерий iii). Это также выдающийся по репрезентативности пример традиционного природопользования коренных народов Севера (чукчей и эскимосов), уязвимого под влиянием глобальных изменений окружающей среды (критерий v); яркое свидетельство важнейшего этапа истории Земли в процессе формирования профиля материковой Евразии и её шельфа (критерий viii); важнейшие местообитания и пути миграций ключевых видов биоты (критерий x).

Поля сражений пока не имеют «доступа» в Список Всемирного наследия, как свидетельства военной агрессии (с чем мы не можем согласиться, поскольку агрессия одной стороны предполагает оборону другой), однако военно-исторические мемориальные ландшафты ми-

рового уровня в России присутствуют. В первую очередь это Бородинское поле – место события с огромными историческими последствиями для всей Европы и огромный мемориал, где воздвигнуты монументы павшим в двух Отечественных войнах, основан Спасо-Бородинский монастырь, создан первый государственный военно-исторический музей России, и которое вошло в классику мировой литературы – эпопею Л.Н. Толстого «Война и мир» [25; 26]. Мировая ценность военно-исторического ландшафта Бородино, тем не менее, признана ЮНЕСКО – это единственный в России объект, удостоившийся почётной премии Мелины Меркури именно как культурный ландшафт.

Важнейший вопрос охраны мирового, национального, местного наследия – выбор организационно-правовой формы охраны. Уже многократно было отмечено [27], что основными формами охраны культурных ландшафтов России стали национальные парки и музеи-заповедники (которые в современном правовом поле обязательно «выступают дуэтом» с достопримечательными местами). Это не пристрастие исследователей считать их ведущими формами, а свершившийся факт. Хотя существуют и другие формы охраны, но названные наиболее полноценны и эффективны в силу сложившихся правовых обстоятельств. Изменится позиция законодателя – изменятся и правовые обстоятельства. Если бы в России существовало законодательство об охраняемых не только природных, но и историко-культурных территориях, актуальность которого дискутируется с 1990-х годов, то мы имели бы более широкий набор возможностей для охраны культурных ландшафтов.

Россия обладает исключительным богатством и разнообразием культурных ландшафтов. Осознание их ценности и повышенное к ним внимание – явная тенденция мирового уровня. Мы говорили о тех ландшафтах, что представляют ценность наследия или обладают элементами наследия. Их защита от имитаций, запустения, коренного преобразования, заполнения ненужными вещами зависит от уровня культуры, взаимоуважения, собственного достоинства и осмысленности собственной деятельности граждан с разными интересами. Это и профессионалы-исследователи, отстаивающие status quo наиболее ценных ландшафтных феноменов, и инвесторы, осваивающие ресурсы, площади, кубометры, и местные жители (а также обладатели вещного права), стремящиеся к комфорту проживания, благоустройству, «свободе» реализации индивидуальных предпочтений. Исключительна роль властных институтов, нередко решающих управленческие задачи за счёт бизнеса и инвесторов ввиду собственной некомпетентности. Ландшафт, как уже упоминалось – рамочная конструкция, и в ней найдёт свой интерес любой субъект деятельности, но это и экзаменационная площадка, выявляющая цену наших намерений.

Литература

1. *Кулешова М.Е.*, Стрелецкий В.Н. Формирование и эволюция представлений о культурном ландшафте // В фокусе наследия. М.: Институт географии РАН, 2017. С. 313–329.
2. Operational Guidelines for the Implementation of the World Heritage Convention. UNESCO. WHC. 17/01, January 2017. 178 p. Электронный ресурс: режим доступа <http://whc.unesco.org/en/guidelines/>
3. *Fowler P.J.* World Heritage Cultural Landscapes 1992-2002 / World Heritage Papers 6. UNESCO World Heritage Center, 2003. 140 p.
4. World Heritage Cultural landscapes: A Handbook for Conservation and Management (Nora Mitchell, Mechtild Rossler, Pierre-Marie Tricaud) // World Heritage Papers 26. 2009. 135 p. Электронный ресурс: режим доступа <http://whc.unesco.org/en/series/26/>
5. *Fowler Peter.* World Heritage and its Cultural Landscapes: challengers in space, time and stewardship // World Heritage Cultural Landscapes/scientific editors: Ana Luengo and Mechtild Rossler. Ayuntamiento de Elche. 2012. P. 35–44.
6. Guidelines for the Implementation of the European Landscape Convention. CM/Rec. (2008)3. Электронный ресурс: режим доступа <http://www.coe.int/t/dg4/cultureheritage/heritage/Landscape/>
7. European Rural Heritage. Observation Guide. CEMAT. 2003. 99 p. Электронный ресурс: <http://www.coe.int/t/dg4/cultureheritage/heritage/CEMAT/VersionGuide/>
8. Сельские культурные ландшафты: рекомендации по сохранению и использованию. Под ред. М.Е. Кулешовой. М.: ЭкоЦентр «Заповедники», 2013. 220 с.
9. Management Guidelines for IUCN Category V Protected Areas: Protected Landscapes/Seascapes (Adrian Phillips). Best Practice Protected Area Guidelines Series. No. 9. IUCN 2002. 122 p. Электронный ресурс: <http://data.iucn.org/dbtw-wpd/edocs/PAG-009.pdf>
10. *Кулешова М.Е.* Культурный ландшафт как наследие. Общие представления, актуализация ценности, исследовательские подходы // Сельские культурные ландшафты: рекомендации по сохранению и использованию. М.: ЭкоЦентр «Заповедники», 2013. С. 12–39.
11. *Валеев Р.М.* Право и политика в сохранении нематериального культурного наследия // Наследие и современность. 2018. Том 1. № 2. С. 85–94.
12. *Веденин Ю.А.*, Кулешова М.Е. Культурные ландшафты как категория наследия // Культурный ландшафт как объект наследия. М.: Институт Наследия; СПб.: Дмитрий Буланин, 2004. С. 13–36.
13. *Родоман Б.Б.* Региональная архитектура и культурный ландшафт // География. № 10, 2002. Электронный ресурс: режим доступа <http://geo.1september.ru/index.php?year=2002&num=10>
14. *Веденин Ю.А.* География наследия. Территориальные подходы к изучению и сохранению наследия. М.: Новый Хронограф, 2018. 472 с.
15. *Кулешова М.Е.* Культурные ландшафты в списке объектов всемирного наследия // Известия РАН. Серия географическая. 2007, № 3. С. 7–17.
16. *Кулешова М.Е.* Культурные ландшафты и перспективы расширения российского представительства в Списке Всемирного наследия // Известия Русского географического общества. 2012. Т. 144, № 5. С. 71–80.
17. Культурный ландшафт как объект наследия / Под ред. Ю.А. Веденина, М.Е. Кулешовой. М.: Институт Наследия; СПб.: Дмитрий Буланин, 2004. 620 с.
18. *Кулешова М.Е.* Соловки могут утратить свою исключительную ценность для России! Открытое письмо к организаторам публичных слушаний по материалам Генерального плана МО «Сельское поселение Соловецкое» // ИА РЕГНУМ, 2 ноября 2017. Электронный ресурс: <https://regnum.ru/news/society/2341412.html>
19. Хранители наследия 25.08.2016. Соловецкая зачистка. Электронный ресурс: <http://hraniteli-nasledia.com/articles/pamyatniki-v-regionakh/solovetskaya-zachistka/>

20. Шульгин П.М., Штеле О.Е. Принципы разработки и основные положения Плана управления для российского объекта всемирного наследия «Болгарский историко-археологический комплекс» // Наследие и современность. 2018. Том 1. № 1. С. 52–65.
21. Шатковская Е.Ф. Кенозерский национальный парк – территория культурного ландшафта /// Сельские культурные ландшафты: рекомендации по сохранению и использованию. М.: ЭкоЦентр «Заповедники», 2013. С. 119–126.
22. Кулешова М.Е. Культурный ландшафт Кенозерья как перспективный объект Всемирного наследия. Критерии выдающейся универсальной ценности. Кенозерские чтения – 2013 // Культурные ландшафты: традиции для развития / Сост. М.Н. Мелютина; отв. ред. Е.Ф. Шатковская. Архангельск, 2015. С. 68–74.
23. Веденин Ю.А., Ведерникова Н.М., Колбовский Е.Ю., Кулешова М.Е., Макаковский Н.В. Методика составления номинационного досье культурного ландшафта на примере «Заповеданного Кенозерья», заявленного от России в Список всемирного наследия // Кенозерские чтения – 2016: «Деревянная архитектура в культурном ландшафте: вызовы современности» / Сост. М.Н. Мелютина; отв. ред. Е.Ф. Шатковская. Архангельск, 2017. С. 145–155.
24. Лицом к морю. Памяти Людмилы Богословской / Сост. и отв. ред. И.И. Крупник Москва, 2016. 648 с.
25. Горбунов А.В. Концепция культурного ландшафта в развитии Бородинского музея-заповедника. В фокусе наследия. М.: Институт географии РАН, 2017. С. 499–516.
26. Кулешова М.Е. Бородинское поле: Роль ландшафта в Бородинском сражении и формировании объекта наследия // Известия Русского географического общества. Т. 145, № 4, 2013. С. 1–12.
27. Кулешова М.Е. Формы охраны природно-культурного наследия и категория культурного ландшафта // Горизонты гуманитарного знания. 2017, № 4. С. 31–43. Электронный ресурс: режим доступа <http://journals.mosgu.ru/ggz/article/view/580>

CULTURAL LANDSCAPES, THEIR PLACE IN THE WORLD HERITAGE LIST AND PROSPECTS OF RUSSIAN REPRESENTATION

M. Kuleshova

culturalandscape@mail.ru

Moscow, Russia

Abstract. Results of the author analytical research on dynamics of the UNESCO World Cultural Heritage List structure, namely on cultural and landscape nominations for the last 12 years are presented. Changes in the structure of officially recognized cultural landscapes and those, formally not referred to this category of objects, but having the reasons to be considered in this category (so called “latent”), are discussed. The author specifies some working definitions, as the indistinctness in conceptual and terminological system provokes emergency of pseudoscientific logical designs. Prospects of inclusion of some Russian cultural landscapes into the World Heritage List are considered.

Keywords: cultural landscape, heritage protection, cultural landscape approach to heritage protection, World Heritage List, latent cultural landscapes, World Heritage Sites of Russia.

For citation: Kuleshova M. Cultural landscapes, their place in the World Heritage List and prospects of Russian representation. *Heritage and Modern Times*. 2018;1(4):111–130.

References

1. *Kuleshova M.E., Streletskii V.N.* Formirovanie i evolyutsiya predstavlenii o kul'turnom landshafte // V fokuse naslediya. M.: Institut geografii RAN, 2017. S. 313–329.
2. Operational Guidelines for the Implementation of the World Heritage Convention. UNESCO. WHC. 17/01, January 2017. 178 p. Elektronnyi resurs: rezhim dostupa <http://whc.unesco.org/en/guidelines/>
3. *Fowler P.J.* World Heritage Cultural Landscapes 1992-2002 / World Heritage Papers 6. UNESCO World Heritage Center, 2003. 140 p.
4. World Heritage Cultural landscapes: A Handbook for Conservation and Management (Nora Mitchell, Mechtild Rosler, Pierre-Marie Tricaud) // World Heritage Papers 26. 2009. 135 p. Elektronnyi resurs: rezhim dostupa <http://whc.unesco.org/en/series/26/>
5. *Fowler Peter.* World Heritage and its Cultural Landscapes: challengers in space, time and stewardship // World Heritage Cultural Landscapes/scientific editors: Ana Luengo and Mechtild Rosler. Ayuntamiento de Elche. 2012. P. 35–44.
6. Guidelines for the Implementation of the European Landscape Convention. CM/Rec. (2008)3. Elektronnyi resurs: rezhim dostupa <http://www.coe.int/t/dg4/cultureheritage/heritage/Landscape/>
7. European Rural Heritage. Observation Guide. CEMAT. 2003. 99 p. Elektronnyi resurs: <http://www.coe.int/t/dg4/cultureheritage/heritage/CEMAT/VersionGuide/>
8. Sel'skie kul'turnye landshafty: rekomendatsii po sokhraneniyu i ispol'zo-vaniyu. Pod red. M.E. Kuleshovoii. M.: EkoTsentr «Zapovedniki», 2013. 220 s.
9. Management Guidelines for IUCN Category V Protected Areas: Protected Landscapes/Seascapes (Adrian Phillips). Best Practice Protected Area Guidelines Series. No. 9. IUCN 2002. 122 p. Elektronnyi resurs: <http://data.iucn.org/dbtw-wpd/edocs/PAG-009.pdf>
10. *Kuleshova M.E.* Kul'turnyi landshaft kak nasledie. Obshchie predstavleniya, aktualizatsiya tsennosti, issledovatel'skie podkhody // Sel'skie kul'turnye land-shafy: rekomendatsii po sokhraneniyu i ispol'zovaniyu. M.: EkoTsentr «Zapovedni-ki», 2013. S. 12–39.
11. *Valeev R.M.* Pravo i politika v sokhraneni nematerial'nogo kul'turnogo naslediya // Nasledie i sovremennost'. 2018. Tom 1. № 2. S. 85–94.
12. *Vedenin Yu.A., Kuleshova M.E.* Kul'turnye landshafty kak kategoriya nasle-diya // Kul'turnyi landshaft kak ob"ekt naslediya. M.: Institut Naslediya; SPb.: Dmitrii Bulanin, 2004. S. 13–36.
13. *Rodoman B.B.* Regional'naya arkhitektura i kul'turnyi landshaft // Geogra-fiya. № 10, 2002. Elektronnyi resurs: <http://geo.1september.ru/index.php?year=2002&num=10>
14. *Vedenin Yu.A.* Geografiya naslediya. Territorial'nye podkhody k izucheniyu i sokhraneniyu naslediya. M.: Novyi Khronograf, 2018. 472 s.
15. *Kuleshova M.E.* Kul'turnye landshafty v spiske ob"ektov vseirnogo naslediya // Izvestiya RAN. Seriya geograficheskaya. 2007, № 3. S. 7–17.
16. *Kuleshova M.E.* Kul'turnye landshafty i perspektivy rasshireniya rossii-skogo predstavitel'stva v Spiske Vsemirnogo naslediya // Izvestiya Russkogo geogra-ficheskogo obshchestva. 2012. T. 144, № 5. S. 71–80.
17. Kul'turnyi landshaft kak ob"ekt naslediya / Pod red. Yu.A. Vedenina, M.E. Kuleshovoii. M.: Institut Naslediya; SPb.: Dmitrii Bulanin, 2004. 620 s.
18. *Kuleshova M.E.* Solovki mogut utratit' svoyu iskl'yuchitel'nyuyu tsennost' dlya Rossii! Otkrytoe pis'mo k organizatoram publichnykh slushanii po materialam General'nogo plana MO «Sel'skoe poselenie Solovetsoe» // IA REGNUM, 2 noyabrya 2017. Elektronnyi resurs: <https://regnum.ru/news/society/2341412.html>
19. Khraniteli naslediya 25.08.2016. Solovetskaya zachistka. Elektronnyi resurs: <http://hraniteli-nasledia.com/articles/pamyatniki-v-regionakh/solovetskaya-zachistka/>
20. *Shul'gin P.M., Shteile O.E.* Printsipy razrabotki i osnovnye polozheniya Plana upravleniya dlya rossiiskogo ob"ekta vseirnogo naslediya «Bolgarskii istoriko-arkheologicheskii kompleks» // Nasledie i sovremennost'. 2018. Tom 1. № 1. S. 52–65.

21. *Shatkovskaya E.F.* Kenozerskii natsional'nyi park – territoriya kul'tur-nogo landshafta // Sel'skie kul'turnye landshafty: rekomendatsii po sokhraneniyu i ispol'zovaniyu. M.: EkoTsentr «Zapovedniki», 2013. S. 119–126.

22. *Kuleshova M.E.* Kul'turnyi landshaft Kenoz'er'ya kak perspektivnyi ob"ekt Vsemirnogo naslediya. Kriterii vydayushcheisya universal'noi tsnenosti. Kenozerskie chteniya – 2013 // Kul'turnye landshafty: traditsii dlya razvitiya / Sost. M.N. Melyutina; otv. red. E.F. Shatkovskaya. Arkhangel'sk, 2015. S. 68–74.

23. *Vedenin Yu.A., Vedernikova N.M., Kolbovskii E.Yu., Kuleshova M.E., Maksakovskii N.V.* Metodika sostavleniya nominatsionnogo dos'e kul'turnogo landshafta na primere «Zapovedannogo Kenoz'er'ya», zayavlennoe ot Rossii v Spisok vsemirnogo naslediya // Kenozerskie chteniya – 2016: «Derevyannaya arkhitektura v kul'turnom landshafte: vyzovy sovremennosti» / Sost. M.N. Melyutina; otv. red. E.F. Shatkovskaya. Arkhangel'sk, 2017. S. 145–155.

24. *Litsom k moryu. Pamyati Lyudmily Bogoslovskoi* / Sost. i otv. red. I.I. Krupnik Moskva, 2016. 648 c.

25. *Gorbunov A.V.* Kontseptsiya kul'turnogo landshafta v razviti Borodinskogo muzeya-zapovednika. V fokuse naslediya. M.: Institut geografii RAN, 2017. S. 499–516.

26. *Kuleshova M.E.* Borodinskoe pole: Rol' landshafta v Borodinskom srazhenii i formirovanii ob"ekta naslediya // Izvestiya Russkogo geograficheskogo obshchestva. T. 145, № 4, 2013. S. 1–12.

27. *Kuleshova M.E.* Formy okhrany prirodno-kul'turnogo naslediya i kategoriya kul'turnogo landshafta // Gorizonty gumanitarnogo znaniya. 2017, № 4. S. 31–43. Elektronnyi resurs: rezhim dostupa <http://journals.mosgu.ru/ggz/article/view/580>

Сведения об авторе

Кулешова Марина Евгеньевна, кандидат географических наук, независимый эксперт по культурным ландшафтам, член Научно-методического совета по культурному наследию Минкультуры РФ, член общественных организаций – Национального Комитета ИКОМОС, МСОП, ВООПИиК.
E-mail: culturalandscape@mail.ru

Author of the publication

Marina Kuleshova, Ph.D. (Geog.), independent expert on cultural landscapes, member of Scientific Methodological Council on Cultural Heritage within the Russian Federation Ministry for Culture, member of public organizations – National Committee of ICOMOS (Russia), IUCN, ВООПИиК.
E-mail: culturalandscape@mail.ru

Дата поступления 11.12.2018